

ПОЭТЫ XVIII ВЕКА

М. ХЕРАСКОВ, В. МАЙКОВ, И. БОГДАНОВИЧ
М. ПОПОВ, В. ПЕТРОВ, И. ХЕМНИЦЕР
В. КАПНИСТ, А. РАДИЩЕВ

*Общая редакция
и вступительная статья Г. Гукковского
Редакция текстов и примечания
Я. Варскова, П. Беркова, Г. Гукковского
А. Докусова и Б. Коплана*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1936

ПОЭТЫ XVIII ВЕКА

1

XVIII столетие было временем быстрого и значительного роста поэтической культуры в России. Захвативший в свои руки власть в стране класс помещиков-дворян продолжал не только оформлять политический аппарат своего господства, не только перестраивал на ходу свое хозяйство, принаравливаясь к необходимости расширять товарно-денежные элементы его, и вел выгодные для себя войны, но одновременно с этим усиленно строил свою культуру. Спешно проводились культурные мероприятия дворянского правительства и дворянской общественности, открывались учебные заведения, заказывались и покупались картины и статуи, строились дворцы, организовывались спектакли и т. д., и т. д. И среди всех этих многообразных путей оформления дворянской идеологии и дворянской власти одно из центральных мест занимала литература, и в частности поэзия.

Если в начале столетия стихотворством занималась лишь небольшая группа поэтов-схоластов, то уже во второй половине века

многочисленные журналы печатают огромное количество стихотворений десятков поэтов, один за другим появляются сборники стихов, отдельные листовки со стихами, поэмы, стиховые трагедии и комедии.

Литературная жизнь этой эпохи и содержательна и активна. Поэтические направления, выражающие течения разных слоев общества, борются между собой, сменяют друг друга. Различные группы дворянства стремятся не только захватить власть в свои руки, но и оформить свою гегемонию в поэзии.

С другой стороны, рядом с дворянской поэзией появляются первые ростки „третье-сословной“ литературы. И фоном, и основой этих поэтических тенденций была стихия крестьянской поэзии, фольклора, противостоящая дворянской поэзии. Борьба с фольклором и в то же время попытки приспособить его для нужд дворянской поэзии, характеризуют творчество многих дворянских поэтов XVIII века. В противовес им „поэты-разночинцы“ обращаются к фольклору как к демократическому источнику своей поэзии.

От фольклора, от церковной письменности и польско-украинских вирш — российское дворянство XVIII столетия тянется к западной, более современной поэтической культуре. Оно насаждает в своей поэзии нормы классицизма французского и немецкого типа; русские поэты учатся и у Расина,

и у Буало, и у Готшеда. Крепостническая Россия должна войти в круг европейских государств, — и уже в середине века русский дворянин не хочет ни в чем уступать культурному человеку Запада; русские поэты усваивают формы искусства своих западных собратьев. Это не значит, конечно, что русская поэзия XVIII века целиком несамостоятельна или подражательна. Все, заимствованное с Запада или из античных литератур, усваиваясь русской поэзией, перерабатывалось и нередко весьма значительно.

Пути развития, творческие методы и противоречия дворянской поэзии XVIII века оформились и приобрели устойчивые очертания в 40—50-х гг., в пору завершения творчества Ломоносова и творческого подъема Сумарокова. В борьбе этих двух корифеев дворянской поэзии друг с другом нашла свое литературно-идеологическое выражение борьба двух ведущих групп внутри одного и того же класса помещиков. Если Ломоносов со своей пышной, торжественно-приподнятой придворной лирикой, прославлявшей мощь дворянской монархии, успехи оружия, промышленные начинания и великолепие двора всероссийской помещицы Елизаветы Петровны, явился поэтом правительственной верхушки дворянства, магнатов, царедворцев и дельцов, окружавших трон, — то Сумароков выступал как идеолог, поэт и учитель морали, культуры

и социального самосознания столбового дворянства, среднепоместных независимых феодалов, стремившихся к ограничению произвола самодержавия и придворной верхушки дворянской общественностью.

В конце 1750-х гг. борьба между Ломоносовым и Сумароковым, несмотря на то, что правительство Елизаветы поддерживало первого, в литературной области привела к перевесу на стороне второго. Дворянская молодежь, воспитывавшаяся в Кадетском Шляхетном Корпусе и Московском университете (единственном в России), выдвинула целую группу учеников и единомышленников Сумарокова, сплотившуюся на основе общего политического, философского и эстетического мировоззрения. Когда в 1755 г. при Академии Наук, в которой очень большую роль играл Ломоносов, стал издаваться журнал „Ежемесячные сочинения“, то литературный и в частности поэтический раздел его захватили в свои руки Сумароков и его ученики. Сумароков „поставил даже себе законом, чтоб без присылки его стихотворений не выходила ни одна... книжка журнала“ (Штелин), и действительно — почти во всех номерах журнала (кроме того времени, которое Сумароков провел в Москве) есть его произведения, — вплоть до конца 1758 г., когда он приступил к изданию своего собственного журнала „Трудолюбивая пчела“.

Этот журнал просуществовал только год (1759) и закрылся вследствие давления враждебных литературных и правительственных кругов. На этом журнально-издательская деятельность Сумарокова прервалась. Но немедленно после закрытия „Пчелы“ возник уже не в Петербурге, а в Москве, новый орган, созданный учениками Сумарокова. Получив подготовку в „Ежемесячных сочинениях“ и „Пчеле“, они окрепли настолько, что смогли организовать настоящую литературно-общественную группу, и с начала 1760 г. стали выпускать при Московском университете свой журнал „Полезное увеселение“.

Основное ядро группы составляли молодые состоятельные дворяне старинных родов: тут были и поэты Нарышкины, Семен и Алексей, и А. А. Ржевский, поэт, драматург, автор остроумных сатирических статей. Были тут и Карины, Александр и Николай, и Денис и Павел Фонвизины. В 1762 г. к этой группе присоединился В. И. Майков, в то время уже гвардии капитан и ярославский помещик. Были и другие, того же круга, аристократы, состоятельные помещики, люди наследственной культуры, считавшие себя лучшими людьми страны и претендовавшие на руководство своим классом.

Херасков был главой и центром группы. Он сам принадлежал к той же прослойке дворянской интеллигенции, претензии на пол-

ноту власти которой не были удовлетворены.

Плацдармом идеологического вооружения группы Хераскова и ее пропаганды был Московский университет, в котором учились или служили многие из ее членов. Университет был использован и для литературно-общественного воздействия на „нижние“ социальные слои. Аристократы из Херасковского кружка вербовали и в свой журнал и в свою „партию“ молодых литераторов из мелкопоместной нищей шляхты и из поповичей, своего рода „разночинцев“. Так попали в орбиту влияния группы и И. Богданович, и Д. Аничков, и В. Золотницкий, и В. Санковский.

Пути „господ“ и „разночинцев“ разошлись вскоре после того, как распался кружок и прекратили издаваться его журналы. А. А. Ржевский, Я. И. Булгаков, А. В. Нарышкин, Д. И. Фонвизин сделались сановниками, дипломатами, деятелями дворянской общественности или дворянской противоправительственной фронды. „Разночинцы“ же либо пошли влево, работая над созданием радикальной идеологии в России (например Аничков, Золотницкий), либо стали обслуживать правительственную верхушку, двор и бюрократию в качестве „шинельных поэтов“ (Рубан) или же идеологов казенного придворного благополучия (Богданович).

Херасков возглавлял и редактировал

„Полезное увеселение“ в течение двух с половиной лет; затем в середине 1762 г. журнал прекратил свое существование, а через полгода начали издаваться „Свободные часы“, в сущности продолжение „Полезного увеселения“. В том же 1763 г. в Москве издавалось под руководством приятельницы новой императрицы Екатерины, кн. Дашковой, „Невинное упражнение“; организатором журнала был Богданович, ученик и протеже Хераскова, вышедший из „Полезного увеселения“. В 1764 г. ряд литераторов из Херасковской группы участвовал в „Добром намерении“, журнале, издававшемся при Московском университете под редакцией В. Д. Санковского, поэта из „разночинских“ сотрудников „Полезного увеселения“.

„Полезное увеселение“, „Свободные часы“, „Невинное упражнение“ — эти журналы были лабораторией, в которой создавалась дворянская литература XVIII столетия. Большинство дворянских писателей 60—70-х и даже 80-х гг. вышли из этих журналов или прошли через них. Лишь победа в поэзии Державина и его кружка отменила гегемонию группы Хераскова. В особенности же журналы этой группы сыграли значительную роль в развитии русской поэзии; поэзия, стихотворство занимали в них такое место, какое они не занимали более ни в одном журнале XVIII, да, пожалуй, и XIX столетия.

Херасков и его друзья, поэты „Полезного увеселения“, создавали не придворное и не официальное искусство, а искусство независимых дворян. Они обращались не к властям, а непосредственно к своим собратьям по классу. Они настаивали на своей свободе от подчинения правительственной бюрократии и заявляли о своем презрении и к ней и к торгашескому, деляческому и в то же время полицейскому направлению деятельности придворной верхушки их класса. Они были дворянскими либералами, порицавшими произвол и тиранию, главным образом в применении к дворянству.

Группа „Полезного увеселения“, — сам Херасков остался верен ее принципам до конца жизни, — занимала враждебную позицию как по отношению к подьячески-бюрократической верхушке и бюрократизировавшейся церкви, так и по отношению к новым дельцам, начинавшим конкурировать с помещиком.

Херасков и поэты его группы нападают на подьячих и на своих противников внутри своего же класса. Но они против социальных переворотов. Они готовы уничтожить подьячих и кое-кого из правительственных дельцов (многие из них были близки к кругам, совершившим дворцовый переворот, который отдал трон Екатерине), но они против резких нападков на дворян-

ство. Они видели свою миссию в воспитании дворянства и хотели больше пропагандировать свой идеал культуры, добродетели, свободы, чем громить пороки, поскольку их творчество адресовалось к их собратьям по классу. Именно о моральном зле в пределах дворянства говорит Ржевский: „Истребляти зло изо света способ один: не смотреть на других и не делать зла самому. Если всяк будет исправлять себя одного, то исправятся и все; да то беда, что у нас в обычай вошло исправляти других, а не себя“ („Свободные часы“, 1763, стр. 206). Такой в сущности реакционной формулой определяется подлинный социальный смысл феодального либерализма, идеологии Хераскова и его друзей. Их озлобленность по отношению к врагам сменяется умилением, когда дело идет о помещичьей идиллии. Недоброжелательное отношение к городу с его бюрократией, торгашеством, мучительной борьбой за существование и за власть связано у них с своеобразным помещичьим руссоизмом, прославлением тишины, „свободы“ привольной жизни среди поселян-подданных на лоне природы. В то же время призыв к добродетели и „просвещению“ являлся выражением политических претензий этой группы дворянства, бывшей в сущности наиболее культурной прослойкой в стране.

В области поэтики ученики Сумарокова, руководимые Херасковым, углубили позиции учителя и несколько видоизменили его

стилистическую манеру. Как и Сумароков, они, в основном, — классики. Они работают в пределах признанных классической теорией жанров. Это — торжественная политическая „похвальная“ ода, эпистола (своего рода философская, нравоучительная или эстетическая статья в стихах), любовная элегия, пастушеская идиллия и т. д. Они создают и крупные произведения — поэмы, также по классическим образцам. Но наибольшее значение для Хераскова и его группы в 60-е гг. имела нравоучительная, „философическая“ лирика. Соединение прямой моральной проповеди с лирическим эмоциональным выражением темы характерно для этой литературной школы. В чисто лирические жанры, — например в элегию, повествовавшую до тех пор о любовных страданиях, — проникают поучения на темы о серьезном отношении к браку, о свободе чувства и т. п. В свою очередь нравоучительная ода — жанр, наиболее ответственный в творчестве молодого Хераскова, — строится как лирическое размышление, а не как сухой урок морали.

Самая разработка темы, построение произведения, основы художественного метода Хераскова и поэтов его школы согласовались с принципами классицизма. Тема стихотворения дается в плоскости общечеловеческого анализа чувств „вообще“, в соответствии с рационалистическим миропониманием, характерным для классицизма XVIII века во всей Европе. Не индивидуаль-

ное, а общее в человеке, изображенное в сущности вне времени и пространства и разложенное на составные части согласно отвлеченной схеме,— основной объект изображения в поэзии учеников Сумарокова.

С другой стороны, теория искусства требовала от каждого произведения точного соответствия канонам и образцам классицизма, подчинения правилам данного жанра, подчинения тому, что было признано теоретиками наилучшим для всех времен и народов. Эти каноны и правила, созданные на основе обязательного подражания античной поэзии, были утверждены практикой французской поэзии XVII—XVIII веков, поэзии Расина, Ж.-Б. Руссо, Вольтера. Субъективный замысел писателя должен был подчиниться обязательному ярму правил и традиций: Писатель-поэт не столько хотел отразить в своем произведении свой личный характер и взгляд на мир и общество, сколько хотел сработать произведение по данному образцу в качестве умелого мастера. Литература стала сложной наукой; поэтов учили стихотворству как математике. Все это придавало поэзии в руках литераторов сумароковской школы кастовый характер. Она отделялась от практики жизни, стремясь воплотить в слове отвлеченную идею морально-должного и прекрасного, якобы более реальную в своей рациональной вневременности, чем индивидуальные факты эмпирической действительности. Ко-

нечно, именно своим стремлением отделиться от быта русское дворянское искусство сумароковской школы служило определенной социальной практике. Нежелание считаться с действительностью было на самом деле выражением определенного отношения к ней: во-первых, нежелания видеть крепостнический строй таким, каким он был, и, во-вторых, недовольства фрондеров-дворян своим собственным положением, воспринимаемым как случайное отклонение от рациональной нормы.

Литературная программа Хераскова и его группы в области поэтики также была близка к сумароковской, и в этом смысле противостояла поэтике придворно-торжественного стиля Ломоносова. Если Сумароков требовал чистоты, ясности языка и в первую очередь „естественности“ и простоты речи, если он порицал поэтов, которые пишут, „не имея удобства подражать естества простоте, что всего писателю труднее, кто не имеет особенного дарования, хотя простота естества издали и легка кажется“ („О неестественности“, 1759), то ему вторил и А. А. Ржевский в „Свободных часах“: „Незнающим невообразимый труд, чтоб украсить стихи приличным к материи расположением, чистым и правильным языком... плавным стопосложением... Сего требует чистота стихотворства; но важность живого изображения, точного чувствования, ясного рассуждения, пра-

вильного заключения, приятного изображения, естественная простота, что всего прекраснее во стихотворстве..." И ниже он нападает на „надутые мысли, худой смысл и неестественное изображение“ в стихах, т. е. на то, что порицал Сумароков в ломоносовской поэтике („Письмо к наборщикам третье“, „Свободные часы“, стр. 298 и 301). В другом месте Ржевский смеется над оратором, который „тягостен мне темнотою надутого и плодовитостью пустых слов слога“, и вслед затем дает пародийную „Речь“, уже непосредственно ведущую нас к Ломоносову, как к объекту сатиры; здесь пародированы и речи и оды Ломоносова, его стиль. Ср., например, выражение „вечный лед“ с соответственными в „Вздорных одах“, т. е. пародиях Сумарокова („Письмо к наборщикам четвертое“, „Свободные часы“, стр. 364—368). Также и Херасков повторяет мотивы антиломоносовских „Вздорных од“ в статье „Путешествие разума“, где Разум видит олицетворенную оду, „которая движением всех своих членов доказывала, что она великую работу имеет. Разум полюбопытствовал и спросил у ней, что она делает. „Не мешай мне, — вскричала ода, — мне и так недосужно; ты видишь, в какой я претяжкой работе, а еще и более трудиться надобно. Теперь я полечу в эфир, после побываю на Луне, оттуда мне должно спуститься в преисподнюю, испугать цер-

бера, смутить фурий, после уйти, подняться к облакам, зажечь молнию, ударить громом, потрясти Олимп, оттуда стремглав слететь и не ушибиться". — „Кто к этому принуждает тебя?“ — спросил Эскулапий. „Разум“ — вдруг она ответствовала. „Разум принуждает быть без разума? — говорил он: — о вы, музы, и ты, Аполлон, чего вы ждете, что сию безумную тварь до конца не истребите, а себя и меня так бесчестить позволяете?“ („Полезное увеселение“, 1760, т. I, стр. 145—146). Ср. у Сумарокова во „Вздорных одах“:

Помчуся по всему пространству,
Проникну воздух, небо, море
И востревожу весь эфир (Ода I)
От запада и от востока.
Лечу на север и на юг
И громогласно восклицаю,
Луну и солнце проницаю,
Взлетаю до предельных звезд;
В одну минуту восхищаюсь,
В одну минуту возвращаюсь
До самых преисподних мест (Ода III) и т. д.

В ломоносовских одах и Сумарокова и Хераскова возмущали, как видим, отсутствие логичности, „естественности“ в тематическом построении и напряженная гиперболическая образность.

Конечно, и Херасков был принужден воздавать обязательную дань уважения Ломоносову как признанной поэтической величине (таковы были нормы чиновочитания даже в поэзии), но это не выражало его

подлинного отношения к ломоносовской поэтике в 60-е г. В том же „Полезном увеселении“ он поместил стихотворное „Письмо“ на тему о поэтическом искусстве, и здесь он обращается к поэту, который хорошо сделает,

Когда так станешь петь для утешенья Россов,
Как Сумароков пел, и так, как Ломоносов,
Великие творцы, отечеству хвала,
И праведную честь им слава воздала

т. II, (1760, стр. 196), — и все же Ломоносов упомянут после Сумарокова, и все же „Письмо“ предлагает поэту советы совершенно в сумароковском духе — писать „внятно“, „ясно“ и т. д.¹

Чисто сумароковскую поэтику пропагандирует анонимный автор стихотворения „Мысли“, помещенного в журнале салона Хераскова „Вечера“ (ч. II, 1773, стр. 29); он считает образцовыми поэтами Сумарокова, Хераскова и Майкова. Он обращается с советом к поэту, желающему прельстить не-

---

¹ Позднее Херасков предлагает поэту в качестве образца одописца Ломоносова, и в том же стихотворении—главный совет: „Блюда при том, сколь можно, ты слога чистоту“—правило сумароковцев („Кн. ж. н. К. т. р. н. С. р. г. в. н. р. с. в“, т. е. Княжне Катерине Сергеевне Урусовой в „Старине и Новизне“, ч. II, 1773, стр. 199; стихотворение анонимно, но авторство Хераскова несомненно; вслед за стихотворением помещен ответ: „М. х. л. М. т. в. ч. Х. р. с. к. в.“). Прославлению „великого Ломоносова“ посвящено специальное стихотворение Хераскова, напечатанное в сборнике „Российский парнасс“, 177.

вежественную публику, причем совет этот ироничен:

Старайся только в стих собирать слова такие,
Которых бы никто совсем не разумел,
Чтобы стих твой у тебя без разума гремел...
...Пиши поэмы ты и оды пухлым слогом...

Итак, — непышность, простота, естественность, ясность, чистота слога — вот к чему стремятся Херасков и его единомышленники.

В 1762 г. Сумароков писал в оде-послании к жене Хераскова, Елизавете Васильевне: „Чисти, чисти, сколько можно, ты свое стопосложенье“; а через сорок лет Херасков, который „любил давать советы молодым стихотворцам... прощаясь с ними всегда говорил, приподняв колпак: чистите, ради бога, чистите, чистите! В этом вся и сила. Чистите! О, чистите, как можно более чистите, сударь! Чистите, чистите, чистите!“ (Письмо Батюшкова к Гнедичу от 7 ноября 1811 г.).

В своей поэтической практике ученики Сумарокова, продолжая его традицию, отчасти идут дальше его, отчасти отказываются от некоторых элементов его стилистики. Сам Херасков стремился прежде всего к гладкости, легкости стиля. И в поэтическом языке, как и в постановке темы, он избегал всего, что могло бы показаться слишком ярким, слишком броским, нарушающим „мудрое равновесие“ человека, на все в мире взирающего бесстрастно.

Стиль од-размышлений Хераскова — это стиль дружеской беседы, чрезвычайно сдержанный, но не лишенный признаков именно говорного языка. Но у Хераскова в его лирике, да и не только в лирике, мы не найдем ни напряженной славянской торжественности речи, например Ломоносова, ни грубости подчеркнутой „простонародности“, например басен Сумарокова. Херасков сглаживает все острые углы языка. Он создает единый „средний“, легкий слог, условно литературный, в конце концов слог литературного салона. Он подготавливает в этом отношении пути Карамзину с его „реформой“ литературного языка. Впоследствии, в 90-х гг., Херасков на старости лет примкнул к молодому Карамзину. В 60-х гг. он подходит к проблемам, разрешенным Карамзиным, не только в философской лирике, но и в прозе. А в своих баснях (сборник 1764 г.) он предсказывает изящные, салонные басни Дмитриева, так непохожие на площадное балагурство блестящих сумароковских басен.

Слово в художественном использовании Хераскова ограничено в своем значении. Он избегает — как и Сумароков — индивидуализации речи, неожиданных оборотов, своеобразных образных выражений. Его слово — терминологично, логически определено и незыблемо. Несмотря на то, что оно не „торжественно“, что оно — обыкновенное русское слово, оно оторвано от

бытовой конкретной обстановки, являясь условным и рационализированным и применяясь как общее понятие, а не как указание на единичную вещь. Слово у Хераскова — единица логической классификации, а не единица среди действительных предметов, переживаний, мнений. Так же логически — как ход математических формул — развивается тема стихотворения. И в сущности лишь мелодия стиха дает эмоциональный аккомпанемент этой рассудочной поэзии. Стиховая мелодия, интонация изящно построенной фразы, синтаксическая отделка — чрезвычайно важный элемент в поэтической технике Хераскова. „Средние“, условно отобранные слова поэтического пуристического языка привычно укладываются в его стихах в обязательные схемы логически стройной и ясной фразы и в привычные ямбы или хорей, скованные прочно установленными традицией, ритмическими и интонационными навыками и формулами. Самая привычность, сглаженность, постоянная повторяемость этих формул сочетания фразы и стиха, самая привычность постоянно повторяющихся немногочисленных метрических схем и синтаксических форм — характерны и принципиальны для Хераскова, да и для других поэтов его школы. Поэзия в их руках костенела, замыкалась в узкий круг отстоявшихся и признанных поэтических форм. Это гарантировало ее от вторжения якобы непоэтической жизни (такова была уста-

новка школы), от непосредственного чувства. Штамп, шаблон становился принципом искусства. В это именно время утвердилось в русской поэзии засилье ямба и отчасти хорей, в частности почти исключительно четырехстопного и шестистопного ямба и четырехстопного хорей. Все богатство метрических форм и сочетаний, разрабатывавшихся Сумароковым, было оставлено без применения. Не только сложные античные строфы од Сумарокова, стихи вольного ритма, изоощренные ритмические узоры его песен или псалмов, были исключены из практики его учеников из группы Хераскова, но даже простые трехсложные размеры. И если Сумароков до конца жизни создавал свои ритмические композиции, то Херасков уже в 60-х гг. утерял вкус и привычку к метрическому разнообразию. В 1761 г. Богданович напечатал в журнале Хераскова „Станс“, написанный анапестами (трехсложными стопами); тогда еще, когда херасковцы не оперились и крепко были привязаны к опыту своего учителя Сумарокова, эта метрическая форма не требовала никакой оговорки или объяснения. Но уже в 1773 г., когда Богданович перепечатал это стихотворение (в сокращении и с несколько измененным ритмом — чередующимся анапестом и амфибрахием) в своем сборнике „Ли́ра“, он счел необходимым объяснить его метрическую форму как диковинку и поставил помету: „Дактилическими сти-

хами*, — помету при этом бессмысленную, показывающую, что Богданович уже не разбирался в вопросах метрики, о которых с таким глубоким пониманием и знанием дела спорили Сумароков, Тредиаковский, Ломоносов.

Именно против этих стиховых шаблонов, как против засилья ямба, созданного херасковцами, выступил впоследствии Радищев. И не случайно этот принципиальный революционер и подлинный новатор в литературе обратил внимание на данный вопрос. Автоматизация стиховых навыков была у поэтов типа Хераскова формой мировоззрения, формой борьбы против индивидуализма, формой укрепления своей феодальной культуры.

3

В 1779 г. вышло в свет центральное произведение Хераскова, доставившее ему наибольшую славу, — „Россиада“, поэма, над которой он работал восемь лет. В период первых правительственных репрессий против дворянской фронды, в период открытого наступления на нее властей, Херасков сделал все возможное, чтобы создать огромный художественный памятник, способный наиболее полно выразить идеи его группы. Самый объем его труда был невидан в русской литературе; это была поэма в двенадцати песнях. Самый жанр ее должен был импонировать: героическая

эпопея считалась по правилам классицизма высочайшим достижением искусства; это был жанр Гомера и Виргилия — поэма о героях, о судьбах государств и народов, огромная композиция, где автор мог развернуть целую галерею образов, полностью выразить свое политическое, социальное, философское мировоззрение.

„Россиада“ произвела значительный эффект: „Творцом бессмертной Россиады“ назвал Хераскова Державин в самый год выхода поэмы. Все литературы Европы, у которых учились русские классики, имели свои эпопеи: — и древнегреческая — „Илиаду“ и „Одиссею“, и латинская — „Энеиду“, и французская — „Генриаду“ Вольтера и итальянская — „Освобожденный Иерусалим“ Тассо, и т. д. Русские классики не один раз пытались создать свою эпическую поэму, но Кантемир написал лишь одну песнь („Книгу“) своей „Петриды“, да и то она не была издана в XVIII веке; Ломоносов начал своего „Петра Великого“ и написал также лишь первые две песни; Сумароков написал всего одну страницу своей „Дмитриады“. Наконец, Херасков создал „Россиаду“ — долгожданную русскую дворянскую эпопею.

Это была „правильная“ эпопея, написанная согласно канонам классицизма. Темой ее — согласно правилу — являлось важное событие из отечественной истории — взятие Иваном IV Казани, которое Херасков понимал как избавление страны от „татарского

ига*. В поэме изображались и героические подвиги воинов, и государственные совещания руководителей страны, и любовь, — разумеется, любовь героев и, главное, царей. Также согласно правилам и в подражание образцам в поэму был введен элемент чудесного; и среди действующих лиц ее фигурируют не только люди, но и олицетворенные понятия как „злочестие“ или бог и святые; эти фигуры Херасков создал по образцу вольтеровой Генриады, — взамен богов античных поэм. Но чудесные герои Хераскова задуманы в религиозном плане, тогда как у Вольтера — это символы его буржуазно-просветительской концепции истории.

Внешнее построение „Россиады“ также соответствует традиционным требованиям, начиная от „высокого“ языка, медлительно-плавного изложения событий, и кончая отдельными традиционными мотивами, например, неизбежным обращением во вступлении к высшему источнику вдохновения; так же традиционен мотив пророческого рассказа о будущих событиях отечественной истории вплоть до времени жизни самого автора эпопеи (см. в „Россиаде“ песнь XV).

Весь этот сложный, громоздкий аппарат классической эпопеи нужен был Хераскову для того, чтобы поднять на невиданную еще высоту те идеи, которые он хотел провозгласить во всеуслышание. Весь авторитет Гомера и Virгилия, авторитет правил клас-

сицизма, должен был поддержать его поэму и этот авторитет должен был сообщить твердость, внушительность, убедительность его голосу. А в помощи авторитета Херасков сильно нуждался перед лицом опасности быть раздавленным правительством.

Героическая поэма, и именно в классическом ее облике, была жанром, сугубо ответственным в идейном и политическом смысле. И „Россиада“ содержала отчетливое выражение взглядов ее автора. Это поэма дворянская, но не поэма слуги деспотии Екатерины II. Херасков прославляет мощь и величие дворянской монархии, но он показывает и свой идеал этой монархии: его царь — не бесконтрольный самодур-самодержец, а лишь первый среди равных, лишь вождь дворян, и только дворянские доблести и дворянская инициатива делают его политику плодотворной. Героика войны феодалов и пафос свободного обсуждения государственных дел дворянскими главарями движут поэму. Добрые старые времена феодальной независимости аристократов, — так представлял себе изображаемую эпоху Херасков, — он рисует восторженно. „Россиада“ — поэма феодальных воспоминаний, поэма дворян, идеалом которых является человек, многозначительно названный „Стародумом“. С другой стороны, „Россиада“ — это поэма с современной автору проблематикой, изображавшая борьбу России с магометанским государством. „Россиада“ была

начата Херасковым в самый разгар первой турецкой войны и закончена перед захватом Крыма, когда российское дворянство вновь готовилось к схватке с Турцией с целью распространения влияния России на Черном море и ради возможности захвата Польши. „Россиада“ в образах прошлого пропагандирует и прославляет политику феодального империализма русского дворянства. Конечно, эта идея, присущая поэме, могла примирить с нею все слои дворянства и правительство. Наконец, с этой же идеей связана и пропаганда христианства, пронизывающая поэму.

В „Полезном увеселении“, журнале Хераскова и его группы, впервые выступил в печати В. И. Майков. Это был поэт сумароковской школы. Он последовательно продолжал традиции своего учителя. Его басни — комические рассказы в стихах, грубоватые в своем реализме — сходны в основном с образцами, данными в этом жанре Сумароковым. В его философской лирике сказалось влияние Хераскова, но и в ней сильно еще стремление следовать примеру Сумарокова. „Ода о вкусе к А. П. Сумарокову“ — одно из произведений, завершающих творческий путь Майкова, — это не только открытое признание своей зависимости от уроков „творца Семиры“, но и исповедание системы поэтики, повторяющее позиции Сумарокова. Понятно, что Сумароков откликнулся на

эту оду стихотворением, в котором признал Майкова поэтом высокого значения. Это было уже после выхода в свет крупнейшего произведения Майкова, героико-комической поэмы „Елисей, или раздраженный Вакх“.

Героико-комическая поэма — жанр, признанный классической поэтикой и распространенный в различных его разновидностях в классических литературах Европы. Там, на Западе, он имел свою, довольно длительную, историю. Во Франции дело началось с середины XVII столетия, с школы так называемой бюрлеск, с творчества Скаррона. Он издал в 1648—1652 гг. свою „Перелицованную (переодетую) Энеиду“. Знаменитая поэма Виргилия рассказана в комическом духе, герои поэмы, в том числе и боги, представлены в виде современных Скаррону людей, весьма обыкновенных и забавных, в изложение внесены подробности „низкого“ быта, стиль „простонароден“, груб. Травестированные (переодетые) поэмы в духе Скаррона имели успех и издавались во множестве во всех странах Европы. Но уже в том же XVII столетии против них выступил Буало и осудил их с точки зрения укрепляемых им позиций классицизма. В 1674 г. он предложил образец иной комической поэмы, призванной отменить бюрлескные перелицовки. Это была его поэма „Налой“. Она была построена обратным методом по сравнению с поэмами

скарроновского типа. Буало взял „низкую“ тему — столкновение в среде современных ему церковников, ссору по пустякам, и изложил ее стилем героической эпопеи, сохраняя и характернейшие элементы построения этого „высокого“ жанра.

В XVIII веке в западных литературах жили традиции обоих видов комической поэмы, и классической — по Буало, и бюрлескной — по Скаррону.

В своеобразном преломлении отразились эти традиции в поэзии русского дворянского классицизма XVIII века, в частности в поэзии Майкова. Русская литература XVIII века обильна произведениями комических поэтических жанров; проблемы комической и пародийной поэзии занимали в ней заметное место; это отразилось и в теоретических работах о словесном искусстве, выросших на основе русского классицизма. Русские теоретики признавали законным оба вида комической поэмы. Во Франции, с точки зрения классического искусства, автор бюрлескных трагедий объявлялся поэтом низшей квалификации; скарроновский тип поэм там осуждался. В России же еще Сумароков, в других вопросах ригорист, явно расходился в этом пункте с Буало. В своем „Письме о стихотворстве“ он исключительно много места уделяет комической поэме и уравнивает в правах оба ее типа. Он пишет:

Еще есть склад смешных Геройческих поэм,
И нечто помянуть хочу я и о нем:
Он в подлу женщину Дидону превращает,
Или нам бурлака Енеем представляет,
Являя рыцарями буянов, забияк,
И так таких поэм шутливых склад двояк.

Как видим, Сумароков сразу же устанавливает возможность двух типов комической поэзии. Самый выбор его примеров частью оправдан опытом западной литературы, частью дает рецепт, осуществленный впоследствии Майковым. Сумароков пишет:

В одном¹ богатырей ведет отвага в драку,
Парис Фетидину дал сыну перебьяку;
Гектор не на войну идет, в кулачный бой,
Не воинов, бойцов ведет на брань с собой;
Зевес не молнию, не гром с небес бросает,
Он из крашня огонь железом высекает,
Не жителей земных им хочет устрашить,
На что-то хочет он лучинку засветить.
Стихи, владеючи высокими делами,
В сем складе пишутся пренизкими словами.
В другом таких поем искусному творцу
Велит перо давать дух рыцарский борцу.
Поссорился буян: не подлая то ссора,
Но гонит Ахилес прехраброго Гектора.
Замаранный кузнец в сем складе есть Вулкан,
А лужа от дождя, не лужа — океан;
Ребенка баба бьет: то гневная Юнона;
Плетень вокруг гумна: то стены Илиона.
В сем складе надобно, чтоб Муза подала
Высокие слова на низкие дела.

Комическая поэма была одним из жанров, органически свойственных русскому дворянскому классицизму. Эстетической

---

¹ Т. е. в одном типе поэмы. — Гр. Г.

системе классицизма было свойственно четкое разделение видов литературного творчества, — жанров, состав и формы которых были заранее определены правилами и образцами. Каждое отдельное поэтическое произведение воспринималось на фоне общего представления о жанре. Отнесение к жанру было фактом первой локализации его в системе художественного творчества. Именно в художественной системе, отчетливо различающей жанры, основанной на классификационных канонах, могло развиваться комическое искусство, сущность комизма которого заключается в парадоксальном столкновении и переплетении жанровых канонов. В самом деле, комическая поэма классицизма опирается прежде всего на то, что в ней жанровые единства соединены как бы противоестественным образом; она требует для своего полного восприятия не только осознания различия жанров, соединенных в ней, но и живого ощущения этого различия как логической и образной несовместимости. Именно для такого читателя, для которого эмоциональный тон произведения, его образы, слог, смысловое содержание в целом predeterminedены его жанром, — для такого читателя смешны, остроумны и полноценны произведения русского бюрлеска.

Уже Сумароков уделил много внимания пародийно-комическим жанрам. Он не только сформировал их теорию, но и дал их

образцы и разработал стилистические элементы, необходимые для дальнейшего их развития. Его пародии на Тредиаковского, Ломоносова, В. Петрова составляют существенный отдел его творчества. При этом трудно установить границу, отделяющую сумароковскую пародию от других типов его комических произведений. И те и другие основаны на том, что на мир изображаемых явлений надевается маска несвойственных ему элементов стиля, мотивов, слов. Так используется и вместе с тем осуждается Сумароковым подъяческая речь в прозе и стихах. Травестийный характер имеет; например, сатира Сумарокова „Наставление сыну“, в которой мы на месте моральных рассуждений находим уроки подлости, выраженные, однако, речевыми формулами и слогом серьезной медитативно-дидактической поэзии, давшей и общие жанровые очертания пьесы. Еще более отчетлив метод травести в „Оде от лица лжи“, заключенной (как и полагается оде) в 10-строчные строфы, которые применены были потом в двух „Енеидах“ — и Осипова и Котельницкого. В ней использована также „грубая“ лексика, рассчитанная на комический эффект и реалистический круг образов. Вообще говоря, „реализм“ и грубость реалий и слов поэзии В. Майкова предварены были уже творчеством Сумарокова.

„Травестийные“ элементы можно найти и в баснях Сумарокова; здесь „перелицовке“

подвергаются уже не одические формы, а формулы героической эпопеи.

После Сумарокова у его учеников и младших современников травестийная необурлескная поэзия, развивавшаяся в духе его начинаний и творческой инициативы, приобрела права гражданства. Даже нравоучительный Херасков отдал ей дань. Немало крупных поэтов эпохи разрабатывали различные ее виды; среди них прежде всего — Барков и Майков.

И. Барков, один из наиболее известных в свое время поэтов, в настоящее время почти совсем забыт. Имя его знакомо более как нарицательное слово, как условное объединение произведений, чаще всего ему не принадлежащих и написанных в XIX столетии. Подлинные стихотворения Баркова, никогда не изданные (я оставляю в стороне его переводы и оду Петру III 1762 г.), мало кому ведомы. Между тем в XVIII веке его эротико-порнографические произведения расходились во множестве списков и не связывались с представлением о чем-то „дурном“, запретном, выпадающем из понятий о литературе. Барков оказал немалое влияние на литературу XVIII столетия, на творчество поэтов, работавших в комических жанрах.

Стихотворения Баркова всегда пародийны или, вернее, травестийны. Его оды—это травести торжественных од ломоносовского типа, басни—басен сумароковского стиля

и т. д. Мы найдем у него даже перелицовку „духовной оды“ Ломоносова. В этом парадоксальном соединении единой и весьма разнообразной темы „барковщины“ с различными жанровыми схемами заключается основной эффект манеры Баркова.

Словарь (и стиль вообще) Баркова смешан; он включает и очень грубые слова и детали „низкого“ быта, обстановки жизни крестьянина, сельского священника, солдата.

С традициями Баркова и Сумарокова связано и творчество В. Майкова как автора комических поэм. Уже первая из поэм В. Майкова, „Игрок ломбера“, представляет собою перелицовку схемы и формул героической эпопеи. Формулы зачина поэмы, ряд мотивов, риторическое описание сражений, — все это применено к описанию картежа и картежников.

„Игрок ломбера“ написан по рецепту „Налоя“ Буало. Тем не менее принадлежность Майкова к школе русского классицизма отчетливо сказалась в нем (сатира, грубо-реальный комизм, слог). Тем легче было Майкову преодолеть зависимость от Буало в „Елисея“. Основа „Елисея“ — пародийное столкновение несовместимых в пределах одного жанра элементов низкого и высокого. Первичная схема его — схема героической поэмы, причем опять перелицовке подвергся целый ряд ходовых мотивов

эпопеи. При этом именно то обстоятельство, что эффективность поэмы Майкова зависит от примышления читателем фона жанровых схем эпопеи, определяет ограниченность читательского круга, на который рассчитан „Елисей“. Поэма могла „дойти“ полностью лишь до такого читателя, который обладал элементарным художественным и „словесным“ образованием в духе классицизма; таким читателем прежде всего был дворянин, и не какой-нибудь захудалый деревенский помещик, а человек, приобщенный к столичной культуре. О том же говорят мифологические имена, литературные реминисценции, элементы злободневности и целый ряд литературных намеков, полемических выпадов, пародийных пассажей, которыми насыщена поэма Майкова. Крайняя грубость ее материала и словаря не противоречит этому.

Дворянские вкусы в XVIII веке не были чопорны, и салонная изысканность еще не была свойственна даже русским щеголям эпохи Майкова, а тем более каким-нибудь гвардейским офицерам, чиновникам и проживающим свои доходы в столице помещикам, которые составляли его аудиторию. Не изменяет дела и то обстоятельство, что действующие лица поэмы — ямщики, проститутки, купцы и т. п. Майков изображал „низкий“ быт под углом зрения комизма, несоизмеримости этого материала с обязательным достоинством жан-

ра эпопен. Для него быт ямщиков и т. п. — экзотика, ямщик для него — фигура комическая уже потому, что он ямщик, и потому, что он затесался в хорошее общество александрийских стихов, мифологических имен и риторических фигур. Майков даже не дает себе труда осуждать пьянство, дикость, драки, безобразия быта „низов“ общества. Конечно, Майков не хотел издеваться над ямщиками и позорить их занятие. Но грубость нравов ямщиков была для него комична в силу его социально-художественного мировоззрения.

Следует отметить ориентацию майковского „Елисея“ на тематические мотивы виргилиевой „Энеиды“. Елисей в значительной степени представляет собою вольную перелицовку „Энеиды“ (см. сцены на Олимпе; история любви Елисея и начальницы Калинкинского дома и история любви Энея и Дидоны; рассказ Елисея и рассказ Энея по внушению бога; любовница Елисея после его бегства и Дидона); в тексте „Елисея“ есть и прямые сопоставления, как бы отсылки к „Энеиде“.

Метод построения комической поэмы, рекомендованный Буало, не преобладает в „Елисее“. Майков широко использует и изложение „высоких“ мотивов „низким“ слогом, переплетая обе манеры столкновения противоречивых элементов. Вообще говоря, художественный метод, примененный в „Елисее“, отличается от того, обра-

зец которого дал Буало, значительно отличаясь и от скарроновского.¹

Независимо от бюрлескного соединения различных жанровых элементов, речь Майкова приобретает особый колорит из-за обилия необычных, крайне грубых, иногда каких-то вычурных выражений. Тут и „задница“ „шалного детины“, и Нептун—„преглупая скотина“, и богини и божки, которые должны „изнадорвать читателей кишки“; „расквашенные носы“, „носы, из которых сделана „плюшатка“, „плюгавцы“, „сержант отдулся спиною“, „она туда-сюда хвостишком помотала, потом ударов им десяток рассовала“, „друг друга в рыло бьют“ и т. д., и т. д. То же самое намечено уже у Сумарокова. Признак всех таких выражений — именно их назойливость, то, что они необычны, выисканы как специально грубые, залихватски разговорные „пьяные“ речевые формулы. Перенапряжение того же приема найдем у Баркова.

Слову в поэтике русского классицизма присвоивалось не только точно установленное значение, но и точно установленная характеристика по линии его лексического колорита. Место слова в общем замысле речи диктовалось не столько индивидуальным замыслом и истолкованием этого слова

---

¹ „Призывания“ и упоминания Скаррона в „Елисее“ следует понимать лишь в смысле пародийного использования условного имени откровенного шутника и бюрлескника.

автором, сколько как бы прирожденным достоинством этого слова. Были слова, высокие не по своему значению, а сами по себе, высокие независимо от того, как ни употребить такое слово; были слова низкие и средние. Отмеченное определением своей высоты и жанровых возможностей, слово оказывалось как бы фокусом того жанра, с которым оно было связано. Слово само по себе оказывалось поэтому определенным уже не только семантически и лексически, но и в смысле всех эмоциональных, эстетических возможностей, которые оно призвано было осуществить в жанровом контексте. Едва ли когда-либо в другие эпохи эстетическое сознание доходило до такой атомистики, до такого механического микроскопизма в переживании искусства, как в это время, в преддверии которого стоят идеи Декарта и Лейбница, увлекавшие русских классиков.

Рядом со словами оды и эпопеи должны были существовать и слова эпиграммы или комической поэмы, слова, характеристика которых — комизм, смехотворность. Именно классическая литература создала отчетливо выделенный из всего состава языка словарь смехотворности, так же как она создала словарь торжественности. Дворянский писатель середины XVIII века искал смешного прежде всего в особых смешных словах. Конечно, наряду с ними, поэт-классик пользовался и готовыми тематическими

мотивами, также заранее определенными как смешные. Но создавая комическую поэму, он должен был использовать и всю ту сумму слов, которые исключали представление о высоком, серьезном, важном и, наоборот, вызывали смех. Такими и оказывались слова, смешные самой своей грубостью, необычностью, высканностью. Они походили на кривлянье шутов или на палочные побоища в итальянских фарсах и сумароковских комедиях, похожих на эти фарсы. „Взобрался“ — это слово было нейтрально; „встюрился“ — могло звучать специфически комично своим отличием от среднебыденного. Многие слова звучали смешно потому, что они еще не осели прочно в сфере эстетической речи (например, Барковские откровенности). В быту они могли быть просто запретными; в искусстве они становятся комическими и несут определенную социально-оценочную функцию.

4

Ученики Сумарокова, поэты, вышедшие из журнала „Полезное увеселение“, добились первенствующего положения в дворянской поэзии 60 — 70-х гг. Но эта гегемония их не была признана всеми, не была безраздельна и не была утверждена согласием правительственной верхушки дворянства. Херасков, Майков и др. были в глазах вельможного кружка и непосредственно правительства непокор-

ными людьми, фрондерами, конституционалистами, а их морально-поэтическая пропаганда истолковывалась властями как попытка создать внеправительственную дворянскую общественность, вооружить ее идеями, выходящими за рамки официальной идеологии самодержавия. Даже стилистическая программа сумароковцев, стремление их к легкости, к „домашности“, к рационалистическому снятию масок с понятий, — все это было неприемлемо для вельможного круга, поскольку направление стилистической работы Хераскова и его друзей выдвигало на первый план „частного“ человека, дворянского мудреца, свободно рассуждающего со своими единомышленниками и не идущего на поклон к „деспоту“ и его приближенным.

Придворная „знать“ должна была выдвинуть против херасковцев своего поэта, противопоставить и стилю и идеологии своих внутриклассовых противников, свое искусство. Раньше, при Елизавете Петровне, роль поэта правительственной кучки играл Ломоносов. В 1765 г. он умер, а уже на следующий год появился его преемник, Василий Петров. Если дворяне-фрондеры сами, из своей среды, выдвигали поэтов, то вельможи и бюрократы, правившие страной, сами не умели, да и не хотели заниматься литературой: они нанимали для себя идеологов, находили верных и, что может быть более примечательно, — талантливых слуг.

Когда-то им обязан был служить, более или менее против воли, попович Тредиаковский; затем — Шуваловым служил истово и успешно свой штатный гений по всем наукам и искусствам, плебей Ломоносов. Теперь — Орлову, а потом — Потемкину стал служить попович Петров. Как только он появился в литературе, вокруг него создали шум. В придворных кругах Петрова объявили гением, вторым Ломоносовым; последнее было в особенности важно. Успехом Петрова хотели уколоть сумароковцев. Еще год назад, со смертью Ломоносова, победа, казалось, осталась всецело за ними; смерть примирила их с бывшим противником; они готовы были склониться перед авторитетом Ломоносова, и вот им говорят, что благодущие их преждевременно, что Ломоносов возродился в Петрове. Бой в дворянской поэзии разгорелся вновь и продолжался от 1766 г. до середины 70-х гг. В самый разгар споров, в 1770 г., печатно, высказалась сама императрица, конечно, в пользу Петрова, в своей книге „Антидот“ (изданной анонимно по-французски).

Еще в 1766 г. по поводу первой оды В. Петрова — „На карусель“ — Сумароков напечатал пародию „Дифирамв Пегасу“; характерно, что эту пародию, посвященную дискредитации оды Петрова, Сумароков начал с пародийных выпадов против ломоносовской поэзии; повидимому и Сумароков видел в Петрове продолжателя своего бывшего противника.

Вслед за Сумароковым пошли его ученики, к ним примкнули и другие противники Петрова; здесь был и человек совсем иной социальной ориентации, буржуазный писатель Федор Эмин и Николай Новиков, союзник херасковцев в ряде вопросов; все они объединились для борьбы с общим врагом — придворной идеологией деспотии в облике поэзии В. Петрова. Петров не остался в долгу перед своими неприятелями.

Петрова поддерживала мощная рука Потемкина. После прихода Потемкина к власти Петров сделался официальным правительственным поэтом. Его одическое творчество было непосредственно связано с политическими заданиями власти.

Стиль Петрова по своим принципам противоположен стилю Сумарокова, Хераскова, Майкова. Петров возродил похвальную оду ломоносовской поры во всем ее придворном великолепии. Его оды напряженно-патетичны, грандиозны и в своих образах, и даже нередко в своем объеме. Он прославлял монархию и ее „героев“ в тонах восторженного преклонения; он создавал им культ самым стилем своих од — нисколько не „естественным“, не „ясным“, т. е. не отвечающим стилистическим требованиям Сумарокова и его учеников. Наоборот, он стремился к нарочитой усложненности языка, к приподнятости его, соответствующей ореолу, которым он хотел

окружить власть. Строение фразы у Петрова запутанное, изукрашенное хитроумными вывертами; Петров, как и Ломоносов, латинизирует русский синтаксис. Его словарь так же затруднен и непрост. Ряд редких, устарелых и славянских слов отягчает его. Уже в первой оде В. Петрова „На карусель“ — читаем „Живяй Дианиных стрелиц“ или „Пряяти тшатся лавр мужам“ и т. д. У него нередко такие выражения: „От знойных стран вознявшись пруги“ (1769) или „Осуетилась помышленьми“ (1775) или „Так солнце зрелит злаки польны“ (1775) и т. д. Или, например, такие стихи: „Отверзи недра днесь Россия, Где злато, стакти и касия...“ (1777). Не довольствуясь этими методами „повышения“ лексического состава своей речи, Петров вводит в нее составные слова (в духе греческих, а отчасти и немецких), иногда оправданные славянским языком, а иногда и новосоставленные, порывая и в этом с обычным, общепринятым в языке. В той же оде „На карусель“ мы находим слова: „всещедра“, „благозрачна“, „скородвижна“, „мечебитцы“ и т. д. „Молниебыстр“ — слово В. Петрова. Петров усложняет свой поэтический язык нарочитым распределением слов, нагромождением затрудненных синтаксических формул, особыми словесными узорами с каламбурными повторениями слов и т. п. Например, вот отрывки из оды Румянцову (1775):

В груди ведуша их героя
Геройства Россы черпля дух,
Несут сомкнута ужас строя,
Стеной палящей движась вдруг
Горами трудностей преляты,
Воспять не обращают пяты;
Ни чел, ни персей не шадят,
Смертьми дождимы, смерть дождят...

Все это, в сочетании с напряженной, ломоносовской метафоричностью, определяло стилистический облик од Петрова. Эти оды быют на эффект; „гремят“, сверкают пышностью словесного орнамента; в шумном потоке стиховой речи, ораторской и патетичной, тонут отдельные мысли, рассыпаются логические связи; волна патетики несет стихотворение. Лишь иногда Петров вкрапляет в этот поток отдельные образные штрихи, зрительные детали реального мира, поданные иногда также в тонах повышенных, но не отвлеченных в духе Хераскова: „Я зрю плывущих Эти победоносный строй... Их паруса — крыле, их мачты — лес дремучий“ (Ода 1770 г.) — это картина военных кораблей. Или вот — зимняя ночь:

Как свод небес яснее синий,
По нем звезд бездна расстлана;
Древа блестящ кудрявит иней,
И светит полная луна;
Далече выстрел раздастся,
И дым, как облак, кверху вьется...

(Ода 1775 г.)

Стиховая сглаженность, метрическая ограниченность школы Хераскова не удо-

влетворяла Петрова: он стал писать оды ямбическими строфами из стихов разного объема; он писал оды на античный манер, состоящие из строф, антистроф и эподов, как хоры греческой трагедии, превращая оду в ораторию. Он нарушал правильное течение „легкого“ ямба разрушающими его метрическими отягчениями безударных слогов, например, в оде „На карусель“: „Снискать ее, верх счастья, плеск“, „Коль быстр того взор, мышца, меч“, „И поит волн черных встрепетал“ и т. д. (ср. также в последнем примере нарочитое столкновение согласных к в с т р, затрудняющее произнесение стиха).

Разрушение Петровым, системы поэтики, выработанной учениками Сумарокова, подготовило отчасти творчество Державина.

Не все писатели сумароковской школы смогли оказать достаточное сопротивление наступлению правительства Екатерины II на дворянскую фронду. Крестьянское восстание 1773—1774 гг., объединившее огромное большинство дворянства вокруг правительства, отпугнуло многих „недовольных“ из помещичьей среды и заставило их отказаться от внутриклассовой борьбы перед лицом опасности, угрожавшей всему классу в целом. Не устоял и ученик Хераскова, безродный шляхтич Богданович. Он принялся усердно служить двору. Его „Душенька“ выросла на основе стилистической традиции школы Хераскова; она многим обязана и стилистике

басни (самый стих поэмы, разноstopный ямб, связывал ее с басней), и опыту легкого рассказа повестушек в стихах Хераскова, и отчасти героин-комической поэме. Свободная речь рассказчика укладывается в привычные формулы, выработанные поэзией школы Хераскова. Но поэтическая система, воспринятая Богдановичем смолоду, в его поэме начинает внутренне перестраиваться, служить иным идеологическим и эстетическим задачам.

„Душенька“, как и героин-комические поэмы, „снижает“ царей, богов и героев античного мира, но она не „груба“, в ней нет своеобразного реализма „Елисея“, нет „низкой“ натуры, нет ямщиков, „мужиков“. Богданович стремится в „Душеньке“ к изяществу, салонной игривости, как он стремится к пасторальной изысканности придворного балета в своей любовной лирике (песнях, идиллиях). Самая эротика его поэмы иная, чем в „Елисее“, — не полнокровная полубарковщина „Елисея“, а гривуазность салонного флирта.

„Душенька“, как и поэмы Майкова, несмотря на свой мифологический сюжет, не лишена полемических выпадов литературного характера и вообще элементов злободневности, нарушающих ее античную декорацию. Но Богданович хочет быть „аполитичным“ в своей поэме, т. е. воздерживается от социальной и политической критики и учительности, осуществляя тем

самым политическую линию правительства. В канву рассказа о древних греках вплетаются мотивы великосветской современности: греческие персонажи неприметно превращаются у Богдановича в вельмож или царей его эпохи, и окружение их подменяется окружением петербургского или царскосельского дворцового празднества. Описание очарованного дворца Амура становится раболепным прославлением дворцов и парков российской самодержицы. Античный миф дается не всерьез, а в травестированном виде — в тонах безобидной шутки дамского угодника и придворного льстеца. Весь аппарат образов и мифологии Богдановича связывается с представлениями о балетах, праздниках, живописи и скульптуре, украшавших дворец.

Если В. Петров реализовал своими одами пропаганду непосредственной политической деятельности правительства, то Богданович и „Душенькой“, и своей пасторальной лирикой создал поэзию дворцового „эрмитажа“, услаждал досуги вельмож и строил фикцию особой изысканной культуры „земных богов“. В том же смысле характерны и умышленно демократические-наоборот, и националистические мотивы творчества Богдановича. Именно к 70—80-м гг. относится расцвет псевдо-национальных деклараций Екатерины, официальная пропаганда идеализации доброго мужичка и прославление „старинных российских доб-

родетелей". Эта была пора успеха оперы Аблесимова „Мельник, колдун, обманщик и сват“, в елейно-розовых тонах изображавшей крестьянский быт. Так же и Богданович написал стихотворное „Письмо поселенина к военачальнику“:

Мой друг, не удивись, что в пахотной работе,
Без светских пышностей, без славы, без чинов,
Питая свой живот в смирении и в поте
И несколько минут покоясь от трудов,
По неким чувствам и некакой охоте
Отважился писать я несколько стихов.
Не удивись, когда в усталости над плугом,
Не зная, как тебя назвать и отличать,
В мужицкой простоте зову тебя я другом,
Чтоб трудным вымыслом тебя не величать.
Мой друг! я ведаю, хоть носишь платье цветно,
Хоть золотом обшит от головы до ног,
Хоть счастье твое другим всегда приметно,—
Ты редко с лаврами покоиться возмог.
И может быть, что я, в миру с моим соседом,
Большую частью трудясь для себя,
Спокоен спать ложась, доволен за обедом,
Почасту нахожусь счастливее тебя;
В сей участи меня никто не обижает,
И зависть самая молчит, узря мой труд,
Никто меня, мой друг, никто не унижает,
По воле ль дань плачу или с меня берут;
Всегда моя рука другого снабдевает,
И люди обо мне напрасного не врут.
Я дал оброк и все, и подать государю,
Я дал и рекрута и рекруту коня,
И в доме я теперь покойно репу парю,
Хоть знаю, что еще попросят от меня... и т. д.

Это писал бывший радикал и ученик французских просветителей! Между тем в том же духе крепостнической и монархической легенды о „мужицке“ Богданович подобрал, подправил и присочинил русские

пословицы в своем сборнике их. В этом же духе он написал и драму „Славяне“. Ради прославления „исконных доблестей Россиян“ он перевел песнь Гаральда Смелого, и в плане придворного стиля „рюсс“ вводил в свою салонную лирику псевдо-крестьянские мотивы (см. песню „У речки птичье стадо“). Эти мотивы того же происхождения, что и официальная игривость и официальный оптимизм „Душеньки“. Между тем Богданович, салонный поэт, поэт для „знати“, оказал известное влияние на образование стиля „легкой поэзии“ вплоть до начала XIX века, вплоть до Батюшкова.

5

Интерес к словесному фольклору, к проблеме создания национальных форм искусства в последней трети XVIII века затронул в большей или меньшей мере все группировки дворянской литературы, — правда, подходившие к разрешению этой проблемы по-разному. Но может быть еще раньше и интенсивнее эта тяга к „народности“ сказалась в тех литературных течениях, которые были связаны с идеологией растущей русской буржуазии.

Уже начиная с середины XVIII века в русской литературе все большее место начинают занимать элементы буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, опиравшиеся на растущее значение товарно-торговых

отношений в хозяйстве страны, на рост буржуазных элементов в общественной жизни. При этом литература, отражавшая чаяния и интересы купца или фабриканта, не совпадала ни по мировоззрительным установкам, ни по художественному методу с литературными проявлениями мелкобуржуазного демократического характера. Если радикально-демократическая мысль русских „разночинцев“, учеников западных революционных мыслителей, воплощается на первых порах в публицистике (Козельский, Десницкий, Аничков), то идеология русского купца, скинувшего долгополый кафтан, сбросившего бороду и приукрасившегося по дворянской моде, проявлялась и в непосредственно художественной литературе, начиная от психологического романа (Эмин) до лирической поэзии.

Само собой разумеется, в области поэзии буржуазная линия вплоть до последнего десятилетия XVIII века не могла бороться с гегемонией дворянского искусства, тем более, что самая идеология буржуазного писателя не была достаточно радикальной, чтобы стремиться к ниспровержению этой гегемонии. Характерно отражая положение капиталистических элементов в феодально-крепостнической стране, третьесословная мысль в середине XVIII века не претендовала даже на идеологическую революцию, довольствуясь в основном некоторыми коррективами, вносимыми ею в тради-

дионное дворянское мировоззрение. Русский купец стремился сам стать дворянином и владельцем душ, он усваивал при этом и культуру, и формы искусства дворянства; но он оставался все же купцом, и это сказывалось в литературе, создавшейся в сфере его идейного влияния. Национализм третьесословного крыла русской литературы связан с неизбежной для буржуазии задачей построения национальной культуры вообще; он последовательнее придворной моды на „русское платье“ и „русский стих“, хотя и не менее ура-патриотичен. Однако, в нем начинают уже звучать ноты „демократизма“, вернее — интереса и сочувствия к внедворянским областям общественной жизни.

В этом отношении показательна деятельность М. Д. Чулкова и М. И. Попова; они собирают и издают песни, частью — песенный фольклор, собирают или сочиняют материалы по русской („славянской“) мифологии, обычаям, поверьям, пытаются ввести мотивы русского фольклора в художественную литературу, — и в прозе и в стихах. Замечательным достижением в последнем направлении можно считать песни Попова „Ты, несчастный добрый молодец“ и „Не голубушка в чистом поле воркует“. Обе они написаны правильным размером; при этом вторая из этих песен имеет рифмы, несвойственные крестьянскому фольклору той эпохи, а размер первой в течение всей второй половины XVIII века и даже в на-

чале XIX века был в дворянской поэзии традиционным условно „народным“ размером: четырехстопный хорей с дактилическими окончаниями без рифмы (иногда последний слог стиха отягчается). Этим размером написал в 1770 г. (может быть в 1771) свою песню о взятии Бендер Петром Паниным Сумароков:

О ты, крепкий, крепкий Бендер град,
О разумный, храбрый Панин граф;
Ждет Европа чуда славного,
Ждет Россия славы новыя... и т. д.

Этим размером написал ряд глав своей „Бахарианы“ Херасков. Тем же размером написаны и „Илья Муромец“ Карамзина и другие произведения той поры. Но „русский размер“ как будто не обязывал Карамзина или старого Хераскова к допущению в текст стихотворения других подлинных элементов фольклорного стиля. Ни словарь этих стихов, написанных „народным“ размером, ни весь склад речи, ни система образов не связаны непосредственно с подлинной лирикой устной традиции. Наоборот, М. Попов старается воссоздать не только размер, но весь склад „народной“ поэзии; в этом смысле характерны и слова — такие, как „бесталанная головушка“, „зазноба“, „прилука“ и т. д., и устойчивые эпитеты словесного фольклора: красна девица, добрый молодец, брови соболиные, чисто поле и т. д. Характерны и отрицательные сравнения в начале второй песни:

Не голубушка в чистом поле воркует,
Не вечерняя заря луга смочила...

Однакоже следует оговорить, что, создавая эти песни недворянского стиля (они воспринимались скорее всего в традиции песен не столько крестьянских, сколько купеческих), Попов не стремился заменить ими лирику сумароковского толка, не стремился ликвидировать дворянскую песню. Он сам писал любовные песни салонного стиля, подражая Сумарокову; для него не была запретна и легкая гривуазность салонной пасторали со всем ее условным эстетским и уж никак не демократическим стилистическим аппаратом (см. песню „Под тению древесной“). Не случайно, что обе „народные“ песни Попова помещены им в самом конце отдела „Любовные песни“ его сборника, после песен сумароковского стиля.

Впрочем, интерес к „национализации“ языка и стиля был у Попова (как и других писателей его круга) достаточно устойчив, причем эта „национализация“ была в известном смысле и демократизацией в тех случаях, когда она стремилась преодолеть космополитизм дворянской культуры. Попов стремится избавиться от варваризмов, заменяя их русскими словами. Переводя часть поэмы Дора „На феатральное возглашение“ (Sur la declamation), он в „предъизвещении“ указывает на свое решение заменить иностранные термины русскими, „любя природный свой язык“; он переводит слово ак-

тер как действитель; аллегория — ин-
сказание; буффон — кощун; характер — свой-
ство; компас — окружлец; инстинкт — есте-
ственное, природное стремление; партер — по-
мост; суфлер — поправлятель, напоминатель;
симпатия — сострашие и т. д. („Досуги“
М. Попова, ч. I, 1772). Таким же образом
в словарике, помещенном в журнале М. Чул-
кова „И то и сё“ (1769), предлагаются рус-
ские слова взамен иностранных, например:
арсенал — оружейный дом или оружейная
палата; астроном — звездочет; азарт — отвага;
багаж — имение, пожитки; банкет — пирушка;
герой — древний или языческий полубог, а
по-нашему богатырь; деликатно — нежно,
высокомерно; директор — правитель; ком-
мерция — купечество; пиит — стихотворец;
характер — сложение, свойство, достоинство
(ср. у Попова) и т. д. Так же, например, и Кур-
ганов в своем знаменитом „Письмовнике“¹

---

¹ Для идейной позиции кургановского „Письмовни-
ка“ характерен помещенный в нем анекдот („Краткие
замысловатые повести“, № 233): „Некоторому имени-
тому судье, случившемуся быть вместе на пиру с слав-
ным витием, который из подлого отродья произошел
в известное достоинство чрез знатные свои заслуги
отечеству, весьма обидно показалось то, что он отва-
жился противоречить его мнению. „Ты бы, братец,
сказал гневный величавый, — прежде вспомнил свою
породу!“ — „Я очень ее помню, — отвечал ему мудрец,
нимало не усумнясь, — и знаю, что ежели бы вы
были сыном моего отца, то бы вы и поныне еще
ловили с ним моржей или пасли у него свиней. —
Ибо подлая природа такого человека не унижает, но
возвышает блистание его качеств“. Нет сомнения,
что „вития“ в этом анекдоте — Ломоносов.

дает аналогичный словарь (несколько более экспериментаторского характера и более архаизирующий), например, авторитет — власть, сила; библиотека — книговник; биржа — торжище; лейб-гвардия — царстража; гримасы — лицеблязнь; грамматика — письмовник (это объясняет и название самой книги, в первом издании так и озаглавленной „Российская грамматика“) и т. д.

Весьма показательна для литературно-идеологической позиции М. Попова его комическая опера „Анюта“. На сцену выведены крестьяне, причем они лишь в незначительной степени прикрашены. Попов хочет показать „мужика“, как он есть; крестьяне (Мирон и Филат) сохраняют у него диалектические особенности своей речи, несмотря на стихи. Затем, они вовсе не счастливы, не довольны своей крестьянской долей; более того, крестьянин Мирон может противопоставить свою тяжкую рабочую жизнь существованию дворян-бездельников, на которых работают другие; в его словах есть элементы протеста против крепостной эксплуатации. Все это выводит оперу за пределы вполне дворянского искусства XVIII века. Но все же демократизм Попова весьма умерен и ограничен на каждом шагу. Как и другие представители умеренно-буржуазного крыла русской литературы данного периода, Попов делает ряд существеннейших уступок дворянской идеологии, и в этом сказывается

общий характер взаимоотношений русской буржуазии с крепостническим и монархическим строем. Почти радикальные размышления Мирона из „Анюты“ о крестьянах и дворянах оформлены как ария в комической опере, ария полукوميического персонажа, — и этим сглажена, прикрыта, не без уклончивости и даже социального подобострастия, острота этих размышлений. Кроме того Попов рисует своих крестьян не только чертами сочувствия к их угнетенному положению, но и чертами презрения к мужику, смерду, и в этом опять сказываются поклоны в сторону хозяина страны, помещика. „Страмец, дурак, урод, скотина, мерзавец, плут, харя“ и т. д. — вот эпитеты, адресуемые Анютой молодому крестьянину Филату; то ли дело дворянин Виктор; он — человек другого, прекрасного мира. Когда Виктор и Филат столкнулись и началась ссора, Виктор говорит: „Такой, как ты, скотина, знай соху с бороной“, — хотя значительны и последние слова Филата в этой сцене: „Да веть и помни то, што такжо и хресьяне умеют за себя стоять, как и дворяне“.

Анюта, воспитанная в крестьянской среде, тем не менее полна благородных, героических чувств и изъясняет их возвышенным языком; дело в том, что она дворянка, хотя сама того не знает; итак, по опере Попова выходит, что дворяне благородны и культурны не только по воспита-

нию, но по самой своей крови, независимо от среды и условий жизни. Наоборот, как только крестьянин Мирон получает кошелек с деньгами, который он с жадностью „выхватывает“, он начинает раболепно славить дворянина. То же и Филат; и он у Попова — раб и больше ничего, раб по натуре; получив деньги от Виктора, своего соперника, отнявшего у него невесту, Филат, „бросаясь от радости на колени“, говорит:

Ах! милосливой мой и чесной господин,
Прямой ты дворянин! и т. п.

С точки зрения Попова крестьянам высокие чувства не свойственны, они любить не умеют.

Сюжет „Анюты“ не оригинален; любовь молодых людей неравного сословно-классового положения была темой многих французских комедий XVIII века, причем именно таким же в сущности образом, т. е. при помощи снятия неравенства, тема могла и разрешаться. Интересно сравнить „Анюту“ с комедией Вольтера „Наина“, 1749 (также написанной в стихах), во многом сходной с оперой Попова; здесь также дворянин, граф, любит девушку „из народа“ и любим ею; есть и крестьянин-садовник, претендент на ее руку (этот мотив не развернут у Вольтера). Но характерна разница в развязке обеих пьес. И у Вольтера в конце пьесы у героини обнаружился отец, и тоже военный; Вольтер как бы подсказывает

зрителю возможность социально-примири-
тельной развязки; отец героини появляется
на сцене; он проявляет такое благородство
мыслей, что мать графа спрашивает его:
„Значит, вы по рождению дворянин?“ („Vous
êtes donc né de condition?“) — и зритель
ждет положительного ответа, но ответ от-
рицателен. И вот, несмотря на то, что На-
нина не дворянка, граф поборол в себе
феодалный предрассудок и женился на
ней. Попов не осмелился женить своего
Виктора на крестьянке.¹ И еще одно: пле-
беи у Вольтера благородны, и их нельзя
прельстить деньгами; отец Нанины отвер-
гает подарок ей со стороны дворян, так как
он подозревает, что подарок куплен „про-
ступком“ его дочери. И здесь между Воль-
тером и Поповым разница, смысл кото-
рой ясен.

И все же даже ограниченные социальной
робостью элементы реализма и в раскры-
тии темы крестьянства и в самом разговор-
ном стиле стиховой оперы Попова заслу-
живают внимания.²

6

Восстание подавленных масс, возглавлен-
ное Пугачевым, явилось крупнейшим собы-

---

¹ Nanine, ou le Préjugé vaincu. Comédie en trois
actes.

² Характерно, что за „Анюткой“ следует в данном
случае комедия „Народное игрище“, дающая ту же
тему в чисто помещичьей трактовке; напечатана
в новиковском „Кошелеке“ (1774).

тием внутренней жизни Российской дворянской империи XVIII столетия, отразившимся во всех областях социального бытия крепостнической страны. Дворянство справилось с „домашним врагом“ лишь после тяжелой борьбы, и в боях гражданской войны оно научилось многому. Дворянское правительство усердно принялось за перестройку своего аппарата. Начиная с середины 70-х гг. оно неуклонно зажимало пресс полицейской и бюрократической централизации, стягивало цепь подавления, лежавшую на всей стране. Оно повело линию на консолидацию всех сил дворянства при беспощадном подавлении какого бы то ни было вольномыслия.

К 80-м гг. фронда дворянских либералов была раздавлена. Недовольные в среде дворянства либо отказались от борьбы, напуганные опасностью крестьянской революции, либо ушли в подполье масонской (розенкрейцерской) организации. Этот последний оплот фронды был разгромлен властью в начале 90-х гг.

С конца 70-х гг. в дворянской литературе появляются новые люди; в ней выдвигается новая сила в лице Державина, сила, чуждая культуре, созданной Сумароковым, Херасковым и их единомышленниками. Вокруг Державина образовался дружеский кружок новых поэтов: Н. А. Львов, И. И. Хемницер, В. В. Капнист, О. П. Козодавлев, П. В. Бакунин, потом — И. И. Дмитриев.

Этот кружок не был един по своим социальным и литературным устремлениям. Хемницер и Капнист не были единомышленниками Державина, не были сходны с ним и по культуре и по основам своего мировоззрения. Кружок был по преимуществу объединением личных друзей, может быть блоком внутриворьянских течений в искусстве. Из всех друзей наиболее близок к традициям до-пугачевской дворянской литературы был Хемницер.

Этот разночинец и бедняк, войдя в культуру помещиков, все же не мог до конца примириться с условиями полицейского произвола, с условиями хищнической власти при потемкинском режиме. Но и в его позиции сказался тот распад фронта недовольных в среде класса-победителя, который характерен для этого периода.

После подавления крестьянского восстания Хемницер начал писать сатиры; сохранилось несколько набросков его сатир. Они еще в сильной мере зависят от примера Сумарокова, может быть даже еще резче ставят вопрос о разложении и произволе властей; но они написаны более сглаженным языком. Хемницер сильно нападает на судей, на чиновников. Он видит: „чтоб счастливо служить, не честный человек, бездельник должен быть“ и т. д. Но, как и в баснях, Хемницер не чувствует за собой социальной опоры. Пора боев внутри дворянства для него прошла. Хемницер - баснописец, — умный

критик и моралист, но не трибун, не боец. Он замыкается в безнадежный скепсис; ему свойствен в сущности полный социальный пессимизм.

Как поэт Хемницер в значительной мере продолжал дело Хераскова. Но от Сумарокова он отошел. Резкость самого стиля сумароковских басен и сатир отпугивает его. Приглушенность, камерность, уравновешенность отрицания, выродившегося в общее недовольство устройством мира и человека, определяет и стилистическую позицию Хемницера. Его басни — не обвинения озлобленного сатирика, как у Сумарокова, а ряд отчеканенных коротких новелл, ясных и законченных по изложению. Характерно, что в качестве источника сюжетов для басен Хемницер использовал умеренного филистерского немецкого моралиста Геллерта.

Хемницер пишет разговорным, легким языком; но его „просторечие“ — сглаженное, смягченное, очищенное дворянским вкусом; его „народность“ — условна, хотя все же и просторечие и использование пословиц и т. п. открывали пути хотя бы ограниченному языковому реализму.

Критик начала XIX века Мерзляков в общем правильно понял место басен Хемницера в истории развития этого жанра в русской дворянской поэзии, сказав о русских баснях: „Сумароков нашел их среди простого, низкого народа; Хемницер привел их в город; Дмитриев отворил им двери

в просвещенные, образованные общества, отличающиеся вкусом и языком" (1812). Сдержанная простота басен Хемницера, обдуманность каждой детали, сжатость изложения, некоторый эпиграмматизм остроумия, — все это открывало путь салонной басне Дмитриева. Это отличие басен Хемницера от сумароковских (при близости к стилистическим тенденциям Хераскова) видели современники; кто-то, повидимому ценитель манеры Сумарокова или майковского „Елисея“, говорил, что стиль басен Хемницера, вял. Хемницер ответил, напав в свою очередь на басенный стиль сумароковского типа:

На всех не угодишь: кому что повкуснее,
Кто тонко чувствует, кто чувствует грубее,
Я пред ***, конечно, виноват,
Что вялым басней он моих находит склад,
Хоть в умной публике их с похвалой читают
И написать еще такие ж поощряют.
*** любит все, чтобы дубиной в лоб,
По нем не говори; *слуга*, скажи: *холоп*.

У Хемницера есть эпиграмма:

Что М[айков?] никогда, писав, не упал,
Ты правду точную сказал.
Я мненья этого об нем всегда держался,
Он, сколько ни писал, нигде не возвышался.

Хемницер решился даже написать эпиграмму на Сумарокова (на его трагедию „Семира“), впрочем, не злую; но младшее поколение сумароковцев ему близко; он дважды вступился в стихах за Фонвизина

на которого напал А. С. Хвостов, причем он обвинял Хвостова в том, что его подкупили. Замечу, что А. Хвостов был также членом „державинского кружка“. Хемницер называет В. Петрова „несносным педантом“.

Хемницер, который сказал о себе, что он „подлости всегда и знатных избегал“, умер одиноким человеком, не нашедшим себе места в жизни. У Хемницера в бумагах есть французская записка (может быть, цитата); здесь говорится: „Мысль быть отцом часто приходила мне в голову. Но вот размышление, которое всегда пугало меня, — это боязнь, что мой сын будет либо знатным подлецом, либо честным, но несчастным человеком, — и вот только два пути в наш век!..“

Отход от борьбы, скепсис, неверие в возможность улучшить мир — ко всему этому пришел в конце концов и Капнист. Сначала он протестовал против многого и не хотел смириться. Он был украинским помещиком, украинофилом. Идеи национального освобождения оформляли его неприятие российской крепостнической действительности. „Ода на рабство“, в которой Капнист заявляет протест против закрепощения крестьян на Украине, поднимается до антикрепостнического пафоса вообще, хотя лишена нот политической революционности. Капнист — независимый либеральный помещик, глубоко презирающий бюрократический аппарат царской го-

сударственности, равно как и шинельную казенную поэзию. В своей сатире, изданной в 1780 г. (она была напечатана вновь в 1783 г. с заглавием „Сатира первая и последняя“ и с смягченным текстом), Капнист выступает не только против всевластных общественных пороков, но и против ряда писателей, среди которых и Аблесимов, автор „Мельника“, названный в сатире Обвесимовым, — и в особенности продажный поэт-подхалим Рубан; он назван в первой редакции сатиры прозрачно: Рубовым, а во второй условным именем Мевия:

Но можно ли каким спасительным законом
Принудить Рубова мириться с Аполлоном,
Не ставить на подряд за деньги гнусных од
И рылом не мутить кастальских чистых вод?...

Отношение Капниста к правительству, к его практике высказалось с достаточной ясностью в „Ябеде“, комедии-сатире, в которой поэт с озлоблением нападает на развращенных бюрократов, взяточников, тупых и самодовольных негодяев, давящих на всю страну и уверенных в своей безнаказанности, так как все правительственные учреждения связаны круговой порукой. Тем не менее Капнисту легче было сформулировать объекты своего протеста, чем свою положительную программу.

Крестьянские восстания, рост товарных элементов в стране и французская революция „отрезвили“ многих дворян, прежде фронди-

ровавших. И Капнист все более и более отходит от практических политических задач, выдвигаемых действительностью.

В 1780-х гг. Капнист прошел через влияние Державина, начиная с 1790-х и позднее он подчинился влиянию Карамзина, Дмитриева, потом Батюшкова. Он успокоился на благозвучных, легких стихах, посвященных темам личного чувства, мирного увядания жизни, размышлениям о бренности благ ее. Это была тематика увядания его класса. Отход от борьбы, замыкание в эстетическом любовании чувством и „изяществом“ сказались в его психологической, интимно-личной лирике. Капнист наряду с Карамзиным создавал поэзию мелодическую и эмоциональную, поэзию, на которой вырос и Жуковский. Он способствовал образованию того условного поэтического языка, который выражал не столько реальные предметы, сколько „настроения“, уводя читателя в сферу эстетического бытия от враждебного быта, который был доведен до совершенства Жуковским. Сентиментальная меланхолия, эстетизация природы, лирические медитации в духе помещичьего руссоизма и смирения, развернутые поэзией в пору Жуковского, есть уже у Капниста и продолжают жить в его творчестве и тогда, когда определилась роль Жуковского в литературе начала XIX века.

Характерен и культ античной поэзии, „горацианство“ и эпикуреизм Капниста.

Здесь сказалась и тяга к отдаленной античной культуре, не похожей на живую социальную действительность, и тяга к законченному и эстетизированному поэтическому стилю. Капнист видит в Горации учителя в отречении от насущных интересов жизни, в разочаровании от неосторожных надежд; анакреонтизм он истолковывает как поэзию легкого и несколько сентиментального утешения, открывающего мечтательное счастье в мимолетных радостях души. Отделка языка, гармония звукового состава стиха; расчет в каждом обороте фразы, отбор специфически-поэтического словаря, — вся эта тонкая работа над стихом в лирике Капниста идет в направлении создания той поэтической культуры, которую воспринял от „карамзинистов“ и юноша Пушкин.

Сам Капнист еще в ранней сатире резко напал на торжественную напряженность придворной поэзии ломоносовского или петровского стиля:

Пиитом Чуднов быть взяв на себя обузу,
Неволею свою летать заставил музу,
Свой мелкосмысленный словенско-русский бред
За образец ума и вкуса выдает;
Но он бы с Рубовым со временем сравнялся,
За пышной мыслию когда бы не гонялся
И не старался бы, желая вверх парить,
В стихах своих луну зубами ухватить.

И именно элегантную и отвлеченную легкость интимной лирики Капниста оце-

нили через три десятка лет в его лирическом наследии его младшие спутники в литературе.

Современник позднего творчества Капниста (Макаров) писал о его лирике: „В песнях Капниста есть . . . своя отличительная классическая правильность. . . везде лоск ученый, иногда слишком выясненный, но все-таки приятный, не тяжелый“. Батюшков сказал: „Кто хочет писать, чтоб быть читаемым, тот пиши внятно, как Капнист, вернейший образец в слогѣ“.

7

Всей сумме литературных течений, созданных в XVIII веке дворянством или созданных в сфере идеологического воздействия класса помещиков, противостоит творчество Радищева, писателя с подлинно революционным мировоззрением и темпераментом. Радищев преодолел и в себе и в своем творчестве традиции помещичьей идеологии. Восприняв идеи прогрессивной в те времена передовой западной буржуазии, он объективно в русских условиях агитировал за интересы революции против крепостничества и самодержавия, против помещичьей власти, — в конце концов агитировал за мелкобуржуазный, крестьянский путь капитализации России.

Центральное произведение Радищева, „Путешествие из Петербурга в Москву“, за которое он был присужден судом Ека-

терины П к смертной казни, „помилован“ и сослан в Сибирь, — это высшее достижение общественной мысли в XVIII веке в России. Радищев показал в этой книге Российскую империю такою, какой она была, и целиком осудил ее социально-политический строй. Он не только показывает читателю ряд страшных картин угнетения крепостных помещиками, но и призывает к освобождению крестьян и к передаче им земли, которую они обрабатывают. Он не только грозит помещикам, упорствующим в нежелании дать свободу своим рабам, второй пугачевщиной, но и оправдывает народ, восставший против своих притеснителей. Наряду с вопросом о крепостном праве Радищев ставит вопрос о самодержавии и связанной с ним бюрократии, о сословных привилегиях и т. д. Все эти вопросы он разрешает в духе наиболее революционных учений писателей передовой в XVIII столетии западной буржуазии. В области философии, — потому что Радищев был и философом — он приближался к материализму, но последовательным материалистом он не смог стать.

Радищев не был поэтом в первую очередь; его проза, в частности его „Путешествие из Петербурга в Москву“, значительнее его стихов, вернее, его поэмы (неоконченных) — „Бовы“, „Песни исторической“, „Песней древних“. Но ода „Вольность“, но „Восемнадцатое столетие“

и еще несколько стихотворений представляют в высшей степени значительное явление для всей истории русской поэзии XVIII и XIX веков. Радищев был революционером в литературе, так же как в социально-политической, философской, научной области.

Радищев получил высшее образование в Германии. Как поэт он в значительной мере и до конца своих дней был последователем немецкой школы буржуазного искусства, возглавленной Клопштоком.

Он восстал против всей системы классицизма в литературе как против гнета схемы над личностью. Вопрос о свободе писателя от правил Буало или образцов Расина или от правил и образцов Сумарокова был для него вопросом свободы личности вообще.

Радищев вступил в борьбу с классическими правилами, с „томными предписаниями“, начертанными „хладнокровными критиками“. Он вообще отрицал возможность рецептов в искусстве, отрицал риторику, теорию словесности как нормативную дисциплину.

Он видел основание эстетических критериев не в закономерности произведения, а в его субъективной характерности. Он протестовал против каких-либо предвзятых ограничений индивидуальности в ее творчестве. И его творчество глубоко индивидуалистично, даже автобиографично, — и

в прозе и в поэзии. Как философ Радищев приближается к материализму; как художник он стоит в преддверии подлинно реалистического искусства, связанного с материалистическими устремлениями. И то и другое, однако, не реализуется до конца ни в его мышлении, ни в его творчестве.

Радищев существенно обновляет жанровый состав поэзии. Из его стихотворений только ода „Вольность“ связана — внешне — со старой русской традицией (ода относится к сравнительно ранним его произведениям). Однако это не значит, что жанр оды „Вольность“ связан по существу с опытом дворянского классицизма. От русских дворянских поэтов Радищев взял лишь некоторые внешние признаки композиционного и метрического порядка, вплоть до привычной десятистрочной строфы. Общий же характер оды связывает ее с той традицией французской политической декламационной поэзии, которая выросла перед Великой буржуазной французской революцией и завершилась в начале ее в одах и песнях революции. В более поздних стихотворениях, уже явственно немецкой ориентации в отношении к стилю и стиху Радищев ставит проблему метрики, отказываясь от канонизованных, застывших в дворянской поэзии метрических форм, сковывающих мысль и индивидуальное чувство. Он восстал против засилья ямба в русской поэзии в своем „Путе-

шествии" (в главе „Тверь“). Он потребовал, первый и задолго до Гнедича, чтобы Гомера переводили гекзаметром. Он писал: „Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнасс окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле“. Сам Радищев отказался от рифм и писал стихотворения античными строфами, метрически разнообразными и обогащавшими ритмические возможности русского стиха. В то же время он работал над созданием интимной лирики настроения; в этом смысле значительны его „Сафические строфы“. Стихотворение построено как музыкальная пьеса — не по логической схеме, а на основе сочетания эмоционально-эффективных элементов. Лирический пейзаж, данный именно как эмоциональный фон, так как он не имеет осведомительного значения в тематическом составе вещи, — переливается в лирический монолог. От рационализированной, над-личной, так сказать, межпланетной, лирики русских дворянских поэтов до конкретно-личной лирики „Сафических строф“ — огромное расстояние. Впрочем, в данном отношении „Сафические строфы“ — не единичное явление в русской поэзии. Они появились в печати тогда, когда уже писал Жуковский.

К последним годам жизни Радищева относится и его интерес к мотивам сказок

и старинной русской поэзии. При этом прославление героики былых времен, например в его поэме „Песни древние“, вовсе не является функцией социального консерватизма, как это могло быть у западных романтиков. Радищев проповедует пафос буржуазно-национальный, пафос борьбы народа за свободу, т. е. гражданской демократической героики. Формы же старинной поэзии для него являются проявлением истинного национального, народного духа; к восстановлению в русской поэзии этого народного духа он и стремится, потому что в его глазах такое восстановление равносильно замене верхушечной, угнетательской дворянской культуры культурой, выросшей в недрах народа, т. е. демократической и общенациональной.

Прогрессивная в XVIII веке западная буржуазия внесла в искусство принцип активности, пропагандистской динамичности, открытой идейной направленности. Соответствующую позицию в русской литературе занял Радищев. Конечно, и дворянская поэзия середины XVIII века была идеологична, и она боролась за цели своего класса, но художественные средства борьбы были иные, в связи с позицией этого класса. Дворянское искусство настаивало на своей отрешенности, на „высшей“ эстетической (и через нее моральной) функции, как основной. Правда, злободневное, заостренное, жизненное искусство Держа-

вина пробивало уже брешь в крепости феодально-аристократической эстетики. Но с одной стороны путь Державина был все-таки непрямым, компромиссным путем; с другой стороны, на поэзии Державина лежал отпечаток социальной реакционности, успокоенности, она не могла быть поэзией борьбы в подлинном смысле слова.

Радищев, представитель прогрессивной, революционной идеологии, — не только хочет увидеть и сказать правду о жизни и обществе, но хочет в то же время открыто ввести литературу в круг активных факторов социальной борьбы. Екатерина II правильно оценила опасность „Путешествия“. Слово стало в руках Радищева действием, средством политической борьбы. Достаточно напомнить „Путешествие“ и оду „Вольность“. Ода „Вольность“ — это страстная речь народного трибуна, призыв к восстанию, совершенно открытый и до такой степени смелый, что едва ли можно указать в русской поэзии вплоть до конца XIX столетия произведение, равное радищевскому по революционному подъему. Пламенное прославление суда над царем и казни его, гневная филиппика по адресу монархии и церкви, призыв к свободе сочетается в оде Радищева с отчетливым изображением основ его социально-политического мировоззрения. Ода „Вольность“ — это настоящий манифест революции, первый и в своем роде непревзойденный.

Эта идеологическая пропагандистская установка творчества Радищева создавала новые эстетические критерии, характеризующие все элементы его художественного мировоззрения и писательской практики.

Радищев стремился не к внутренней соотнесенности, закономерности и при этом отвлеченности всех стилистико-композиционных элементов произведения, а к выразительности каждого из этих элементов. Выразительность стиля, мотива произведения в целом была новым пределом, к которому были направлены усилия художника.

Поиски индивидуальной выразительности заставляют Радищева нарушать не только классические правила, но и обычные в его время нормы легкой или даже ясной речи. В этом смысле замечательно принципиальное оправдание Радищевым своего собственного стиха из оды „Вольность“: „Во свет рабствá тьму претвори“. В „Путешествии“, в главе „Тверь“, Радищев пишет по поводу строфы, заключающей этот стих: „Сию строфу обвинили для двух причин: за стих: во свет рабствá тьму претвори, — он очень туг и труден на изречение, ради частого повторения буквы *т* и ради соития частого согласных букв — бства, тьму, претв — на 10 согласных 3 гласных, а на российском языке толико же можно писать сладостно, как и на итали-

анском... Согласен... хотя иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия..." Трудно ярче противопоставить две точки зрения на стиль: с одной стороны, априорные нормы дворянской эстетики, с другой — отказ от понятий „художественного“ или „нехудожественного“ как независимых самоценных категорий в творческом мышлении самого Радищева.

Отсюда — языковая смелость Радищева. Он не новаторствует во что бы то ни стало; установки на новизну стиля как таковую у него нет. Но он ищет неиспробованных форм для нового содержания, для реалистического изображения быта, для психологического анализа, для революционных идей и революционного пафоса. Его язык иногда очень сложен, синтаксис запутан, слова необычны. И все же в его стиле нет элементов эстетизации языка.

Поиски индивидуально-выразительных формул стиля привели Радищева и к исканиям в области новых ритмических возможностей стиха. Он стремился к тому, чтобы ритмическое построение стихотворения отвечало его содержанию, а не было заданным, как механический метрический импульс. В свете той же проблемы смысловой выразительности приобретает интерес и его замечательное исследование звуковой инструментальности стихов „Тилемахиды“ Тре-

диаконского (в статье „Памятник Дактилохорейческому витязю“).

„Надутость“, приподнятость радищевского языка в тех местах, где он проповедует свои идеи, вызвала недоумение и осуждение критиков, начиная с Пушкина. Их смущало обилие славянизмов, славянских оборотов у Радищева.

Ораторские страницы „Путешествия“, оды „Вольность“ славянизированы гуще, чем это было даже в „высоком штиле“ у Ломоносова. При этом они славянизированы нарочито, подчеркнуто. Тем не менее славянизмы Радищева не должны считаться признаком его принадлежности к „арханстам“, тем более принадлежности его стиля к сфере идеологического влияния дворянства.

Славянизация речи у Ломоносова была методом создания придворной речи, отрешенной от „подлой“ стихии жизни и быта. Времена ломоносовской языковой политики уже давно отошли в прошлое, когда работал Радищев. В его время торжествовал в литературе принцип рациональной сглаженной речи. Карамзинский „средний“ язык был в этой линии ближе к сумароковскому языку, чем к радищевскому. Дворянский литературный язык был по заданию внационален и по-своему пуристичен. Его формировало влияние французской классической литературы.

Светское дворянское воспитание вытеснило еще в 60-х гг. навыки церковного чтения в „высшем обществе“, так же как осторожное вольнодумство дворянских салонов оттеснило церковное влияние. Наоборот, псалтырь оставалась чтением „низов“ — купечества, людей „третьего чина“, подьячих. Подьячий, с ненавистью опорочиваемый дворянской литературой, в ее изображении обязательно славянизирует свою речь; он начитан от священного писания, так же как купец. Церковная речь, не как придворный „высокий штиль“ Ломоносова, а как язык старинной литературы, могла формировать словесное мышление недворянских слоев культуры. При этом дело здесь было не в религиозном мировоззрении, а в традициях национальной культуры, противопоставляемых дворянской идеологической практике.

Карамзину славянщина была ненавистна как проявление варварства русского купца или ремесленника, носящего длинный кафтан, бороду и волосы в кружок. Он боролся с нею во имя салона и европейского изящества. Шишков появился позднее и воскресил славянщину на новом основании уже в XIX столетии. В XVIII веке Шишков конкурировал еще с другом Карамзина, Петровым, и с самим Карамзиным в детской литературе — переводах с немецкого, вовсе не „архаичных“.

Радищевская „славянщина“ была протестом против дворянской условной речи. Радищев сознательно изгоняет вненациональные элементы из русского языка. Он пишет: „бесстопная речь“ — вместо французского „проза“; „вития“ — вместо латинского и французского „оратор“; „времяточие“ — вместо „эпоха“; „столп“ — вместо „колонна“; „позорище“ — вместо „спектакль“ и т. д. Стремясь избавиться от варваризмов, он не заменяет их кальками французских слов, как Карамзин, а пользуется архаическими аналогами их или же составляет новые слова взамен их. У Радищева славянизмы служили целям национализации речи. Но они несли у него и другие функции. Дворянская литература нивелировала во времена Радищева „высокое“ и простое: все, входящее в искусство, подчинялось единому закону эстетической условности. Радищеву нужно было создать словесный принцип „важной“, идейно значительной речи. Он хотел передать на русском языке, в условиях национальной речи, ораторский подъем, эмоциональное напряжение декламаций Руссо и Рейналя, языка Мирабо. Та самая тенденция прямого воздействия на слушателя-читателя, понимание литературы не как „служения чистым музам“, а как выступления вдохновенного вождя перед своими согражданами, которая оформилась в ораторском искусстве французской революции,

толкала и Радищева на создание форм идеологически-ответственной и приподнятой речи. Для создания ее он использовал и славянскую стихию, подобранную им в языковой практике внедворянской культуры.

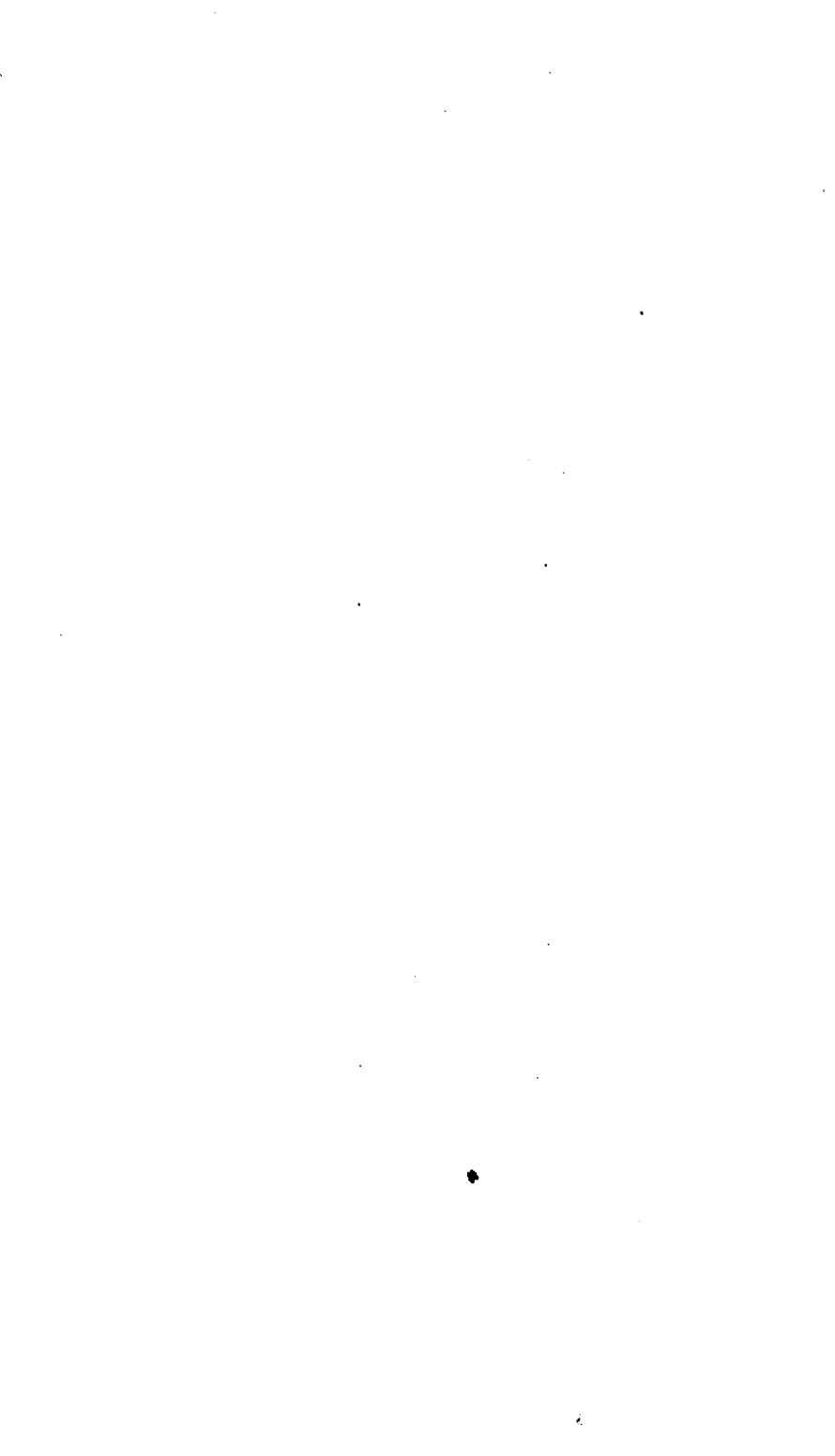
Гр. Гуковский.

M. XEPACKOB

Михаил Матвеевич Херасков родился в 1733 г. Его отец, румынский (валашский) боярин, переселился в Россию при Петре I, в 1711 г. Он умер, когда будущему поэту шел второй год от роду. Мать Хераскова вскоре вышла замуж вторично, за князя Н. Ю. Трубецкого, сильного и богатого вельможу. Херасков воспитывался в шляхетном Кадетском корпусе, дворянском учебном заведении, в котором усиленно культивировались литература и искусство. Окончив корпус в 1751 г., Херасков служил в военной, потом в штатской службе, а затем, в 1755 г., поступил в штат новооснованного Московского университета в должности ассессора, т. е. одного из чиновников при директоре. В дальнейшем почти вся официальная деятельность Хераскова была связана с университетом.

В печати Херасков выступил как поэт не позднее 1753 г. При университете он оказался руководителем целой группы молодых поэтов и прозаиков, как и он, учеников Сумарокова.

Херасков и его группа стремились к превращению Московского университета в штаб дворянской культуры в том понимании ее,

какое они усвоили. Херасков по своей должности ведал рядом отраслей культурной жизни университета: театром при нем, библиотекой, типографией. Он же явился организатором и редактором издававшихся при университете журналов „Полезное увеселение“ (1760—1762) и „Свободные часы“ (1763). В этих журналах он напечатал за четыре года около 190 стихотворений в самых различных жанрах, а также статей. Одновременно он издавал отдельно более крупные произведения (трагедия „Венецианская монахиня“ — 1758, поэма „Плоды наук“ — 1761, комедия „Безбожник“ — 1761, сборник стихотворений „Новые оды“ — 1762, сборник „Нравоучительные басни“ — 1764, ряд од).

В 1761 г. Херасков получил повышение по службе (с чином надворного советника), а после вступления на престол Екатерины II он начал было „делать карьеру“. Литературно-общественная группа, представителем которой он был, рассчитывала играть решающую роль в деятельности нового правительства, и Екатерина до поры до времени считала нужным поддерживать ее. В 1763 г. Херасков был назначен директором университета. В 1770 г. он переехал в Петербург и здесь поступил на службу в Берг-коллегию. В 1775 г. он вышел в отставку, а в 1778 г. вновь вернулся в Московский университет уже куратором (попечителем) и окончательно вышел в отставку

лишь в 1802 г. С конца 1770-х гг. он был деятельным масоном.

К этому времени политика правительства Екатерины II по отношению к дворянскому просветительству и его социальным устремлениям изменилась. Правительство оперлось на иные, консервативные и раболепные слои дворянства, на большинство помещичьего класса, и после пугачевского восстания, приведшего в ужас дворянскую массу, принялось за искоренение дворянского „вольномыслия“. Херасков оказался в рядах дворян-фрондеров, замкнувшихся в религиозно-мистических и моральных исканиях масонской организации, но в той же организации искавших и возможности политической деятельности, полуконспиративной и в значительной мере направленной против Екатерины II и ее правительства. Он попрежнему продолжал работать не только в литературе, но и как организатор дворянской общественности. В Петербурге вокруг него опять собралась целая группа писателей, издававшая в 1772—1773 гг. журнал „Вечера“. В Москве он передал университетскую типографию Н. И. Новикову (в 1779 г.) и тем самым способствовал созданию мощной пропагандистской и общественной базы масонского движения; в том же году он создал при университете „Благородный“ пансион, воспитавший не одно поколение дворянских юношей в духе масонской московской организации; он был и активным

участником новиковских общественных начинаний. Литературная деятельность Хераскова продолжала быть обильной и разнообразной. Он работал одновременно в области поэзии, драмы и прозы. Его творческая активность не иссякла до самой его смерти. Он издал ряд трагедий, комедий, опер, „сентиментальных“ драм. Он писал оды, писал небольшие стихотворения (сборник „Философические оды или песни“, 1769 г., и др.), писал поэмы. Он написал и серию политико-нравоучительных романов. Большинство его произведений, относящихся к 1780—1790-м гг., имеет масонски-нравоучительный характер. Херасков не переставал проповедывать масонские идеи и после разгрома масонских организаций в 1791—1792 гг. Среди всех многообразных произведений Хераскова наибольшее значение имели его поэмы. В 1771 г. вышла поэма Хераскова „Чесмесский бой“. В 1779 г. была издана впервые его героическая эпопея „Россиада“, поэма, над которой он работал восемь лет.

В 1785 г. Херасков издал вторую огромную эпопею „Владимир возрожденный“, явственно выражавшую его масонские идеи преобразования человека и государства на основе религиозной морали. В 1790—1791 гг. Херасков написал поэму „Вселенная“. В 1795 г. вышла его сказочная поэма „Пилигримы, или искатели счастья“, в 1800 г. — поэма „Царь“, направленная против идей великой буржуазной революции Франции

конца XVIII столетия. Наконец, в 1803 г. Херасков издал обширную сказочную поэму „Бахариана“ (бахарь — говорун, балагур); стремление Хераскова к легкости, ясности поэтического языка нашло в этой поэме наивысшее выражение; не случайно молодой Пушкин в работе над „Русланом и Людмилой“ использовал стиховой опыт (и некоторые отдельные мотивы) „Бахарианы“. Последняя, небольшая поэма Хераскова „Поэт“ вышла в 1805 г.

Последние стихотворения Хераскова появились в 1806—1807 г. в „Вестнике Европы“, издававшемся в это время М. Т. Каченовским (если не считать четверостишия, опубликованного в книге „Стихотворения девицы Волковой“, СПб, 1807, стр. 73).

В 1807 г. Херасков умер. Уже после смерти Хераскова, в 1809 г., была напечатана его последняя трагедия „Зареида и Ростислав“.

В 1796—1802 гг. выходило двенадцатитомное издание „Творений“ Хераскова (оно было повторено в 1807—1812 гг.). Оно включает далеко не все, написанное им. Значительное большинство его мелких произведений, его статьи, ряд поэм не вошли в это издание и до сих пор ни разу не были собраны.

ЭЛЕГИЯ

НА ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

Из книги, называемой „L'Homme de siècle“

Благополучен век был наших праотцев,
Которы нам в пример невинности служили,
Счастливо век вели, лукавства не имел,
И без стенания они на свете жили.

Земля плоды свои как щедрая всем мать
В приличны времена обильно приносила;
Не нужно было нив к посеяню пахать,
Земля сама поля плодами богатила.

Но век тот миновал: развратный человек
Стал ветрен, горделив, неистов, зол и пышен,
Как на море корабль, так бьется весь свой век
Он, в чувствах развращен, и разум в нем
не слышен;

Всечасной жертвой бед находит он себя,
Пороком в счастья ища себе успеха,
В желаньях мерзостных ведет свой век губя;
И грех родительский души его утеха:
Так Эрваст, например в безбожии своем
Слыть хочет знающим, являя мысль высоко:
Но своенравие иль глупость водит в нем
Порок вслед честности, а честность вслед
пороку.

Наутрие к нему озноб иль жар придет,
Душа и мысль его трепещет и страшится,
Другую мысль ему болезнь та подает;
Попеременно в нем раскаянье родится.
Таков есть человек; себе он сам злодей,
Он гнусен сам себе; когда ж себя полюбит,
Дорогу сам кладет к опасности своей,
И тщетный сон его и все пустое губит.
Совсем непостижим в поступках человек,
Свободен иногда, а иногда он связан.
В сраженьи на войне ему ничто свой век,
Трепещет, ежель гроб ему сперва указан.
Через пространные моря купец плывет,
Прибыткам жизнь свою и року подвергает;
Трепещет в горести, как буря восстает;
Утихнет,—все забыл, путь дале простирает.
Здоровье сохранить неправо смертный мнит;
Как жизнь кончается, ошибку он узнает;
Без возвращения так наша жизнь летит,
И, наконец, нам плач и горесть оставляет.
Благополучнее тот во сто крат живет,
Кто слабость зрит свою, и сам с собой воюет,
Желаньям кто своим свободу так дает,
Спокойство что ему, и счастье дарует;
Довольствуясь, ему оставил что отец,
Имея нужное не знает кто смущенья,
Веселья носит тот и счастья венец,
Благополучия его не зная сравненья.
О жизнь, исполненна и счастья и утех!
Постигнуть твоего нельзя мне совершенства;
Однако я скажу: из благоденствий всех,
Довольну в свете быть, кроме нет
блаженства.

ОДА

Где слышишь страшный шум борея,
Где вал стремится высоко,
Где солнце жжет, долины грея;—
Беги тех мест ты далеко.

Морской пучины удаляйся,
От зверя страшного брегись;
Но больше злых жен опасайся,
От гнева их везде блюдись.

Как сильный лев, древа что клонит,
Как море в бурный день кипит;
Так если гнев их сердце тронет,
То крик их воздух весь смутит.

Пловец, что в море погибает,
Как вал его отсюду бьет,
Трепещет, мысли он теряет,
И возмущен ко дну идет.

Пловцу, колеблющуюся в море,
Мужей несчастных лъзя сравнять,
От жен которые терпят горе,
И с ними должны воевать.

Кто хочет в свете жить спокойно,
И век свой не иметь хлопот,
Рассматривай благопристойно,
На ком ему жениться, тот.

Жена лихая есть препятство
К весельям и болезнь сердец;
Жена смиренная — богатство
И счастья нашего венец.

ЭЛЕГИЯ

На что тебя, на что, Кларида, я узнал?
И для чего любовь сперва не изгонял?
Она, прияв теперь над слабым сердцем

силу,
Тревожит весь мой дух, мысль делает унылу.
Могу ли я на час спокойну мысль иметь,
Коль должен в варварских руках любезну
зреть!

Как агницу в лесах несытый зверь терзает,
Как ястреб горлицу на воздухе гоняет,
Как камень, над главою что пастуха висит,
Падением своим всегда его страшит:
Так сей свирепый муж, так прелестей

владелец,

Терзает и страшит невинну добродетель.
Злой ревностью со всех сторон окружена,
Вздыхает, мучится и слезы льет она.

А мне возможно ли, в волнении жестоком,
Любезную мою спокойным видеть оком?

Довольно б муки я и без того терпел,
Хотя б такой тиран любезной не владел;
Довольно бы моя от страсти грудь

терзалась,

Хотя б ничьею ты, мой свет, не называлась;
Днесь множество еще излишних мук терплю,
Что обрученную другому я люблю.

Иль должно нежности тому поработиться,
Кто в свет мучителем и без любви родится?
От сопряжений сих источник выдет бед,
Не могут вместе быть безвредны огонь и
лед.

На что вы, небеса, их так совокупили,
Чтоб разностью сердец они весь род
страшили?

На что мучителю прекрасна отдана?
Она невольница ему, а не жена.
Когда в любви сердца согласие имеют,
Друг друга раздражать ни огорчать не
смеют,

Всечасны радости всегда питают их,
Нет огорчения и нет печали в них;
Любовна нежит их свобода и в неволе.
Нет сей приятности другой на свете боле!
Когда ж бесстрастные два сердца съединят,
Коль небеса того иль случаи хотят,—
К спряженью каждый шаг есть краткий
шаг к напасти;
Там яд в сердцах растет на место нежной
страсти;

Соединение погибель совершит;
Боязнь в них и печаль, а не любовь кипит.
Таким днесь следствиям подвержена

Кларида:
Иметь прискорбной вид на место красна
вида,

Оплакивать свой век, в противный брак
вступя,

И свету не видать, в слезах себя топя,
Вздыхать не от любви, вздыхати от мученья,

И, кроме мук, тонуть в пучине огорченья;
Веселости в нее врожденные забыть;
Казать врагу любовь и, честь храня, любить,
Любить мучителя за все свои напасти
И уступать ему степень над сердцем

власти;

Дух варварский должна за нежный дух

считать,

Обеих чтоб зверьми не стали почитать.

С змиею человек в пещере затворенный,
И кормщик, на море волнами разбиенный,
Не тако мучатся и входят в страх они,
Как днесь любезная в свои младые дни.

И ярость зверская, и злость, и брань, и пени
Ей видеть не дают веселия ни тени.

Как вырвать из когтей нельзя у льва тельца
Иль птице улететь из сети у ловца,
Любезну так нельзя найти на свете

средства

Спасти от горести, неволи, мук и бедства.

О! небо, на ее мучение воззри,
Иль добродетели тирану отвори;

Иль сделай, чтоб была Кларида век

спокойна,

Чтоб ту имела часть, какой она достойна.

ЭПИГРАММА

Кто более себя в опасности ввергает?
Такой ли, кто в ладье вверяясь морям,

Противу бурь дерзает,

Приплыть к золатым брегам?

Иль, кто, не думая о лживой той находке,
Плывет близ берегов за рыбой с сетью

в лодке;

Кто беспокойнее? такой ли, что всяк день
Старается взойти на пышную степенъ?

Иль тот, кто без печали

Довольствуется тем, что небеса послали?

Не знаю, чести дать кому из двух
венец

Но тихий для меня приятнее пловец.

ДВА ПОКОЙНИКА

Притча

Филандр поутру встал, Филандров момсик
с ним;

Филандр стал одеваться,

А момсик чиститься, зевать и вытягаться.

Поставили им есть двоим:

Филандр, наевшись, спросил напиток кvasу;

Напился момс воды.

Филандр к вечернему гулять срядился
часу,

И момс за ним туды.

Филандр сел на коня, как знатная особа,

А момс бежал пешком, и погуляли оба.

Филандр назад домой, и момс за ним
прибрел,

Филандр стал ужинать, и момс тогда поел.

Филандр лег на постель, а момс зарылся
в сене;

Филандр довольно спал, и момсик спал
не мене.

Филандр на свете жил, не думал ничего,

И момс не более его.

С Филандром момс пил, ел, ложились,
просыпались:

Так момс с Филандром жил! и оба так
скончались!

ЭПИГРАММЫ

1

Наш медик в рот больным без счету
капли льет,
Однако оттого ни капли пользы нет.

2

Украл мужик коня; допрашивать в вине,
Судья приехал в суд на краденном коне:
Кому теперь решить челобитье и ссору,—
Тому или другому вору?

3

Стихи писать похвально,
Но если плох успех,
Хоть пишешь ты печально,
Других приводишь в смех.

4

Быть спокойну в свете сем
Есть коротко средство:
Почитать за суету
Счастье и бедство.

СТАНЗЫ

Только явятся
Солнца красы,
Всем одеваться
Придут часы:
Боже мой, боже!
Всякий день то же.

К должности водит
Всякого честь;
Полдень приходит, —
Надобно есть:
Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Там разговоры
Нас веселят;
Вести и ссоры
Время делят.
Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Ложь и обманы
Сеет злодей;
Рвут как тираны
Люди людей.

Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Строги уставы
Мучат нас век:
Денег и славы
Ждет человек.
Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Тот богатится;
Наг тот бредет;
Тот веселится;
Слезы тот льет.
Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Счастье находим,
Счастье губим.
Чем жизнь проводим?
Ходим да спим.
Боже мой, боже!
То же да то же.

Время, о! время,
Что ты? мечта.
Век наш есть бремя,
Все суета.
Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Сколько ни видим
В мире сует,

Не ненавидим,
Любим мы свет.
Боже, о! боже,
Любим и то же.

СТАНСЫ

Всяк на свете сем хлопочет,
Чтоб фортуна основать.
Мастером кузнец быть хочет,
Не учась коня ковать.
Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Вымысля наряд дурацкий,
Плав разумным хочет слыть;
Карт игру продав, посацкий
Хочет в море с флотом плыть.
Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Живонисец если смыслит
Написать углем нос,
То себя таким уж числит,
Что напишет весь хаос.
Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Затмевая рассужденье,
Кто насилиу пять сочтет,
Сияясь тот в нравоученье,

Что ни придет в разум, врет.
Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Кто на гусях марш умеет,
Как ходили под Дербент,
Тот хвататься не робеет
И за всякий инструмент.
Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Сплел стишок другой писатель,
Уж несется высоко;
А несмысленный читатель
Смыслит книги глубоко.
Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Всяк на свете беспокоен
Состоянием сго,
Уповая, что достоин
Лучшей части для него.
Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

О! когда б мы получили
Все, что наши льстит умы;
Все бы мы счастливы были,
Но не знали б счастья мы.
Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Кто себя не ограничит
И прославиться спешит,
Тот свой ум как ни величит,
Но лишь только свет смешит.
Чем нестися в мыслях выше,
Лучше всем нам жить потише.

ОДА I

ИСТИННОЕ БЛАГОПОЛУЧЬЕ

Приятну жизнь проводит
И счастлив тот безмерно,
Кто много нажил злата, —
Во изобильной жизни
Минуты провождает;
Приятными садами
И сладкими плодами
Он сердце утешает.
Благополучен много,
Кого ведет Фортуна
На вышние степени.
Спокоен тот и счастлив,
Которому судьбина
Дала жену прекрасну.
Благополучен в свете,
Кто славу расширяет
Свою по всей вселенной...
И тот благополучен,
Кто много разумеет;
А всех благополучней,
Кто страсти и желанья
К богатству, к чести, к славе

Преодолеть умеет.
Сразись со мной Фортуна,
Лишай меня спокойства, —
Тебя преодолею.
А если я устану
Тебе сопротивляться,
Не сделаю игрою
Твоей себя вовеки.
Хоть щит мой расшибется,
Копье себя притупит, —
А я и в том несчастья
Благополучен буду.

ОДА II

Тебе приятны боле
Гремящей лиры песни,
И шум в стихах Бореев
Тебя увеселяет;
Приятный беспорядок,
Отрывки, удивленье,
И слог великолепный,
И мысли восхищенны
Тебя в восторг приводят;
Пленяйся ты, как хочешь,
Великолепным слогом
И звонкими струнами
Гремящей самой лиры;
Пленяйся ты, как хочешь,
Дивись летучим мыслям;
Хвали ты важность слова,
Хвали великость духа,
Который так, как громом
В стихах пронзает сердце,
И, как орел парящий,
До облак взлетает.
Мне тихое вздыханье
Стенящих горлиц мило;
Мне тихие потоки,
Мне рощи, мне долины

Приятней лирна гласа.
Украшенна пастушка
Прелестными цветами,
Когда в кругу пастушек
Поет, поет и пляшет,
Милая гремяща хора.
Когда в стихах любовных
Писатель воздыхает,
Когда он то вещает,
Что сердцу воспаленну
Вещати в страсти должно, —
Меня приводит в слезы,
И слышать заставляет
Те чувства в нежном сердце,
Которые природны
На свете человекам.
О музы! если может
Мой дух ваш дар имети, —
То дайте дар подобный,
Каким Анакреона
Вы прежде наградили,
Или каким украшен
Приятный [Сумароков];
А если тех не можно,
Не требую иного.

ОДА III

Иные строят лиру
Прославиться на свете,
И сладкою игрою
Достичь венца Парнаска;
Другому стихотворство
К прогнанью скуки служит;
Иной стихи слагает
Пороками ругаться;
А я стихи слагаю
И часто лиру строю,
Чтоб мог моей игрою
Понравиться любезной.

ОДА IV

Источники к морям стремятся,
Огонь восходит к небесам,
Младой орел парит на воздух,
Бежит овечка на луга,
Озер прохладных лебедь ищет,
Зверь дикий кроется в леса,
Пастух идет в поля за стадом,
А земледелец за сохой;
Купец товары собирает,
Стремится ратник на войну,
Судья твердит свои законы,
Богач над золотом сидит.
То в свете всякому угодно,
Что свойственно ему и сродно.

При всех моих печалях,
При всякой и утехе
За лиру принимаюсь;
Я с лирой засыпаю,
И с лирой просыпаюсь.
Конечно, ты мне лира,
Конечно, ты природна.
А что поешь нестройно,
То я тому виновен.

ПАСТУШКА

Покидает солнце воды
И восходит в высоту,
Ясный день всея природы
Открывает красоту;
Стадо Дафнино пасется
Без пастушки на лугу.
Дафна, сидя на берегу,
Горькими слезами льется.

Поле сладкими плодами
Изобилует всегда,
Месяц с ясными звездами
Неразлучен никогда.
День, вчера который минул,
За собою день влечет;
Все порядочно течет,
А меня пастух покинул.

Отдали печальны мысли,
Утоли плачевный стон,
Постоянства ты не числи
Всей природе без препон;
Поле, полное снегами,
Видим в прежней ли красе?
Дни почти различны все,

Воды бьются с берегами,
Тучи солнце закрывают,
Месяц кроется от звезд,
А любовники невест
Так подобно забывают.

К ЕВТЕРЦЕ

В невежестве душа доныне погружена
Из мрачности парит,
Как будто бы свеча передо мной возжена,
Святая истина горит.

Познал я суету и лживу прелесть счастья,
И преходящую высоких титулов тень.
Они подобие осеннего ненастья,
Прременного сто раз в единый день.

О! разнovidная мечта непросвещенных,
Слепое счастье, скажи мне, что ты есть?
Ты кажешь умными людей ума лишенных:
В бесчестных кажешь честь.

Отрава лютая и язва смертных рода,
Превратность естества,
Тобой взволнована приятная природа,
Ты ужас божества.

А ты участница невинных рассуждений,
О! собеседница в учении моем,
Не знаешь сердца ты всеобщих повреждений
И рассуждаешь ты разумно обо всем.

Скажи, Евтерпа, мне, не тако ли ты мыслишь,
Что все обмануты мы счастья мечтой?
Я ведаю, что ты не в титлах счастье числишь
И не в казне златой.

Подумай, где умы природою нам данны,
Благополучие в богатстве полагать,
Иметь леса, поля, луга иметь пространны,
Стремиться к чинам, чтоб всех пренебрегать?

Взгляни ты на людей, в пустых степях
живущих, —
В высоких ли домах, во злате ль счастье
чтут?
Увидишь их в полях стада свои стрегущих,
Увидишь шалаши простые тут.

Великолепными чертогами гордимся,
Сей пышности они смеются при стадах,
И думают, что мы на то одно родимся,
Чтоб век свой проводить в строеньи и
трудах.

Но кто счастливее, и ближе кто к природе,
Надменный господин или простой пастух?
Живущий ли свой век в приятнейшей
свободе,
Иль беспокоящий желаньями свой дух?

На то ли естество нам разум даровало,
Чтоб он сиянием был злата помрачен,
Чтоб сердце счастью чужому ревновало,
И вечной суетой наш дух был огорчен?

Коль жизни таковой вообразим теченье,
То что есть человек?
Соборище сует, и сам себе мученье,
Несчастнейшая тварь, в тоске влекуща век.

Сие ль подобие создателя вселенной?
Чем все гордимся мы?
Преобразили нас, о! грешник ослепленной,
Преобразили нас испорченны умы.

Позволь, Евтерпа, мне еще сказать яснее,
Что я сказать хочу:
Но люди будут ли по сих словах умняе?
Ты скажешь: никогда; я лучше замолчу.

СТАНСЫ

Кто мне сыщет человека,
Кто бы так на свете жил,
Чтоб о деньгах не тужил
В дни его кратчайша века?
Деньги, деньги, вопиют,
Честь и разумы дают.

Только очи отворяем,
Встретит первое добро —
Золото и серебро.
Уже деньги собираем.
Деньги, деньги, вопиют,
Честь и разумы дают.

Воспитанья в первы лета
Подают уроки нам,
Званья денег и ценам,
И любви всего к ним света.
Деньги, деньги, вопиют,
Честь и разумы дают.

Деньги в обществе приятство,
И в родстве крепят любовь,
Возжигают к страсти кровь;
Красоту дает богатство.

Деньги, деньги, вопиют,
Честь и разумы дают.

Деньги в мире претворяют
Умного из дурака,
Барина из мужика,
Красят всех и озаряют.
Деньги, деньги, вопиют,
Честь и разумы дают.

Там пастух, рожденный к пасству,
Стричь и пасть своих овец,
Только хочет на конец
Ближе двигаться к богатству.
Деньги, деньги, вопиют,
Честь и разумы дают.

Деньги слабым оборона,
Избавляют деньги нас,
Деньги милые, без вас
Скучит разум и корона.
Деньги, деньги, вопиют,
Честь и разумы дают.

Деньги ссоры растрavляют,
Деньги делают войну,
Возвращают тишину
И союзы восставляют.
Деньги, деньги, вопиют,
Честь и разумы дают.

Деньги лютость умягчают,
Трогают они сердца.

Гонят за море купца,
Славят нас и величают.
Деньги, деньги, вопиют,
Честь и разумы дают.

Деньги, вы светило мира,
Славы общества труба!
Кажется без вас груба
Лучших стихотворцов лира.
Деньги, деньги, вопиют,
Честь и разумы дают.

Астроном, который мерит
Море, землю, небеса,
Знает многи чудеса,
Только сильно в деньги верит.
Деньги, деньги, вопиют,
Честь и разумы дают.

Деньги нужны и в пустыне,
Мальчику и старику,
Умному и дураку,
В обществе и наедине.
Деньги, деньги, вопиют,
Честь и разумы дают.

Деньги, чаю, вы устали,
Слыша наши похвалы:
Вы не знаете хулы;
Наши идолы вы стали.
Деньги, деньги, вопиют,
Честь и разумы дают.

Деньги, славьтесь вовеки;
Вас лишь те добром не чтут,
Что в Америке живут:
Знать, они не человеки.
Человеки вопиют:
Деньги разум, честь и здравие дают.

I

ФОНТАННА И РЕЧКА

В середине цветника фонтанна кверху била,
И громко о своих достоинствах трубила,
А близ ее текла

Река по камышкам, прозрачнее стекла.
Фонтанна гордая, шумя под облаками,
Сказала так реке:

„Куда придвинулась ты, лужица, боками?
Не лучше ли б ползла, бедняжка, вдалеке
И поле дикое в своем теченье мыла?
Пожалуй-ка, построй себе подале дом,
Ты видишь, какова моя велика сила:
Я там всходя реву, где молния и гром;
А ты в моем соседстве,
О подлости своей не мыслишь, ни о
бедстве“.

Такою гордостью река огорчена
Фонтанне говорит: — „Я ввек не уповала,
Чтобы в железные трубы заключена,
Бедняжкой ты меня и подлой называла.
Причина храбрости твоей и высоты,
Что вся по самые уста в неволе ты;

А я, последуя в течении природе,
Не знаю пышности, но я теку в свободе“.

На подлинник я сей пример оборочу:
Представя тихие с шумящими водами,
Сравнять хочу граждан с большими
господами,
И ясно докажу... однако, не хочу.

II

СОЛОВЕЙ И ЛЯГУШКИ

На зеленой ветке сидя,
Пел весною соловей;
Беспокойства тут не видя,
Привыкает к ветке сей.
Пел возлюбленну свободу,
Пел вечерние часы,
И прекрасную природу,
И весенние красы.
Страсть воспел в сердцах зажженну
Сей приятной птички глас,
И подругу им плененну
Утешал по всякий час.
Но забавы сей подружки
Миновались, как его:
Разродилися лягушки
Подле дерева сего.
Мыслят: „Слушать мы не станем,
Как вспевают соловьи:
Целым хором мы затынем
Складны песенки свои“.
Заглушает их музыка
Соловья и день и ночь;
От сего нелепа крика
Принужден лететь он прочь.

Тако страждут стихотворцы,
Если где они поют:
К возмущенью песней тут
Раскричатся правдоборцы.

ОДА I

БЛАГОПОЛУЧИЕ

Напрасно частыми пирами
Друзей мы чаем привлекать;
Напрасно жадными играми
Богатства мы хотим искать.

Не нас, но роскошь гости любят
И вместе исчезают с ней;
Прямую дружбу игры губят,
И правда неместима с ней.

Напрасно к небу воссылаем
Без добрых дел свои мольбы;
Мы просим, вопим и желаем, —
Но бог не внемлет злых трубы.

Напрасно мы фортуне служим
И следом бегаем за ней;
Не зря ее, о ней мы тужим;
Увидя, не дивимся ей.

Напрасно мы свои забавы
В больших чинах и в злате чтим;

Они не исправляют нравы,
Мы тем ума не просветим.

Напрасно нам искать успеха
Фортуны лестью приобрести;
Для гордых лесть одна утеха,
Отъемлюща льстецову честь.

За счастьем гонимся всечасно;
Но где искать его венца?
Увы!.. желать его напрасно,
Когда испорчены сердца.

ода II
БОГАТСТВО

Внемлите, нищи и убоги,
Что музы мыслят и поют!
Сребро и пышные чертоги
Спокойства сердцу не дают.

Весною во свирель играет
В убогой хижине пастух;
Богатый деньги собирает,
Имея беспокойный дух.

Богач, вкушая сладку пищу,
От ней бывает отвращен;
Вода и хлеб приятны нищу,
Когда он ими насыщен.

Когда ревут кипящи волны,
Богач трепещет на земли,
Что, может быть, сокровищ полны,
Погибнут в море корабли.

Убогий грусти не имеет,
Коль нечего ему терять;

На гром и непогоду смеет
Бесстрашным оком он взирать.

Не раз богатый жизнь теряет;
Он злато выше жизни чтит;
О нем всечасно умирает
И хищника во смерти зрит.

Хоть вещи все на свете тлеют,
Но та отрада в жизни нам:
О бедных бедные жалеют,
Желают смерти богачам.

Однако может ли на свете
Прожить без денег человек?
Не может, изреку в ответе,
И тем-то наш и скучен век.

ода III

ЗЛАТО

Кто хочет, собирай богатства
И сердце золотом услаждай;
Я в злате мало зрю приятства;
Корысть другого повреждай.

Куплю ли славу я тобою?
Спокойно ли я стану жить,
Хотя назначено судьбою
С тобой и без тебя тужить?

Не делает мне злато друга,
Не даст ни чести, ни ума;
Оно земного язва круга,
В нем скрыта смерть и злость сама.

Имущий злато век робеет,
Бойся ближних и всего;
Но тот, кто злата не имеет,
Еще несчастнее того.

Во злате ищем мы спокойства;
Имеv его страдаем век;
Коль чудного на свете свойства,
Коль странных мыслей человек!

ОДА IV

К А* А* Р*

- 1 В свирели мы с тобою
Играли иногда
И сладостной игрою
Пленялися тогда.
- 2 Тогда, среди забавы,
Среди полей, лугов,
Ты, просты видя нравы,
Желал простых стихов.
- 3 Там сельские дриады
Плясали вокруг тебя;
Не чувствовал досады
Ты, сельску жизнь любя.
- 4 Тебя не утешали
Мирские суеты;
Тебя тогда прельщали
Природы красоты.
- 5 Тогда земному кругу
Ты пышность оставлял;

Тогда ты мне, как другу,
Все мысли объявлял.

6 Теперь уже сокрылись
Дриады по лесам;
Места переменялись,
Ты стал не тот и сам.

7 Тебя не в диком поле
Стихи мои найдут,
Пастушки где на воле
Играют и поют.

8 Не токи ныне ясны
Вокруг тебя шумят, —
Но лики велегласны
Со всех сторон гремят;

9 Вельможи тамо пышны,
Там хитрые друзья;
Отвсюду лести слышны...
Спокойна ль жизнь твоя?

10 Из двух мне жизней в свете
Котору величать? —
Ты скромн в сем ответе,
Так лучше замолчать.

ОДА V

ТЕРЦЕНИЕ

Не тужи, в несчастной доле
Огорченный человек!
Вянут красны розы в поле,
Воды мерзнут быстрых рек;
Но весна лишь появится,
Роза в поле оживится,
Реки утучнят берега,
Украшаются луга.

Распещренная цветами
Возвращается Весна,
И своими красотами
Оживляет нас она;
Тучи солнце покрывают,
И Борей везде ревет;
Но яснее дни бывают,
Как ненастие минет.

На порядок всей Природы,
На премены посмотрев, —
Терпишь день, терпи ты годы,
Беспокойства не имев.

Вся вселенная вертится,
Постоянства в мире нет;
Но чреда твоя придет,
Рок жестокий укротится.

Ода VI

СТАРОСТЬ

Когда Борей свирепый дует
В поля из мерзлых облаков,
Зефир цветочков не целует,
И Флора прочь бежит с лугов.

Весною расцветают розы,
Весной из них цветочки вьют;
Приходят скучные морозы,
В полях пастушки не поют.

Когда зима следы являет
На желтых в поле муравах, —
Мне сходство старость представляе
Согбенна старость в седилах.

Веселостей не видно в поле,
Когда на землю снег падет;
Забав не знает сердце боле,
Когда молодой наш век пройдет.

Паренье мыслей утолится,
Застынут страсти во крови;

Возможно ль в свете веселиться,
Когда не чувствуем любви?

Когда желтеть дубровы станут,
Пастушка прячется в шалаш;
Красавицы на нас не взглянут,
Когда наступит вечер наш.

Почтенна старость, то я знаю, —
Пред ней учтивствовать велят;
Но я учтивств не променяю
Ни на один приятный взгляд.

ОДА VII

ЗНАТНАЯ ПОРОДА

Не славь высокую породу,
Коль нет рассудка, ни наук;
Какая польза в том народу,
Что ты мужей великих внук?

От Рюрика и Ярослава
Ты можешь род свой произвести;
Однако то чужая слава,
Чужие имена и честь.

Их прах теперь в земной утробе,
Бесчувствен тамо прах лежит,
И слава их при темном гробе,
Их слава дремлюща сидит.

Раскличь, раскличь вздремавшу славу,
Свои достоинства трубя;
Когда же то неместно нраву,
Так все равно, что нет тебя.

Коль с ними ты себя равняешь
Невежества в своей ноци,

Ты их сиянье заслоняешь,
Как облак солнечны лучи.

Не титла славу нам сплетают,
Не предков наших имена;
Одни достоинства венчают,
И честь венчает нас одна.

Безумный с умным не равняйся,
И славных предков позабудь;
Коль разум есть, не величайся,
Заслугой им подобен будь.

Среди огня, в часы кровавы,
Скажи мне: так служил мой дед;
Не собственной искал он славы,
Искал стечеству побед.

Будь мужествен ты в ратном поле,
В дни мирны добрый гражданин;
Не чином украшайся боле,
Собою украшай свой чин.

В суде разумным будь судьбою,
Храни во нравах простоту:
Пленюся славою твоею,
И знатным я тебя почту.

ПРОШЕДШЕЕ

Где прошедшее девалось?
Всё как сон — как сон прошло;
Только в памяти осталось
Прежнее добро и зло.
Будущего ожидаем;
Что сулит оно, не знаем;
Будущее настает: —
Где ж оно? — его уж нет!

Всё, что в жизни нам ласкает,
Что сердца ни веселит,
Всё как молния мелькает,
Будто на крылах летит, —
Ах! летит невозвратно;
Как река проходит мимо,
И реке возврата нет, —
К вечности она течет.

Я не тот, кто дней во цвете
На земле существовал;
И не тот, кто жизни в лете
Время числить забывал;
Зимнему подобно хладу,
Старость наших дней отраду

И веселости мертвит;
Уж не тот мой нрав, ни вид.

Те, которы восхищали
Взор мой женски красоты,
Жизни вечером увяли,
Будто утренни цветы;
Те, со мною что родились,
Возрастали, веселились,—
Как трава тех век пожат,
И в земле они лежат.

В юности моей чинами
Мысли я мой прельщал;
Но, покрытый сединою,
Суетность чинов познал.
Во цветущи дни приятство
Обещало мне богатство:
Вижу в зрелые лета,
Что на свете всё тщета!

Всё тщета в подлунном мире,
Исключенья смертным нет;
В лаврах, в рубище, в порфире —
Всем оставить должно свет.
Жизнь как ветерок провеет;
Всё разрушится, истлеет;
Что ни видим, бренно то;
А прошедшее — ничто!

Солнце то же надо мною,
Та же светит мне луна;

НОЧНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Уже ко западу склонилось
Ты, солнце; кроешься — сокрылось; —
Зари вечерней бледный цвет
Древес струится на вершинах;
Престол свой ставит ночь в долинах,
Ей скипетр отдал дневный свет,
И в виде зарева багрова,
Земных паров из-за покрова,
Чело возвысила луна —
Предтечей звезд в ночи она.

Никак чертог открылся брачный!
Мелькают, как сквозь флер прозрачный,
На небе тысящи лампад,
Невидимой рукой возженны;
Картины там изображенны,
Красящие лазурный град. —
И месяц, как жених, явился,
С землею будто обручился;
Сребристый изливая свет,
Ей в дар жемчужну росу шлет.
Златой порфирой облеченный,
Как царь, во славе окруженный
Блестящей свитою своей, —

НОЧНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Уже ко западу склонилось
Ты, солнце; кроешься — сокрылось; —
Зари вечерней бледный цвет
Древес струится на вершинах;
Престол свой ставит ночь в долинах,
Ей скипетр отдал дневный свет,
И в виде зарева багрова,
Земных паров из-за покрова,
Чело возвысила луна —
Предтечей звезд в ночи она.

Никак чертог открылся брачный!
Мелькают, как сквозь флер прозрачный,
На небе тысящи лампад,
Невидимой рукой возженны;
Картины там изображенны,
Красящие лазурный град. —
И месяц, как жених, явился,
С землею будто обручился;
Сребристый изливая свет,
Ей в дар жемчужну росу шлет.
Златой порфирой облеченный,
Как царь, во славе окруженный
Блестящей свитою своей, —

Так месяц меж планет сияет,
И тихо, тихо путь свершает,
Любуясь зримою землей;
С ней чаёт будто съединиться,
В водах прозрачных погрузиться,
Смотря на роши и цветы,
Скатиться хочет с высоты.

Но кто мирам даёт законы,
Бесчисленные легионы
Кто движет стройно в их кругах?
Текут, как войски ополченны,
Висят ни чем не подкрепленны,
Орган состава в небесах!—
Се тот, кто зримую вселенну,
В ничтожности запечатленну,
Единым словом сотворил;
Возрел, — и светом озарил.

Чудес таких не понимаю,
В восторге, боже! преклоняю
Мои колена пред тобой;
Для смертного необычайны,
В твои проникнуть вечны тайны
Не создан бранный разум мой;
Тебе я создан поклоняться,
Твоим твореньем восхищаться,
Всем сердцем господу любить,
И прахом пред тобою быть.

Но, если бога ощущаю,
Люблю его, — о нем вещаю,
Льзьяль быть мне мертвым существом?

Нет! — я бессмертный дух имею,
Наречься божьим сыном смею,
Могу слиться с божеством; —
Вещают: будто вся вселенна
Во бытии моем вмещенна:
В нем солнца и луны краса,
И в малом круге небеса.

В задумчивость меня приводит,
Когда на горизонт восходит
Дрожащим шествием луна;
Природа вся, умолкнув, дремлет,
Не видит око, — слух не внемлет,
Но шепчет, мнится, тишина,
Что нечто свыше есть такое,
Которое на всё земное,
Когда явится звездный трон,
Спасительный наводит сон.

Под синим сводом ясной ночи
Дерзаю мысленные очи
К селеньям горним вознести;
Взношусь! — среди миров летаю,
Пределов им не обретаю,
Ни им числа нельзя найти; —
Остановилась мысль смущенна! —
На всех планетах положенна
Божественной руки печать! —
Творенью лязяль творца понять?

От неба искра отделилась,
Она звездою мне явилась,
Огнистою струей течет, —

Исчезла! — знать, миров создатель,
Надменной гордости каратель,
К нам вестника на землю шлет,
И смертному урок дается,
Что выше меры кто взнесется,
Заняв ученья ложный свет,
Тот в бездну глубоко падет.

Не умствуйте о боге ложно
Понять его умом не можно;
А нам и ночь, и дневный свет,
И небо, и земля, и воды,
Былинка, камень, глас природы,
Что есть создатель, вопиет;
Натуры дремлющей в молчанье,
Мне звезды, лунное сиянье,
Путь млечный, зримый к небесам,
Вещают громко: бог твой там!

Там бог мой в вышних обитает,
Но мысль к творенью обращает,
Дхновеньем мир животворит;
В нощи сияет со звездами,
Во дни является с лучами,
В цветах цветет, — в громах гремит;
Единым взглядом мир объемлет,
Движению песчинки внемлет;
Непостижимый! — вечный свет!
Где б не был он, творенья нет.

РОССИАДА, ПОЭМА ЭПИЧЕСКАЯ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ НА ДЕСЯТЬ

[Отрывки]

Багровые лучи покрыли небеса;
Упала на траву кровавая роса;
Червленные земля туманы испустила,
Обеим воинствам бой смертный возвестила;
Там топот от коней, тяжелый млат стучит;
Железо движется, и медь в шатрах звучит.

Меж тем российский царь, заняв луга
и горы,
С вершины, как орел, бросал ко граду
взоры;
10 За станом повелел соорудить раскат,
И в нем перуны скрыв, в нощи привезть
под град,
Как некий Исполин раскат стопы подвигнул,
Потрясся, заскрипел, и градских стен
достигнул;
Разверзлись пламенны громады сей уста,
Сверкнула молния на градские врата;
Казань кичливую перуны окружают,
По стогнам жителей ходящих поражают.

Пресечь пути врагам, весь град разрушить
вдруг,
Царь турами велел обнести твердыни вокруг,
И будто малый холм объемлющий руками,
20 Столицу окружил российскими полками.
Решась отважную осаду довершить,
Велел он Розмыслу подкопом поспешить.
Казанцы, кои взор недремлющий имели,
Оружия схватив, как пчелы восшумели;
Тогда явился знак колеблемых знамен,
Зовущий из засад ордынску рать со стен.
И се! из градских врат текут реке подобны,
Текут против царя, текут ордынцы злобны;
Вскричали, сдвинулись, и сеча началась;
30 Ударил гром, и кровь ручьями полилась.
Стенанья раненых небесный свод пронзают,
Казанцы в грудь полков российских
досязают;
И силе храбрый дух российский уступил,
Засада наскочив, на них пустилась в тыл.
Войну победою казанцы бы решили,
Дворяне муромски когда б не поспешили.
Сии воители, как твердая стена,
Котора из щитов единых сложена,
Летят, стесняют, жмут, ордынцов разделяют.
Жар множат во своих, в казанцах утоляют.
40 Как прах развеяли они врагов своих,
Прогнали; брани огонь от сей страны утих,
Но три воителя, сомкнувшись щитами,
Из градских вышли стен особыми вратами;
Как облако, от их коней сгустился прах;
На крыльях летят пред ними смерть и страх;
Их взоры молнии, доспехи гром метали;

Но камень будто бы в реку из рук падающий,
Из точки делает далеко круг растущий,
Противоборники, мечи исторгнув вдруг,
Так двигали народ, из круга в больший круг.
Тогда свой меч склонив, Бразин сие вешает:
80 „Сей день победу нам иль гибель обещает;
Когда победы вы получите венец,
Поставите войне и прению конец;
В отечество свое клянемся возвратиться;
Однако льзя ли сим, о Россы! вам и
льститесь?

Но если будет так, без нас возьмите град:
Вы сильны покорить тогда и самый ад.
Когда же вас троих во брани одолеем,
О чем ни малого сомненья не имеем,
Мы в узах повлечем противоборцев в плен,
90 И будет нами род Московский истреблен;
Рабы вы будьте нам! клянемся ныне в оном,
Мечами нашими, Рамидой, царским троном;
Когда сражение не ужасает вас,
Завет исполнить сей клянитесь вы сейчас!“
От сей кичливости исполненные гнева,
Герои ждут на брань веления царева,
Да словом подтвердит их клятвы он печать.
На все решился царь, и бой велел начать.
Все войско раздалось для важного предлога;
100 Герои, шлемы сняв, зовут на помощь бога.
Жестокий Гидромир безумства не скрывал,
Не бога в помощь он, Рамиду призывал;
И рек россиянам: „Сражения не длите!
Не о победе вы, о жизни днесь молитесь;
Готовьтесь смерть принять!“ С сим словом,
как орел,

На Палецкого, меч исторгнув, полетел;
С Бразином копьями Мстиславский князь
сразился;

Меч Курбского во щит Мирседу водрузился;
Весь воздух восшумел и битва началась...

110 Сражаются, но кровь не скоро полилась.
Мстиславский на врага перун из рук кидает,
То с левыя страны, то с правой нападает;
Но будто стену он орудием бьет;
Уже разить копьем Бразина устает;
Он зрится каменным, нечувственным
кумиром.

Схватился Палецкий с свирепым Гидромиром:
Кони споткнулися, упали шлемы с них,
Закрыли их щиты главы у обоих;

Склоненные к земле еще они биятся;

120 Вспрянули, сдвигнулись, удары раздаются;
Спираясь, три четы изображают круг,
То в груди сложатся, то раздадутся вдруг;
Отвсюду зрится смерть, отвсюду и победа.
Князь Курбский копием ударил в грудь
Мирседа;

Щитом себя Мирсед закрыть не ускорил,
Взревел, и тылом он хребет коня покрыл.
Рамида в оный час со стен на брань
взглянула,

И, видя во крови Мирседа, воздохнула;

130 К Мирседу паче всех склонна была она;
Забыла, что сама в чело поражена,
Мгновенно в сердце к ней Мирседов стон
преходит,

И в духе жалость, гнев, отмщенье
производит;

Бежит, и встрешнего мечом своим сечет,
На когья, на мечи Рамиду страсть влечет.
Прервать неравный бой россияне восстали,
Их очи и мечи как звезды заблистали,
И вдруг сражение со всех сторон зажглось,
Все войско на лугу, как туча, развилось;
Кипит кровава брань, полки с полками
бьются;

140 Герои с вящшею досадою расстаются.
Князь Курбский обратясь унять мятеж хотел,
Во время то Мирсед на князя налетел,
Копьем ребро его под сердцем прободает,
Разит в главу, и князь бесчувствен упадает.
Пылают мщением российские полки,
Слились с казанскими, как будто две реки,
Где волны бурное течение составляют,
Друг друга прут назад, друг друга
подавляют;

Сперлися воины в поднявшейся пыли;
150 Безгласен Курбский князь простерся на
земли.

Тогда, совокупясь как страшные стихии,
Четыре витязя пошли против России.
Подобно слившись четыре ветра вдруг,
Бунтуют Океян, летая с шумом вкруг,
Их жадные мечи в густой пыли сверкают,
Разят, свирепствуют, как страшны львы
рыкают.

Россияне уже хотели отступить,
Но силы новые пришли их подкрепить,
Бог волею своей, царь бодрыми очами,
160 Вельможи щедрыми и мудрыми речами.

. . . . .

Осыпан прахом весь, Микулинский падет;
Главу щитом покрыв, ко брегу вспять плывет.
Свирепа смерть блюсти казанцов восхотела;
На черных крыльях превыше стен взлетела;
Отмытым кровию покровом облеклась,
И молния вокруг ней струями извилась;
Дыханьем воздух весь селитренным

сгустила,

Со ужасом огонь как град со стен пустила;
В российские полки он тучей ударял;
200 За громом гром другой мгновенно ускорял.
Благочестивый царь, людей своих жалея,
С плененными послал ордынцами Алея;
Перед стенами их велел к столбам вязать:
Не ярость тем хотел над ними оказать,
Но войски собственные от гибели избавить;
Ордынцов укротить и зверства их убавить.
Как жертву пленников ко граду повлекли;
Их видя у тынов, казанцы им рекли:
„Вам лучше умереть от рук махOMETанских,
270 Чем кончить свой живот в плену от
христианских“.

По слове варварском ударил паки гром.
Какую песнь мне петь, каким писать пером?..
Ордынцы лютые единовѣрных губят!..
И се к отществу трубы российски трубят,
Напрасной смерти царь злодеям не хотел,
Отверженных врагов друзьями пожалел;
„Влеките!—возопил;—невольников обратно;
Похвально побеждать, но миловать
приятно!“

Тогда все войско вспять, как море,
отлилось;

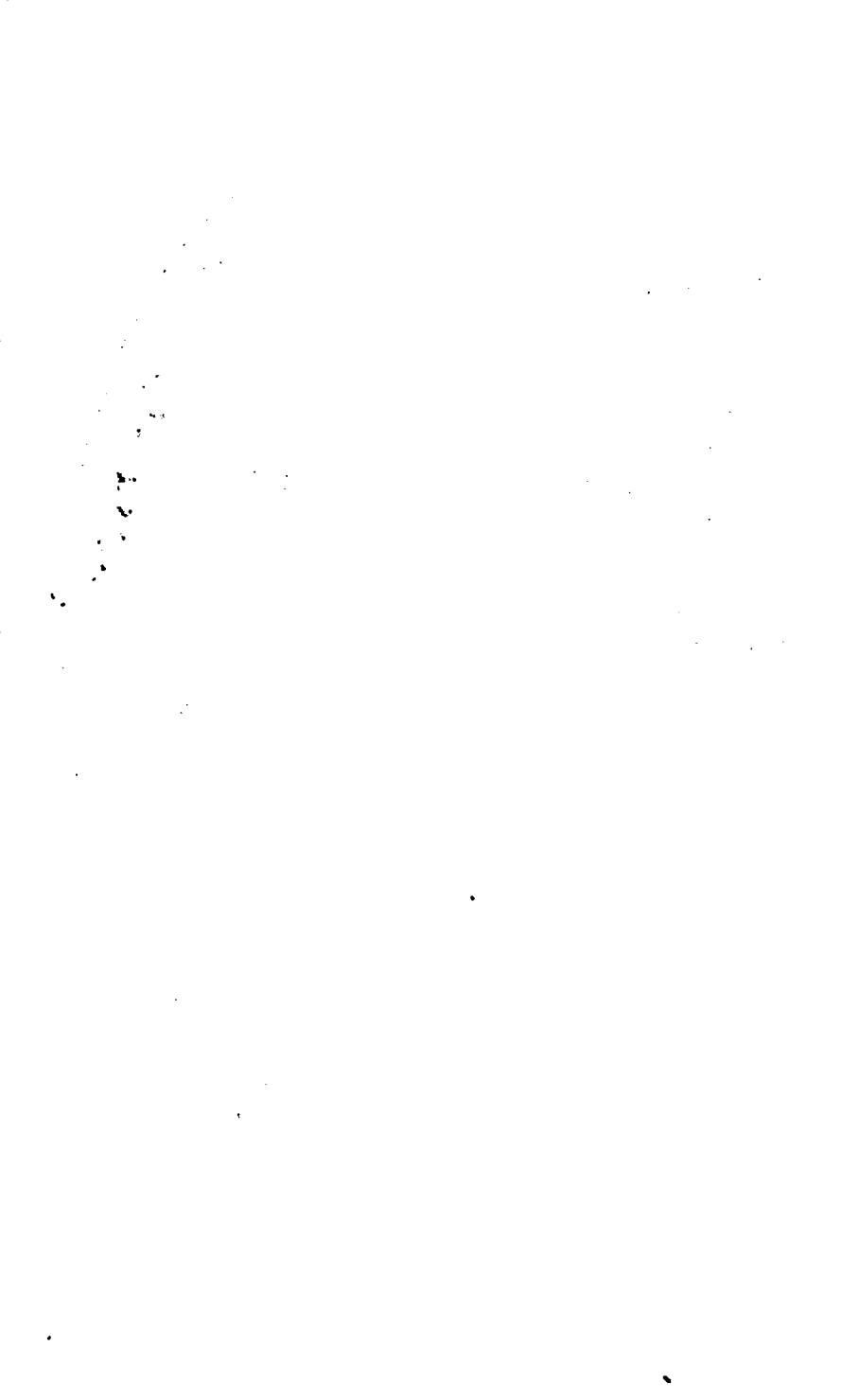

В. МАЙКОВ

Василий Иванович Майков родился в 1728 г. в отцовском поместьи в Ярославской губернии. Отец его был капитаном лейб-гвардии Семеновского полка, по средствам и связям человеком видным. В его доме устраивались сценические представления Ф. Г. Волковым.

Будущий писатель хотя и учился в академической гимназии, но законченного образования не получил. В 1742 г. Майков был принят на службу в Семеновский полк, но вскоре был отпущен домой для „наук“ на 4 года. Действительная служба началась только с 1747 г. В 1761 г. Майков „по именному указу отставлен на свое пропитание гвардии капитаном“.

По выходе в отставку он жил в Москве, наезжая в Ярославль и в свое имение.

В начале 1762 г. появились в печати первые литературные произведения Майкова в журнале Хераскова „Полезное увеселение“ (1760—1762 гг.).

Журнал возобновился в 1763 г. под названием „Свободные часы“. В нем Майков напечатал оду „На страшный суд“, басню „Собака на сене“, отрывки из „Овидиевых превращений“. В Москве он написал не-

сколько од, ряд басен и комическую поэму о карточной игре „Игрок ломбера“. Поэма имела необычайный успех (при жизни было три издания: 1763, 1765, 1774 гг.) и доставила Майкову широкую литературную известность.

В 1766 г. Майков снова поступил на службу, заняв должность помощника московского губернатора; он завел обширные знакомства с литераторами, актерами, знатными и чиновными людьми. В 1768 г. он принял участие в работах комиссии по составлению Нового Уложения. В этом же году Майков переехал в Петербург, где жил в течение 6 лет. В 1770 г. он — прокурор военной коллегии, член Вольно-экономического общества. В то же время он сблизился с кружком Новикова и сотрудничал в „Трутне“; но главные его связи этого времени были опять-таки с херасковским литературным салоном, с журналом „Вечера“.

В 1771 г. Майков напечатал вторую комическую поэму „Елисей, или раздраженный Вакх“. Кроме того он начал перевод комической поэмы Буало „Налой“ (до сих пор не изданный).

В Петербурге же Майков сблизился с масонами, занимал должность провинциального секретаря Великой провинциальной ложи. Переезд в Москву (1775 г.) еще больше укрепил его связи с масонством, идеи которого нашли от-

ражение в последующих стихотворениях Майкова.

Пугачевщина и политическая реакция толкают Майкова вправо, и он пишет сентиментальную идиллию („Деревенский праздник, или Увенчанная добродетель“ — 1777 г.) в явно крепостническом духе.

Майков пробовал свои силы во всех родах поэзии. Он писал оды, послания, трагедии, басни, лирические стихотворения, но наибольшей известностью пользовались его героико-комические поэмы.

Умер Майков в 1778 г.

Произведения и часть переводов Майкова собраны в издании „Сочинения и переводы В. И. Майкова“, 1867 г., со статьей и примечаниями Л. Н. Майкова.

I

БОНЬ ЗНАТНОЙ ПОРОДЫ

Два проданы коня,
Какие—лишь о том не спрашивай меня.
Один был в них хорош, другой похуже;
Так за худого дать не можно цену ту же,
Какая за коня хорошего дана;
Коль хуже был собой, так меньше и
цена.

Хорошего, купя, поставили на стойло,
Всегда довольный корм дают ему и пойло.
Конем любитесь всечасно господин.

Конь, будто дворянин,
Пьет, ест, гуляет в поле,
И поднимает нос.

Другой, всегда в неволе,
Таскает на себе грязь, воду и навоз.

Коню то стало скучно,
Что он с трудами неразлучно;
Наскучила навозна вонь;
Хозяину пеняет конь:

Конечно, моего не ведаешь ты роду,
Что возишь ты на мне навоз всегда и воду?

II

ВОР И ПОДЬЯЧИЙ

Поиман вор в разбое,
Имел поличное колечко золотое,
Которое пред тем с подьячего склевал
В ту ночь, как вор сего воришка
разбивал;

Хотя подьячего так звать неосторожно,
Однакож взятки их почесть разбоем можно:
Затем я назвал так;
Подьячий не дурак,
Да только что бездельник;
Он вора обличал,

Что точно у него кольцо свое узнал,
И с тем еще других пожитков он искал.
На то в ответ сказал подьячему мошенник:
„Когда меня зато достóит бить кнутом,
Так должно и тебя пытать, подьячий, в
том;

Когда родитель твой жил очень небогато,
Откуда ж у тебя сие взялося злато?
Разбойник я ночной,
А ты дневной;
Скажу я и без пытки,

Что я пожитки
У вора крал,
Который всех людей безвинных обирал.
С тобою мы равны, хоть на весах нас
взвесить
И если должно нас, так обоих повесить*.

III

О ХУЛИТЕЛЕ ЧУЖИХ ДЕЛ

О вы! охотники других дела судить,
Внемлите, я хочу вас басней наградить.
Как сами хотите, вы так ее толкуйте
И по привычке злой меня покритуайте.

Хвал ваших не хочу,
Доволен только тем, что я вас поучу.

В великолепном доме
Жил некакий старик,
Который завсегда к работе приобык,
А спал он на соломе.

У старого была старуха и жена;
Старухе в голову вложил сам сатана
Завидовать боярской неге,
И говорит: „Мы спим в худом наслеге,
Боярин наш всегда лежит в пуховике
Исбарыней, какмышь, зарылся он в муке.

Он насыщается всегда хорошим вкусом,
А мы питаемся негодным самым кусом“.

Старик на то в ответ: „Я барину не
брат“.

Старуха сетует: „Адам в том виноват,
Что мы с боярами живем не в равной
доле“.—

„Неправда, — отвечал старик, — но Ева
боле

Виновна нашей доле:
Когда б она его заказанным плодом
В раю не искусила,
Так был бы рай наш дом:
Я дров бы не рубил, а ты бы не носила,
И жил бы я в раю, как знатный
дворянин*.

Подслушав их слова тихонько, господин
Велел тотчас давать им честь с собой едину:
Старухе не гнетут дрова горбату спину,
Старик не рубит дров,
Она их не таскает;
Им стол всегда готов,
И мягко старичок с старушкой почивает.
На дюжине им блюд

Пирожного с жарким и соусом дают;
Но только промеж тем станавливалась чаша,
Закрытая всегда. „Так то еда не ваша“, —
Воярин им сказал

И раскрывать ее им крепко заказал.
Довольны старички сей пищей близ недели.
Старуха говорит: „Из чашки мы не ели;
Знать, пища в ней других послаще
вложена;

Отведаем ее“. Старик на то: „Жена,
Вить барин заказал вскрывать нам это блюдо;
А ежели его мы вскроем, будет худо“.

„И, батька, старичок! худой в тебе
провор;
Кто вынесет сей сор из горницы на
двор,

Что в чашу мы глядели?
Вить мы еще ее глазами не поели,

Мы прежде поглядим,
И ежели нам лъзя, так мы и поядим,
А ежели нельзя, так мы закроем,
Глазами ничего мы в ней не перероем“.

И так старуха тут упела старика.
Над крышку наднеслась продерзкая

рука;

Уже вскрывается заказанная миса,
Увы! из мисы вдруг вон выскочила крыса

И в щель ушла.

Беда пришла!

Трясутся у сего Адама с Евой ножки,

Они не кошки

И мышки не поймать.

Не лучше ли бы вам век чашки не замать?

Могли бы и без сей вы пищи быть довольны;

Теперь вы утаить сего уже не вольны.

Боярин всякий раз

Смотрел после стола, исполнен ли

приказ.

Но тут лишь вскрыл он мису,

Увидел из нее уж выпущенну крысу,

Пришел и старика с старухою спро-
сил:

„Почто вы, старые, приказ мой не хранили?

Напрасно, глупые, вы праотцев бранили,

Когда в вас не было самих к терпенью
сил;

Вы то же сделали, что Ева со Адамом.

Подите вон отсель и будьте в том же самом,

В чем были вы сперва:

Ты, старый хрен, руби, а ты таскай
дрова“.

IV

ОБЩЕСТВО

Не знаю, как
Сошлись четверо в кабак:
    Портной, кузнец, сапожник
Да хлебопашества художник,
И все за стойкою сидят,
Пьют пиво и вино, подовые ядят.
    Когда до-пьяна напилися,
    Тогда они разовралися,
И ремесло хвалить тут начал всяк свое.
Портняжка прежде всех сказал других сие:
„Когда бы не было портных на белом свете,
Так вы бы в осени, в весне и жарком лете,
И зиму к ним еще прибавить барышом,
    Ходили нагишом“.
    Сапожник при задоре
Не уступил портному в споре
И говорит: „Портняжка, врешь!
    Ты только платье шьешь
    И одеваешь тело;
    Мое нужная дело;
Я в свете твоего поболее знаком;
А без меня вы, ходя б босиком
    В толь дальние дороги,

Попортили бы ноги;
А вздень-ко сапоги,
Куда ты хочешь побеги
И ног не береги,
Хоть были бы в пути каменья и пороги*.
Крестьянин им на то: „Все ваше ремесло
Давно б крапивой заросло,
Когда бы не пахал я пашенку святую“. —
„Оставьте мысль пустую, —
Кузнец сказал им всем, —
Поболе нуждицы вам в ремесле моем;
Один на свете сем прямой лишь я художник;
Вы чем бы стали шить, портной, и ты,
сапожник?
А ты б, крестьянин, чем стал пашенку
пахать,
Когда бы перестал я молотом махать?“
Тут виночерпий им сказал, за стойкой сидя:
„Не можно спорить вам, друг друга не
обида;
На свете положен порядок таковой:
Крестьянин, князь, солдат, купец,
мастеровой;
Во звании своем для общества полезны,
А для монарха их, как дети, все любезны“.

ВОЙНА

ода

1

Какой ужасный ветер навеял
Тебя, кровавая война?
Раздор тебя меж смертных всеял,
И ты Алектой рождена.
Когда исходишь ты из ада,
Побегнет прочь от всех отрада,
И сквозь сгущенных серой туч
Не светит солнца ясный луч.

2

Ты яд на землю изливаешь,
Ллоды ужасные родишь,
Леж царств союзы разрываешь,
Гароды мучишь и вредишь;
Твѣи советы все суть вредны,
Деа и пагубны и бедны;
Твоѣ глас колеблет целу твердь,
Твоѣ взор изводит люту смерть.

3

Ты гщишь ратаев прилежных
К орусию с обильных нив,

Лишаешь мыслей безмятежных,
Сердца их гневом вспламенив.
Наполня ум вражды и злобы,
Ведешь из храмин их во гробы
И из объятий нежных рук
На тысящи несносных мук.

4

Ты жен с мужьями разлучаешь,
Отцов лишаешь их детей,
Любовниц верных огорчаешь,
Друзей отъемлешь у друзей.
Ты всем несносны скорби деешь,
Младенцев сущих не жалеешь,
Ниже прекраснейших девиц;
Ты санов не щадишь, ни лиц.

5

Когда ты бранною трубою
Сзываешь войски на поля,
Предъидет смерть перед тобою,
Багрится кровию земля,
Тлетворны ветры вслед тя дуот
И все стихии вдруг бунтуют
Разверст там ада зрится зев.
Там все являет божий гнев.

6

Где ступишь ты, там все горает
И превращается во прах,
Там тьма безвинных умирает,
Везде отчаянье и страх,
Везде рыдание и слезы,

На пленных тяжкие железы,
На победителях их кровь;
Там страждут дружба и любовь.

7

Несчастные там жены стонут,
Лишась мужей своих навек;
Мужья, за них сражаясь, тонут
Среди своих кровавых рек.
Сама природа тамо страждет,
Убивством всякий воин жаждет,
Из коих весь составлен строй,
Убийца каждый там герой.

8

Представь, о древность, мне пред очи,
Вселенная спокойный век!
Там в сладком мире дни и ночи
Препровождает человек;
Земля там в части не делится,
Там вся природа веселится,
Бегут отголь вражда и гнев,
Там с агнцом почивает лев.

9

Пастух без робости выходит
Со стадом в тучные луга,
Ни в чем он страха не находит,
Ни в ком не зрит себе врага;
Никто плодов не насаждает,
Плоды сама земля раждает,
Рождает тучное пшено,
Для всех обильно и равно

Там жители земного круга
 Едина кажется семья,
 Верна супругу там супруга,
 Нелицемерны там друзья.
 Там нет ни зависти, ни лести;
 Сердца, исполненные чести,
 Устами правду говорят;
 Все право мыслят и творят.

В таком-то были совершенстве
 Живущи твари на земли,
 В свободе, братстве и равенстве
 Счастливу жизнь свою вели.
 О жизнь, которой нет примера!
 Меж всех была едина вера,
 Меж всех единый был закон,
 И царствовал над всеми он.

Но тщетною пленяясь славой,
 Неблагодарный человек,
 И сею лютою отравой
 Разрушил сам златый свой век;
 Уже его счастливы годы,
 Подобно как в пучину воды,
 В разверсту вечность протекли
 И все спокойство увлекли.

Тогда исторглись злы пороки
 Из адския утробы в свет,

Уже везде кровавы токи
Род смертных злобствуя лиет;
Любовь и дружба исчезает,
Там сильный слабого терзает,
Там давит бедного богач;
Тиран, не тронут, внемлет плач.

14

О страх, о лютая премена!
Земля злодействами полна,
Везде кровавые знамена
Несет с победами война;
Спокойство смертных возмущает,
Прекрасны зданья обращает,
Труды премножества людей,
Во обиталища зверей.

15

Там многа сила облегают
Отвсюду укрепленный град,
Уже подземна изрыгает
На воздух преужасный ад;
Претемный облак к небу всходит,
Не дождь на землю производит
Сия ужаснейшая мгла,
Но мертвых воинов тела.

16

Лежат растерзанные члены,
Там труп, а там с головой рука,
И сквозь разрушенные стены
Течет кровавая река;
Несчастны[х] смертных род в ней тонет,

Земля под тяжестью стонет
Возвышенных из трупов гор,
Речет, взводя на небо взор:

17

„На то ли, боже, извлеченны
Тобою смертные из тьмы,
Чтоб были так ожесточенны
У них все чувства и умы;
Чтоб кровь свою реками лили
И чтоб зверям подобны были?
Не с тем ты, боже, создал свет,
Дабы он был исполнен бед!

18

Ты свят, ты праведен, незлобен,
Ты щедр, ты царствуешь вовек,
Тебе во всем, тебе подобен
Быть должен всякий человек.
Простри свои святые длани,
Смири неправедные брани,
Мятежи скоро утиши
И гордых мышцы сокруши.

19

Кто ближе всех к тебе душою,
Тому во власть меня вручи,
Да он десницею своею
Сотрет враждующих мечи.
Премудрая Екатерина
Сего достойна лишь едина;
Из смертных равного ей нет,
Вручи во власть ее весь свет“.

**ОДА О СУЕТЕ МИРА К АЛЕКСАНДРУ
ПЕТРОВИЧУ СУМАРКОВУ**

1

Всё на свете сем превратно,
Всё на свете суета;
Исчезает невозвратно
Всякой вещи красота:
Младость и лица приятство,
Сила, здравие, богатство,
И порфира, и виссон,
Что в очах нам ни блистает,
Все то яко воск растает
И минется яко сон.

2

Всякой вещи в свете время,
Всякой мысли есть конец:
Старость — наше тяжко бремя
И мучение сердец;
Только старость овладеет,
Кровь иссякнув охладееет,
Нежны чувства замрут;
Что нас прежде услаждало,
Что веселие рождало,
То родит болезнь и труд

Поместятся мысли скучны
 Вместо всех веселых дум,
 И печали неотлучны
 Отягчати будут ум;
 Ум во скуке злой потонет,
 Сердце томное застонет
 И утех не ощутит;
 Всё затмится пред очами.
 Дни покажутся ночами:
 Что увижу, всё смутит.

Ах! о время дней кратчайших,
 Время, лютый наш тиран!
 Воды струй твоих сладчайших
 Льются в вечный океан.
 Мы тобой себя прельщаем,
 Только редко ощущаем,
 Сколь ты скоро протечешь,
 И что в жизни нам приятно,
 Ты с собою невозвратно
 Все во вечность увлечешь.

Время все от нас похитит,
 И со оным нас самих,
 Хоть оно и не насытит
 Алчных челюстей своих.
 Все исчезнет то росую;
 Время острою косою
 Все ссечет в единый час.
 И меня... когда?... не знаю,

Только глас его внимаю,
Сей его внимаю глас:

6

„Все, что зрится вам прекрасно,
Все с собою унесу;
Все на свете я всечасно
Возмущаю и трясу.
Возведите только взоры:
Где высоки были горы,
Тамо пропасты земны;
Инде киты обитали, —
Острова там ныне стали
Из морския глубины.

7

Где вселялись рыбы, гады,
Там жилища днесь людей;
Превращаю я и грады
В обиталище зверей;
Горы с места предвигаю
И потрясши их ввергаю
Во пространные моря;
Солнце, звезды со луною
Протекут навек со мною,
И престанет быть заря“.

8

Всякий шаг нам — шаг ко смерти,
Всякий миг влечет нас к ней,
Всякий час грозит претерти
Вервь кратчайших наших дней
Что мы думаем иль пишем,

Говорим иль просто дышем, —
Время между тем течет:
Как сие изрек я слово,
Наступило время ново,
И того уж больше нет.

9

Свет исполнен злых пороков
И исполнен суеты.
Муз любимец, Сумароков,
Возвести о сем мне ты,
Коль во свете все премоно,
Все не твердо, ломко, тленно,
Сан, богатство, жизнь — мечта, —
Чем же свет нам толь прелестен,
Коль всему конец известен?
Что же в нем не суета?

**ОДА О ВКУСЕ АЛЕКСАНДРУ
ЦЕТРОВИЧУ СУМАРОКОВУ**

1

О ты, при токах Инокрены
Парнасский сладостный Певец,
Друг Талии и Мельпомены,
Театра русского отец,
Изобличитель злых пороков,
Расин полночный, Сумароков!

2

Твоей прелестной глас свирели,
Твоей приятной Лиры глас
Моею мыслью овладели,
Пути являя на Парнас:
Твоим согласием пленяясь,
Пою и я, воспламеняясь.

3

И се твоим приятным тоном
И жаром собственным влеком,
Спознался я со Аполлоном
И музам сделался знаком;
К Парнаксу путь уже мне свел
Твоим к нему иду я следом.

И так как тихому зефиру,
Тебе вослед всегда лечу,
Тобой настроенную Лиру
Я худо строить не хочу;
Всегда мне вкус один приятен,
Который важен, чист и внятен.

Но вкусы всех воспеть не можно;
Они различны у людей;
Прадон предпочитаем ложно
Расину Федрой был своей;
Но что? Прадонов вкус скончался:
Расин победой увенчался.

Не пышность во стихах приятство;
Приятство в оных — чистота,
Не гром, но разума богатство
И важны речи — красота.
Слог должен быть и чист и ясен:
Сей вкус с природою согласен.

Я стану слог распорядити
Всегда по вкусу одному,
И тем природе подражати,
Тебе и здравому уму.
Случайны вкусы все суть ломки,
И не дойдут они в потомки.

Оставь писателей кощунствующих шайку,
Приди, настрой ты мне гудок иль балалайку,
Чтоб я возмог тебе подобно загудить,
Бурлаками моих героев нарядить;
Чтоб Зевс мой был болтун, Ермий шальной
детина,
Нептун как самая преглупая скотина,
И, словом, чтоб мои богини и божки
Изнадорвали всех читателей кишки.

Против Семеновских слобод последней
роты

30 Стоял воздвигнут дом с широкими вороты
До коего с Тычка ¹ не близкая езда;
То был питейный дом названием Звезда,
В котором Вакхов ковш хранился с
колесницей
Сей дом был Вакховой назначен быть
столицей

. . . . .
Тогда был праздный день от всех мирских
сует:
По улицам народ бродил лишь чуть был
свет,
Вертелися мозги во лбах у пьяных
с хмеля,
А именно была то сырная неделя.

40 Как мыши на крупу ползут из темных нор,
Так чернь валила вся в кабак с высоких
гор,
Которы строило искусство, не природа

¹ Кабак на Петербургской стороне.

Для утешения рабочего народа;
Там шли сапожники, портные и ткачи
И зараженные собою рифмачи,
Которые, стихи писавши, в нос свой дуют,
И сочиненьями как лаптями торгуют;
Там много зрелось расквашенных носов,
Один был в синяках, другой без волосов,
50 А третий оттирал свои замерзлы губы,
Четвертый исчислял, не все ль пропали
зубы,

От поражения сторонних кулаков.

Там множество сошлось различных дураков.
Меж прочими вошел в кабак детина
взрачный.

Картежник, пьяница, буйя, боец кулачный,
И словом, был краса тогда Ямской он всей,
Художеством ямщик, названьем Елисей;
Был смур на нем кафтан и шапка на
бекрене,

Волжаний кнут его болтался на колене,
Который пьяный дом лишь только посетил,
60 Как море, пьяных шум мгновенно укротил;
*Под воздухом простер свой ход веселый
чистым,*

*Поехал как Нептун по вод верхам
пенистым.*

Прости, о муза! мне, что так я захотел
И два сии стиха неистово воспел;
Тебе я признаюсь, хотя в них смысла мало,
Да естество себя в них хитро изломало;
Чрез них то может быть хвалу я получу,
Отныне так я петь стихи мои хочу;
Мне кажется, что я тебя не обижаю,

Когда я школьному напеву подражаю.
Но если их пером ты действуешь сама,
Не спятила ль и ты на старости с ума?
Ах! нет, я пред тобой грешу, любезна муза,
70 С невеждами отнюдь не ищешь ты союза,
Наперсники твои знакомы между нас;
Единого из них вмещает днесь Парнасс,
Другие и теперь на свете обитают,
Которых, жителями Парнасскими считают.¹
Итак, полезнее мне мнится самому
Последовати их рассудку и уму.

Уже напрягнув я мои малейши силы
И следую певцам, которые мне милы;
80 Достигну ли конца, иль пусть хотя
споткнусь,
Я оным буду прав, что я люблю их вкус;
Кто ж будет хулить то, и тем я отпускаю;
И к повести своей я мысли обращаю.

. . . . .

Меж тем ямщик свою уж чашу наливает,
Единым духом всю досуха выпивает,
И, выпив, ею в лоб ударил чумака:
Удар сей раздался в пространстве кабака;
Попадали с полиц ковши, бутылки, плошки,
Черепья чаши сей все брызнули в окошки,
Меж стойкой и окном разрушился предел,
90 Как дождь и град смешаь из тучи полетел,
Так плошечны тогда с стеклянными обломки
Летели возвестить его победы громки.

---

¹ Каков г. Сумароков и ему подобные.

Никто ответственность на то ему не смел;
Но он к несчастью, зная, острый взор имел;
Увидел ямщика, стояща очень смело.

„Я вижу, брат, — сказал, — твое, конечно,
дело?

Конечно, ты, сокол, кабак развоевая?“

Тогда чумак уж рот смеяе разевал.

Встает и без порток приходит ко капралу:

„Отмсти, — кричит, — отмсти, честной

капрал, нахалу,

„Который здесь меня безвинного прибил“.

130 Капрал сей был угрюм и шуток не любил.

„Кто бил тебя? скажи!“ — нахмурясь

вопрошает;

Чумак ему на то с слезами отвечает:

Сей пьяница мои все ребра отломал, —

При сем на ямщика он пальцем указал: —

„Наделал и казне и мне при том убытку;

„И коль запрется он, готов терпеть я

пытку;

„Пивною чашею он лоб мне расколол

И изорвал на мне все порты и камзол“.

Тогда явился вдруг капрал сам-друг с

драгуном,

140 И резнул ямщика он плетью как перуном;

Хотя на ней столбец не очень толстый был,

Однако из руки капральской ярко бил.

Ямщик остолбенел, но с ног не повалился,

За то служивый сей и более озлился,

Что он не видывал такого мужика,

Которого б его не сшибла с ног рука:

Велел немедленно связать сего героя,

Который принужден отдаться был без боя.

750 Не храбрости ямщик иль силы не имел,
Но, зная, с полицией он ссориться не смел.
И бывшим вервием рукам его скрепленным,
Ведется абие в тюрьму военнопленным.

. . . . .

Уже приехал Вакх к местам тем,
наконец,
В которых пьянствует всегда его отец,
И быв взнесен туда зверей своих услугой.
Увидел своего родителя с супругой;
Юнона не в венце была, но в треухе,
А Зевс не на орле сидел, на пегухе;
Сей голову свою меж ног его уставя,
170 Кричал: какореку! — Юнону тем забавя.
Владелец горних мест меж облачных
зыбей

Заснул и подпустил Юноне голубей,
От коих мать богов свой нос отворотила
И речью таковой над мужем подшутила,
Взведши на него сперва умильный взгляд:
„Или и боги так, как смертные, шалят?
Знать слишком, батька мой, нектарца ты
искушал?“

Зевес ее речей с приятностию слушал;
И божеский ответ изрек ей на вопрос:
170 „Знать, не пришибен твой еще, Юнона, нос?“
При сих словах ее рукою он погладил.
Тут Мом пристав к речам и к шутке их
подладил,
С насмешкою сказал: „О сильный наш
Зевес!
Я вижу, что и ты такой же Геркулес,

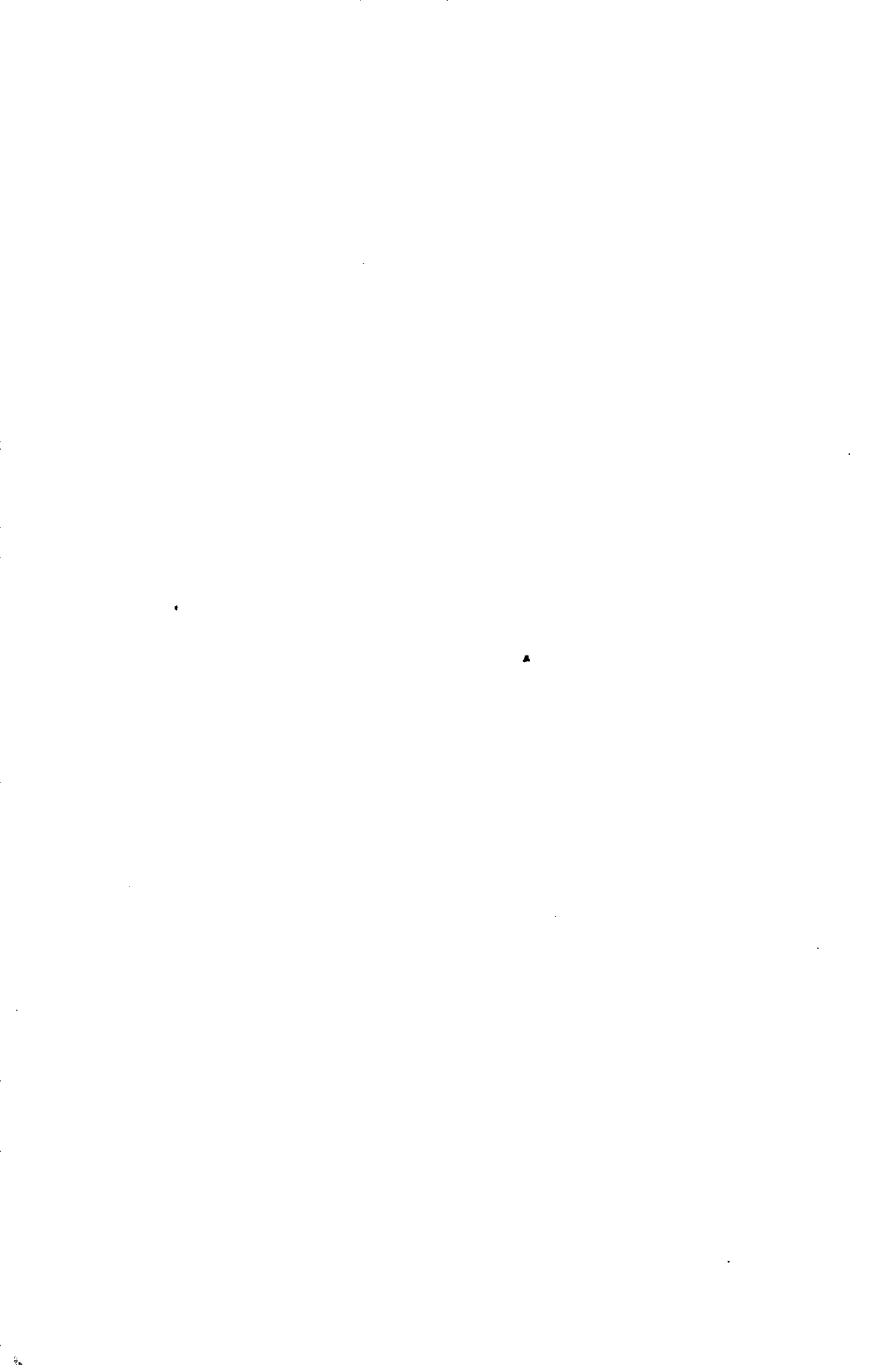
Который у своей Омфалии с неделю,
Оставя важные дела, и пряд куделю.
Но что я говорю? Таков весь ныне свет:
Уже у модных жен мужей как будто нет;
Я вижу всякий день глазами то моими,
180 Мужья все простаки, владеют жены ими".
Юноне речь сия казалася груба.

Сказала: „Слушай, Мом, мне шутка не любя;
Ты ею множество честных людей обидишь;
Как будто ты мужей разумных уж не
видишь?

Послушай, бедный Мом, ты слова моего:
Мужья женам своим послушны для того.
То правда, иногда и жены пред мужьями...
Но что... Не сыплется сей бисер пред
свиньями.

На что мне с дураком терять мои слова?
190 Не может их понять пустая голова".
Тут Мом хотел было насмешкой защищаться,
И видно что бы им без ссоры не расстаться
И быть бы согнанным им с неба обоим,
Но воспрепятствовал приездом Вакх своим.

И. БОГДАНОВИЧ

Ипполит Федорович Богданович родился в 1743 г. на Украине в бедной дворянской семье. Десяти лет от роду он был отдан учеником („юнкером“) в одно из московских правительственных учреждений — в юстиц-коллегию; он должен был стать „подьячим“, судейским чиновником. Но он, по словам его автобиографии, „к приказной службе склонности не оказал“ и усердно занимался в математическом училище при сенатской конторе. С четырнадцатилетнего возраста Богданович принялся за писание стихов; его произведения имели успех в среде московских литераторов, группировавшихся вокруг Хераскова. Богданович, не покидая службы в юстиц-коллегии, посещал занятия в университете; Херасков привлек его в свой кружок и пригласил жить у себя в доме. В 1760 г. Богданович впервые выступил в печати в журнале Хераскова „Полезное увеселение“. В 1761 г. он перешел на службу в университет в качестве надзирателя над классами.

Богданович сблизился с лидерами дворянской просветительской общественности, стремившейся к политическим реформам: с братьями Паниными, с княгиней Дашко-

вой. В 1763 г. он поступил на службу в штат генерала П. И. Панина—переводчиком. В том же году он работал в качестве сотрудника и, может быть, редактора в журнале „Невинное упражнение“, издававшемся кружком Дашковой и „под ее покровительством“. В „Невинном упражнении“ печатались, между прочим, переводы из Гельвеция, французского буржуазно-радикального писателя, философа-материалиста. Переехав вместе с П. И. Паниным в Петербург, Богданович в 1764 г. перешел на службу в иностранную коллегию (переводчиком); его начальником здесь был Н. И. Панин, собравший вокруг себя целую группу писателей и политических деятелей, своих единомышленников. В 1766—1769 гг. Богданович служил секретарем русского посольства в Саксонии, в Дрездене. Вернувшись в Россию, он продолжал работать в иностранной коллегии у Н. И. Панина, одновременно с Фонвизиным. В течение 1760—1770-х гг. Богданович продолжал и свою литературную деятельность; в 1773 г. он издал сборник своих стихотворений („Лирз“—анонимно), в 1777 г. — „Историческое изображение России“, ч. I. В эпоху пугачевского восстания Богданович не проявил устойчивости в своем поведении. Он пошел на союз с правительством, все более подавлявшим все проявления идейной и социальной независимости в дворянских кругах.

В середине 70-х годов он написал свое центральное произведение, сказочную поэму „Душенька“. „Душенька“ имела значительный успех и надолго стала классическим произведением. Карамзин прославил ее в статье „О Богдановиче и его сочинениях“ (1803); Батюшков весьма высоко ценит „Душеньку“. еще Пушкин с сочувствием говорит о поэме Богдановича.

В период, когда группа дворян-фрондеров приближалась к поражению и когда наиболее стойкие из них организовывали в Москве общественно-пропагандистские предприятия на основе масонства, в 1779 г. Богданович ушел из панинской коллегии иностранных дел и поступил на службу в Герольдию; в 1780 г. он перешел на службу в Государственный архив. С 1775 по 1782 г. он руководил изданием (при Академии Наук) газеты „Санкт-Петербургские Ведомости“; в 1775—1776 г. редактировал журнал „Собрание новостей“.

В 1783—1784 гг. он сотрудничал в журнале Дашковой „Собеседник любителей российского слова“, издававшемся под „покровительством“ Екатерины II. Это было время разгрома панинцев; сам Н. Панин умер в 1783 г. в опале. Именно в это время, как пишет Богданович в автобиографии, он „был склеветан в обществе скопом и заговором недоброжелателей разными образами и оправдан после даже самыми своими гонителями, кои были ко-

варствами обмануты". Богданович стал литературным поставщиком двора. В его автобиографии записано: „В 1786 году в апреле, по именному монаршему повелению сочинил лирическую комедию „Радость Душеньки“, которая удостоена была высочайшей апробации (т. е. одобрения), и в знак монаршего благоволения при сем случае пожалована ему от государыни табакерка, вскоре же потом пожалованы на zapлату долгов деньги. По представлении же комедии на придворном театре, пожалована еще табакерка.

В 1787 г. сочинил драму „Славяне“, которая по поданию оной ее императорскому величеству удостоена нового монаршего благоволения и сочинителю при том пожалован перстень. . . В том же году по именному монаршему повелению сочинил из русских пословиц два театральные представления, кои также удостоены монаршего благоволения. . .“ и т. д. Еще раньше, в 1785 г., Богданович напечатал сборник „Русские пословицы“; пословицы здесь подогнаны под „правильные“ стихотворные размеры, подчищены, приглажены, присочинены, в результате — „народ“, мировоззрение которого якобы должны были отражать пословицы Богдановича, выглядел в книге в высшей степени благонаправленным и покорным; самые пословицы распределены по рубрикам: „Благоверие“; „Ханжество“; „Служба государю“, „Почтение к

вышним“, „Нужная терпеливость“ и т. д. Несмотря на „монаршее поощрение“, ни одно из произведений Богдановича после „Душеньки“ не имело успеха.

В 1788 г. Богданович был назначен председателем Государственного архива.

В 1795 г. он вышел в отставку и вскоре уехал к своим родственникам в гор. Сумы (Харьковской губ.).

В 1798 г. он переехал в Курск и здесь умер в начале 1803 г.

В 1809—1810 гг. вышло „Собрание сочинений и переводов“ Богдановича в шести томах (издание П. Бекетова); в 1812 г. значительная часть тиража этого издания сгорела во время пожара Москвы. В 1816—1818 гг. Бекетов повторил свое издание в четырех томах. В 1848 г. были изданы „Сочинения Богдановича“ (два тома) в серии „Полное собрание сочинений русских авторов“ А. Смирдина. Все эти издания не полны. Свод статей о Богдановиче дан в сборнике С. А. Венгерова „Русская поэзия“ (вып. 3 1893 г. и вып. 5 1895 г.).

ОДА ДУХОВНАЯ

(Дактилическими стихами)

Не стремись добродетель напрасно
Людей от неправды унять;
В них пороки плодятся всечасно,
Нельзя их ничем исправлять.

Справедливость не раз без заплаты
Являла несчастны следы:
Времена, пролетая, крылаты
Влекут и встречают беды.

Упаси, о всевышний содетель,
Покрой в непорочных сердцах
Утесненную злом добродетель,
Всели в беззаконных твой страх.

СТИХИ К КЛИМЕНЕ

Климена, научись чувствительною быть.
Никто не избежал любовной страсти,
И все подвержены любовна бога власти.
Климена, научись любить.
Напрасно ты любовь, не зная, осуждаешь:
Узнала бы своей ты цену красоты,
Когда бы в сердце то почувствовала ты,
Что в прочих возбуждаешь.

СТИХИ, ПОДРАЖЕННЫЕ ИТАЛИАНСКИМ

О! грозная минута!
Прости, драгая Ниса,
Я буду жить в разлуке,
Но как я буду жить?
Всегда в тоске я буду:
Прошли мои забавы,
Прошли... и кто уверит,
Что помнишь ты меня?

С тобою разлучившись,
Я мысли устремляю
Вослед тебе, драгая,
И тем питаю дух.
Везде умом с тобою,
Везде тебя я вижу,
Везде... но кто уверит,
Что помнишь ты меня?

В полях, в лугах и в рощах
Кричу, зову я Нису,
Но лес не отвечает,
Где скрылась Ниса, где?
С зари до темной ночи,
Зову тебя повсюду,
Зову... но кто уверит,
Что помнишь ты меня?

Без пользы обращаюсь
Я к тем местам приятным,
Где был благополучен,
Когда с тобою был.
На что я взор ни вскину,
Я рвусь, тебя лишь вспомя,
Я рвусь... но кто уверит,
Что помнишь ты меня?

На сих берегах зеленых
За малую досаду
Ты прежде рассердилась,
Но сжалилась потом.
Мы вместе здесь ходили,
А здесь лежали вместе,
Ах! здесь... но кто уверит,
Что помнишь ты меня?

А если и узнаю,
Где кроешься ты ныне,
И если вновь представлю
Тебе мою любовь:
За всю любовь и верность,
Могу ль я быть уверен,
Могу ль... и кто уверит,
Что любишь ты меня?

Жалей о мне, коль знаешь
Мои сердечны муки,
Жалей о мне, коль можешь
Ты чувствовать любовь.
Хоть я с тобой расстался,

Люблю тебя в разлуке,
Люблю... но кто уверит,
Что любишь ты меня?

ПЕСНЯ

Пятнадцать мне минуло лет,
Пора теперь мне видеть свет:
В деревне все мои подружки
Разумны стали друг от дружки;
Пора теперь мне видеть свет. 2.

Пригожей все меня зовут:
Мне надобно подумать тут,
Как должно в поле обходиться,
Когда пастух придёт любиться;
Мне надобно подумать тут. 2.

Он скажет: я тебя люблю,
Любовь и я ему явлю,
И те ж ему скажу три слова,
В том нет урона никакого;
Любовь и я ему явлю. 2.

Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов;
Попросит он любви задаток:
Что дать? не знаю я ухваток;
Не знаю я любовных слов. 2.

Дала б ему я посох свой:
Мне посох надобен самой;

И, чтоб зверей остерегаться,
С собачкой мне нельзя расстаться;
Мне посох надобен самой. 2.

В пустой и скучной стороне
Свирелки также нужны мне;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирелки также нужны мне. 2.

Я помню, как была мала,
Пастушка поцелуй дала:
Неужли пастуху в награду,
За прежнюю ему досаду?
Пастушка поцелуй дала. 2.

Какая прибыль от того,
Я в том не вижу ничего:
Не станет верить он обману,
Когда любить его не стану;
Я в том не вижу ничего. 2.

Любовь, владычица сердец,
Как быть, научит наконец;
Любовь своей наградой платит
И даром стрел своих не тратит;
Как быть, научит наконец. 2.

Пастушка говорит тогда:
Пускай пастух придёт сюда;
Чтоб не было убытка стаду,
Я сердце дам ему в награду;
Пускай пастух придёт сюда. 2.

**ОТ ЗРИТЕЛЯ КОМЕДИИ
„НЕДОРОСЛЯ“**

Почтенный Стародум,
Услышав подлый шум,
Где баба непригоже
С ногами лезет к роже,
Ушел скорей домой.
Писатель дорогой!
Прости, я сделал то же.

ПЕСНЯ

Много роз красивых в лете,
Много беленьких лилей,
Много есть красавиц в свете,
Только нет мне, нет милей,
Только нет милей в примете
Милой, дорогой моей.

Если б сам Амур был с нею,
Он ее бы полюбил;
Позабыл бы он Психею
И себя бы позабыл:
Счастлив участью своею,
Век остался бы без крыл.

В ней приятны разговоры,
В ней любезна поступь, вид;
Хоть привлечь не тщится взоры,
Взоры всех она пленит;
Хоть нейдет с другими в споры,
Но везде любовь живет.

ИДИЛЛИЯ

(а кто пожелает, песня)

О! когда б я был пастушка
Вместо участи моей,
Я бы Клоин был подружка,
И всегда играл бы с ней.

О! когда б я был муравка,
Где любезная сидит,
Я бы был счастлива травка,
Та, что ей покой дарит.

О! когда б я был цветочик,
Был бы на ее грудях,
Иль вместился б к ней в веночик
И вплелся бы в волосах.

О! когда б я был овечка,
Я бы с ней всегда гулял,
Без грозы и без словечка,
К ней бы в руки прибегал.

Я люблю, но участь злая,
Участь мой терзает дух;

Кля, Кля дорогая,
Позабудь, что я пастух.

Вобрази, что я цветочик,
Сделай мне счастливый день;
Вобрази, что я кусточик,
И приди ко мне под сень.

СТАНС

Без тебя, Темира,
Скучны все часы,
И в блаженствах мира
Нет нигде красы;
Где утехи рая
Я вкушал с тобой,
Без тебя, драгая,
Полны пустотой.

Я в печали таю,
Время погубя,
Если день кончаю,
Не узря тебя;
День с тобой в разлуке
Крадет жизнь мою:
Без тебя я в муке,
А с тобой в раю.

Если я примечу
Твой ко мне возврат,
Сердце рвется встречу,
Упреждая взгляд.
Придешь -- оживляешь,
Взглянешь — наградишь,
Молвишь — восхищаешь,
Тронешь — жизнь даришь.

ПЕСНЬ ХРАБРОГО ШВЕДСКОГО РЫЦАРЯ ГАРАЛЬДА

(Вольный перевод с французского)

1

По синим по морям на славных
кораблях
Я вокруг Сицилию объехал в малых днях,
Бесстрашно всюду я, куда хотел, пускался;
Я бил и побеждал, кто против мне
встречался.
Не я ли молодец, не я ли удалой?
А девка русская велит мне бресть домой.

2

Я в самой юности, имея храбрый дух,
Дронтеймских жителей гонял, как будто
мух:
Хоть было мало нас, а их гораздо боле,
Король и силы их легли на ратном поле.
Не я ли молодец, и проч.

3

В несчастном плаваньи, в несчастный
самый час,
Когда на корабле шестнадцать было нас,

ПЕСНЯ

У речки птичье стадо
Я с утра стерегла;
Ой Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком лежала
Однешинька млада,
Устала, я, вздремала,
Вздремала от труда.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

Под кустиком уснула,
Глядя по берегам;
За кустик не взглянула,
Не видела, кто там.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

За кустиком таяся,
Иванушка сидел
И тамо, мне дивяся,
Сквозь веточки глядел.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

Он веточки и травки
Тихохонько склонил;
Прокрался сквозь муравки,
Как будто тут он был.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

Почасту ветерочик
Дул платице на мне;
Почасту там кусточик
Колол меня во сне.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

Мне снилося в то время,
Что ястреб налетел
И птенчика от племя
В глазах унести хотел.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

От ястреба поймала
Я птенчика сквозь сон:
Я птенчика прижала,
Прижался также он.
А утки-то кра, кра, кра, кра; *и проч.*

Сон грозной не собылся:
То был лишь сонный страх;
А въяве очутился
Иванушка в руках.
А утки-то кра, кра, кра, кра,
А гуси-то га, га, га, га,
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

ВДИЛЛИЯ

Под тенью дров зеленых,
В приятном размышленьи
Климена вздыхает,
Не видя пастуха.
„Ах! если б не ходила
К пастушьему я стаду;
Ах, если б не видала
Того, кто так мне мил;
Жила бы я в покое,
И сердце б не терзалось,
Пылая от любви“.
В то время как Климена
Те речи говорила,
Пастух, в кустах сокрывшись,
Те жалобы внимал.
„Не жалуйся, Климена. —
Пастух ей отвечает, —
Коль я твою свободу
Невинно мог украсть,
То я владел не даром
Свободою твоею,
Даю тебе в придачу
Свободу и любовь“.

ДУШЕНЬКА

ДРЕВНЯЯ ПОВЕСТЬ В ВОЛЬНЫХ СТИХАХ

(Отрывки)

1

Амур, простря свой властный взор,
Подвигнул весь Нептунов двор.
Узря Венеру, резвы волны
Текут за ней весельем полны.
Тритонов водяной народ
Выходит к ней из бездны вод;
Иной вокруг ее ныряет
И дерзки волны усмиряет;
Другой, крутясь во глубине,
Сбирает жемчуги на дне,
И все сокровища из моря
Ташит повергнуть ей к стопам
Иной, с чудовищами споря,
Претит касаться сим местам;
Другой, на козлы сев проворно,
Со встречными бранится вздорно,
Раздаться в стороны велит,
Вожжами гордо шевелит,
От камней дале путь свой правит
И дерзостных чудовищ давит.
Иной, с трезубчатым жезлом,

На ките впереди верхом,
Гоня далече всех с дороги,
Вокруг кидает взоры строги
И, чтобы всяк то ведать мог,
В коральный громко трубит рог;
Другой, из краев самых дальних,
Успев приплыть к богине сей,
Несет отломок гор хрустальных
На место зеркала пред ней.
Сей вид приятность обновляет
И радость на ее челе.
„О, если б вид сей, — он вещает, —
Остался вечно в хрустале!“
Но тщетно то Тритон желает;
Исчезнет сей призрак как сон,
Останется один лишь камень,
А в сердце лишь несчастный пламень,
Которым втуне тлеет он.
Иной, пристав к богине в свиту,
От солнца ставит ей защиту
И прохлаждает жаркий луч,
Пуская кверху водный ключ.
Сирены, сладкие певицы,
Меж тем поют стихи ей в честь,
Мешают с быльми небылицы,
Ее стараясь превознестъ.
Иные перед нею пляшут,
Другие во услугах тут,
Предупреждая всякий труд,
Богиню опахалом машут;
Другие ж, на струях несясь,
Пышат в трудах по почте скорой
И от лугов, любимых Флорой,

Подносят ей цветочну вязь.
Сама Фетида их послала
Для малых и больших услуг,
И только для себя желала,
Чтоб дома был ее супруг.
В благоприятнейшей погоде
Не смеют бури там пристать,
Одни Зефиры лишь в свободе
Венеру смеют лобызать.
Чудесным действием в то время,
Как в веяньи пшенично семя,
Летят обратно беглецы,
Зефиры, древни наглецы:
Иной власы ее взвевает,
Меж тем, открыв прелестну грудь,
Перестает на время дуть,
Власы с досадою опускает
И, с ними спутавшись, летит.
Другой, неведомым языком,
Со вздохами и нежным криком
Любовь ей на ухо свистит.
Иной, пытаясь без надежды
Сорвать покров других красот,
В сердцах вертит ее одежды
И падает без сил средь вод.
Другой в уста и в очи дует
И их украдкою целует.
Гонясь за нею, волны там
Толкают в ревности друг друга,
Чтоб, вырвавшись скорей из круга,
Смиренно пасть к ее ногам;
И все в усердии Венеру
Желают провожать в Цитеру.

Не в долгом времени Зефир ее вознес
 К неизвестному ей селению небес,
 Поставил средь двора и вдруг оттоль исчез.
 Какая Душеньке явилась тьма чудес!
 Сквозь рощу миртовых и пальмовых деревьев
 Великолепные представились чертоги,
 Блестящие среди бесчисленных огней,
 И всюду розами усыпанны дороги;
 Но розы бледный вид являют перед ней,
 И с неким чувствием ее лобзают ноги.
 Порфирные врата, с лица и со сторон,
 Сафирные столпы, из яхонта балкон,
 Златые куполы и стены изумрудны,
 Простому смертному должны казаться

чудны;

Единым лишь богам сии дела не трудны.
 Таков открылся путь, читатель, примечай,
 Для Душеньки, когда из мрачайшей

пустыни

Она, во образе летящей вверх богини,
 Нечаянно взнеслась в прекрасный некий рай.
 В надежде на богов, бодряся их признаком,

Едва она ступила раз,

Бегут навстречу к ней тотчас

Из дому сорок Нимф в наряде одинаком;
 Они старались приход ее стеречь;
 И старшая из них, с пренизким ей поклоном,
 От имени подруг, почтительнейшим тоном
 Сказала должную приветственную речь.

Лесные жители, своим огромным хором

Потом пропели раза два,

Какие слышали похвалны ей слова,
И к ней служить летят Амуры всем собором
Царевна ласково на каждую ей честь
Ответствовала всем то знаком, то словами.
Зефиры, в тесноте толкаясь головами,
Хотели в дом ее привести или принести;
Но Душенька им тут велела быть в покое,
И к дому шла сама, среди различных слуг,
И Смехов и Утех, летающих вокруг.

Читатель так видая стремливость в пчельном
роде,
Когда юничный род, оставя старых пчел,
Кружится, резвится, журчит и вдаль летает,
Но за царицею, котору почитает,
Смирятся, летит на новый свой удел.

Царевна, посреди сих почестей отменных,
Не знала, дух ли был, иль просто человек
Обещанный супруг, властитель мест

блаженных,
Которого пред сим Зефир, в словах
смятенных,

Отчасти предвестил, но прямо не нарек.
Вступая в дом, она супруга зреть желала,
И много раз о нем служащих вопрошала;
Но вся сия толпа, котора с нею шла,
Или вокруг летала,

Уведомить ее подробней не могла,
И Душенька о том в незнании была.
Меж тем прошла она крыльцовые ступени,
И введена была в пространнейшие сени,
Отколь во все края, сквозь множество

дверей

Открылся перед ней
Прекрасный вид аллей
И рощей и полей;

И более потом, высокие балконы
Открыли царство там и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды
И чудные сады.

Оттуда сорок Нимф вели ее в чертоги,
Какие созидать удобны только боги,
И тамо Душеньку, к прохладе от дороги,
В готовую для ней купальню привели.

Амуры ей росы чистейшей принесли,
Котору, вместо вод, повсюду собирали.

Зефиры воздух там дыханьем согревали,
Из разных аромат вздували пузыри,

И благовонные устраивали мыла,
Какими моются восточные цари,
И коих ведома бодрительная сила.

Царевна в оный час, хотя и со стыдом,
Со спором и трудом,

Как водится притом,

Взирая на обновы,

Какие были там на выбор ей готовы,
Дозволила сложить с красот своих

покровы.

Полки различных слуг, пред тем отдав

поклон,

Без вздохов не могли оттуда выйти вон,
И даже за дверьми, не быв тогда в услуге,
Охотно след ее лобзали на досуге.

Зефиры лишь одни, имея вход везде,

Зефиры хищные, затем что ростом мелки,
У окон и дверей нашли малейши щелки,

Прокрались между Нимф и спрятались
в воде,

Где Душенька купалась.

Она пред ними там во всей красе являлась,
Иль паче, им касалась;
Но Душенька о том никак не догадалась.

Зефиры, коих я пресчастливыми чту,
Вы, кои видели царевны красоту;
Зефиры! вы меня как должно научите
Сказать читателям, иль сами вы скажите
И части, и черты,
И все приятности царевнины подробно,
Которых мне пером представить неудобно;
Вы видели тогда не сон и не мечты...
Но здесь молчите вы... молчанье разумею.
К изображению божественных даров
Потребен вам и мне особый дар богов;
Я здесь красот ее описывать не смею.

Царевна, вышедши из бани наконец,
Со удовольствием раскидывала взгляды
На выбранны для ней и платья и наряды,
И некакий венец.
Ее одели там, как царскую особу,
В богатейшую робу.
Не трудно разуметь, что для ее услуг
Горстями сыпались каменья и жемчуг,
И всяки редкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила;
Иль Душенька тогда лишь только что
помнила,
Желаемая вещь пред ней являлась вдруг.

Пленяясь своим прекраснейшим нарядом,
Желает ли она смотреться в зеркала?
Они рождаются ее единым взглядом,
И по стенам пред ней стоят великим рядом,
Дабы краса ее удвоена была.
Увидев там себя, лицом, плечом и задом,
От головы до ног,
Легко могла судить царевна на досуге
О будущем супруге,
Что он, как видно, был гораздо не убог.
Меж тем к ее услуге
В особой комнате явился стол готов.
Приборы для стола и ествы и напитки
И сласти всех родов,
Являли там вещей довольство и избытки:
Не менее и то, что только для богов,
В роскошнейшем жилище,
Могло служить к их пище,
Стояло перед ней во множестве рядов.
Иной вкусив, она печали забывала,
Другая ей красот и силы придавала.
Амуры, бегая усердие явить,
Хозяйски должности старались разделить.
Иной во кравчих был, другой носил
посуду,
Иной уставливал, и всяк совался всюду;
И тот считал себе за превысоку честь,
Кому из рук своих домова их богиня
Полрюмки нектару изволила поднести,
И многие пред ней стояли, рот разиня:
Хотя Амуры в том,
По правде, жадными отнюдь не почитались
И боле, нежели вином,

Царевны зрением в то время услаждались.
Меж тем над ней с верхов,
В чертогах бесчелальных,
Раздался сладкий звук орудий музыкальных
И песен ей похвальных,
Какие мог творить лишь только бог стихов.
Вначале райские певицы
Воспели красоту сей новой их царицы.
Читатель знает сам, приятна ль ей была

Такая похвала:

Но, впрочем, Душенька решить не возмогла,
Приятство ль голосов, достоинство ль

скрипицы,

Согласие ли арф, иль флейту предпочесть,
В искусстве все они имели равну честь,
И все исполнены единым были духом,

Чтоб Душенька в раю

Познала часть свою

Прикосновением, устами, оком, слухом.

Коль можно почитать за правду все слова,

У греков есть молва,

Что будто бы к сему торжественному хору

Нарочно сысканы Орфей и Амфион,

И будто, в Душеньку влюбясь по разбору,

Играл и правил там оркестром Аполлон.

Впоследствии хор певиц, протяжистым

манером,

С приличным некаким размером,

Воспел стихи, возвысив тон,

Толико медянно, толико слуху внятно,

И их сложение пленяло толь приятно,

Что Душенька легко слова переняла,

Легко упомянуть их могла
И скоро затвердила,
И по всему двору впоследствии распустила.
Потом нескромные Зефиры разнесли
Стихи сии оттоль по всем концам земли;
Потом же таковы и к нам они дошли.

„Любови все сердца причастны,
И сами боги ей подвластны.
Познай ты, Душенька, любовь,
И счастье познаешь вновь“.

Трикратно песня та пред Душенькой
пропета,
И пели, наконец, царевне многа лета.
Потом одна из Нимф явилась доложить,
Что время ей уже в постеле опочить.
При слове опочить царевна покраснела,
И как невеста обробела,
Однако спорить не хотела.
Раздета Душенька; ведут ее в чертог,
И там, как надобно, к покою от дорог,
Кладут ее в постель на некоем престоле
И, поклонившись ей, уходят все оттоле.
Незнаемо отколь тогда явился вдруг
В невидимом лице неведомый супруг.
А если спросят, как невидимый явился?
Не трудно отвечать: явился он впотьмах,
И был в объятиях, но не был он в очах;
Как дух, или колдун, он был, но не открылся.

Никто не смел раскрыть завесу дел ночных.
Не знаю, что они друг с другом говорили,

Ни околичностей, притом какие были;
Навеки тайна та осталась между их.
Но только поутру заметили Амуры,
Что Нимфы меж собой смеялись под

тишком,

И гостя, будучи стыдлива от природы,
Казалась между их с завешенным ушком.

М. ПОПОВ

Год рождения Михаила Ивановича Попова неизвестен. Год смерти его устанавливается приблизительно: около 1790 г.

Происходя из социальных „низов“, Попов испытал в молодости всю тяжесть бедности и лишений. Сначала он был „придворным комедиантом“, затем, в конце 1760-х гг., поступил в академический университет и тогда же, в 1767 г., в чине коллежского регистратора был принят на канцелярскую службу секретарем в Комиссию сочинения проекта нового уложения.

Служа в театре, Попов подружился с актером и писателем М. Д. Чулковым и в 1769 г. стал сотрудником его журнала „И то и сѣ“. В 1765 г. Академия наук напечатала первые переводы Попова — двух комедий: „Недоверчивый“ и „Девкалион и Пирра“. В том же году Академия издала сборник тринадцати песен Попова; другое дополненное издание вышло в 1768 г.

Первыми поэтическими опытами М. Попова заинтересовался Н. И. Новиков при начале своей книгоиздательской деятельности. В 1766 г. Новиков напечатал в академической типографии перевод Попова

с французского: „Две повести: Аристоноевы приключения и рождение людей Промифеевых“. За этим последовали издания многих других переводных трудов Попова, особенно в 1770-х и 1780-х гг., когда он сотрудничал в организованном (в 1773 г.) Новиковым „Обществе, старающемся о напечатании книг“. Особенно известен перевод Попова поэмы Тассо „Освобожденный Иерусалим“ (2 ч., Пб., 1772; 2-е изд., М., 1787).

Попов принял участие и в сатирических журналах Новикова „Трутень“ (1769) и „Живописец“ (1772), поместив в них стихотворные и прозаические сатирические сочинения антидворянского направления (Попову можно приписать авторство „Писем к Фалалею“ в „Живописце“).

Литературную известность М. Попов приобрел, главным образом, „любовными песнями“, комической оперой „Анюта“, поставленной впервые на придворной сцене в 1772 г., и книгой „Славенские древности или приключения славенских князей“ (3 ч., Пб., 1770—1771; 2-е изд., 1778 г.; 3-е изд., М., 1793).

22 песни и „Анюта“ составили главное содержание первого и единственного собрания сочинений и переводов М. Попова, изданного в двух частях в 1772 г. под заглавием: „Досуги, или собрание сочинений и переводов Михайла Попова“ (Пб., при Академии наук).

Помимо „любовных песен“ и комической оперы „Анюта“, в первой части „Досугов“ Попов напечатал стихотворное „вступление“ „похвальные стихи“, надписи, надгробия, сонет, мадригал, эпиграммы, загадки, две притчи, басню „Пень“, стихотворения „Ерот победитель“, „Ир“, „Приписание песен и элегий прекрасному полу“, три элегии, комедию „Отгадай и не скажу“, „Краткое описание древнего славянского языческого баснословия“ (первоначально это сочинение было напечатано отдельно в 1768 г.; о нем сам автор заметил, что оно сделано „больше для стихотворцев, нежели для историков“) и перевод первых двух песен из дидактической поэмы Дорá о театральной декламации; во второй части „Досугов“ помещены три переводные комедии: „Немой“, „Бурлин — слуга, отец и тесть“ и „Придворный комедиант“. В предисловии Попов между прочим говорит, что он „старался более подражать, нежели переводить“, „соображая со нравами и обыкновениями нашими“, „назидаая инде своим“ (т. е. своим соотечественникам).

В притче „Два вора“ и в комической опере „Анюта“ выразилось антидворянское настроение Попова, а в любовных песнях (в них видны все же следы сумароковской школы) и в той же „Анютe“ — его интерес к народной поэзии, который сказался также и в собирании им народных песен. В 1770—1774 гг. Попов сотрудничал с М. Чулковым при издании им собрания народных песен;

в 1792 г. вышла „Российская Эрата, или выбор наилучших новейших российских песен. Собрал и частью сочинил Мих. Попов“ (3 чч.).

Наряду с М. Чулковым, Ф. Эминым и др. М. И. Попов представляет буржуазную линию русской литературы второй половины XVIII века.

Единственное собрание сочинений М. И. Попова — „Досуги“, ч. 1 и 2, Пб., 1772. Важнейшие данные о жизни и творчестве М. И. Попова сообщены в исследованиях В. П. Семенникова: „Собрание, стараящееся о переводе иностранных книг“, Пб., 1913; „Русские сатирические журналы 1769—1774 гг.“, Пб., 1914; „Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II“, П., 1915 (Все три исследования — в приложениях к журналу „Русский библиофил“ за 1913 и 1914 гг.).

ДВА ВОРА

Притча

Что есть во свете воры,
О том не входят в споры;
Но только что они покроем не одним:
Иные в золоте и титлами надуты,
Другие в серяках и с именем простым;
Одни политики, другие просто плуты.
О двух таких ворах я басенку скажу,
И перво в них мое искусство покажу.

    Был вор простой
И хаживал всегда пешком и в серяке;
Доходы он собирал не в городе, не в съезжей.
    А на дороге на проезжей.

    Другой
Чиновный был, и тьмы имел он в сундуке
    Червонцев и рублей,
Которые собирал с невинного народа.
Поверье едако или такая мода
Есть у бессовестных подьячих и судей.
    Но, наконец, попались оба,
    В приказ:
    Обоим строг указ;
Обоим кнут грозит отверсти двери гроба.
Судьи калякают: „Не столько лих большой“ —
    И оправляют вора;

Подьячи говорят: „Не столько лих
меньшой“ —

И оправляют вора;

Обеим сторонам указы правота.

Читатель! будь хоть ты решителем их

спора,

Скажи нам, кто из них достойнее кнута?

Любовные песни

1

Под тению древесной,
Меж роз, растущих вокруг,
С пастушкой прелестной
Сидел молодой пастух;
Не солнца укрываясь
Он с ней туда зашел,
Любовью утомляясь,
Открыть ей то хотел.

Меж тем где не взялись
Две бабочки сцепясь,
Вкруг роз и их вились,
Друг за другом гонясь:
Потом одна взлетела
К пастушке на висок,
Ища подругу, села
Другая на кусток.

Пастух, на них взирая,
К их счастью ревновал,
И оным подражая,
Пастушку щекотал,
Все ставя то в игрушки,
За шею и бока;

Как будто бы с пастушки
Сгонял он мотылька.

„Ах! станем подражати,—
Сказал он,— свет мой, им,
И резвость соединяти
С гулянием своим;
И, бегая лесочком,
Чете подобясь сей,
Я буду мотылечком,
Ты бабочкой моей“.

Пастушка улыбалась,
Пастух ее лобзал;
Он млея, она смущалась,
В обоих жар пылал;
Потом вскоча помчались,
Как легки ветерки:
Сцеплялися, свивались,
И стали мотыльки.

Ты, несчастный добрый молодец,
Бесталанная головушка!
Со малых ты дней в несчастье взрос,
Со младых лет горе мыкать стал.
В колыбеле родной матери,
Пяти лет отстал мила отца;
Во слезах прошел твой красный век,
Во стенанье молодых лета.

Ты, зазноба, ты, зазнобушка,
Ты, прилука молодецкая,
Красна девица, отецка дочь!
Твои очи соколиные,
Твои брови соболиные,
Руса коса красота твоя,
Приманили к тебе молодца,
Прилучили горемышнова.

В красоте твоей девической,
В твоей младости и разуме
Чаял он сыскать отца и мать,
Он увидеть род и племя всё,
Он надеялся размыкати
На устах твоих тоску и грусть:

Во очах твоих надеялся
Потопить свое несчастье.

Ах! как ягоде калинушке
Не бывать вовек малинушкой,
Не жить так горемышному
Век во счастье и во радости.
Красна девица скончалася;
Полюбити отказалася
Горемыку добра молодца,
Сиротину бесталаннова.

Ты несчастье, ты безгодье зло!
До чего тебе замыкати
Сиротинушку-детинушку,
Бесталанна, горемышнова!
Уж ни в чем ему удачи нет,
Ни талану на белом свете:
Знать, талан его скрывается
В четырех досках в сырой земле.

Не голубушка в чистом поле воркует,
 Не вечерняя заря луга смочила;
 Молода жена во тереме тоскует,
 Красоту свою слезами помрачила,
 Непрестанно вспоминая мила друга,
 Молодого, друга милого, супруга.

Ты надѣжа, ты надѣжа, друг сердешной!
 Она вопит тут, и плача и вздыхая,
 Во жестокой своей грусти, неутешной:
 Мое сердце не змея сбсет лихая,
 Не отравя горемышну иссушает,
 Со тобой, мой свет, разлука сокрушает.

Не постылова с тобой я отпустила,
 Не лихого, не сварлива провожала,
 Провожаючи рвалася я, не льстила,
 Не обманом слезы горьки проливала:
 Свет очей моих пустила я с тобою,
 Жизнь и смерть мою с твоею головою.

Не неволей ведь меня тебе вручали,
 Ум и разум твой меня тебе вручили.
 И не силой нас с тобою обручали,

Дружба наша и любовь нас обручили;
И совет наш увенчали не обеты,
Увенчали твои ласковы приветы.

Погадай же, мой сердешный друг, подумай.
Какова теперь печаль моя, надсада!
Вспомяни о мне, надежда моя, вздумай,
Что жена твоя и жизни уж не рада;
Что тобою я одним спокойство рушу:
Привези ко мне обратно мою душу.

ИЗ КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ

„АНЮТА“

1

Мирон один, после того как нарубил дров

Ух! как жо я устал,
А дров ощо не склал.
Охти, охти, хресьяне!
Зачем вы не дворяне?
Вы сахар бы зобали
Так словно бы как лёд,
И пили бы вы мёд,
Да деньги огрёбали
Из рода в род и род;
Лёжали б на печи
Да ели колачи;
Про вас бы роботали,
А вы бы лишь мотали.

А нашой так бёды не подымёт грудь!
Запеть жо мне топерь от грусти што нибудь.

*Боярская зобота:
Пить, есь, гулять и спать;
И вся их в том робота,
Штоб деньги обирать.*

*Мужик, сушишь, крушишь,
Потей и роботай:
И после хош взбесися,
А денешки давай.*

Вот наша жизнь какая,
Проклятая! благая!
Да быть жо ин уж так,
Как нам пометил дьяк.
Не в петлю жо ведь лести,
Што нечово нам ести;
А лучше погадать,
Как век докоротать.
Топерь один с жоною
Живу я сотоною;
Нет мочи ни орать,
Ни хлеба собирать.
Одна подмога Аша,
И та не наша:

Служанка к нам её робёнком привёсла,
А где её взяла,
Про то нам не сказала;
И, брося сто рублей, сама от нас пропала.
Я деньги иссорил;
Робёнка воспоил
И воскормил;
И, дав ей имё Ашой,
Я назвал дочью нашей.
Она топерь и чаёт,
Што я родил ёну;
И матушкою величаёт
Мою жону.

А нам и на руку: Филатко наш батрак

Охотитца на ней женитца:
И сделаю так;
А он вѣтъ не дурак,
Так мне скорей с ним лъзя
розжитца;
А у хресьянина чем болѣе детей,
Тем болѣе людей;
А с ними жнива
И пива,
И сена, и овец, и дров, и лошадей.

2

Мирон поет:

Мы не так, как горожане,
Кои на дары богаты,
На посулы тороваты,
На приветы кудрѣваты,
Да на дачу туповаты.

Инак мы живѣм хресьяне;
Хоша баѣм не пригожо,
Да сулим друзьям што схожо;
На словах у нас што тожо,
И на деле будѣт тожо.

Филат поет:

Сам я тожо баю, дядя:
Горожанин, руки глядя,
На чужую мошну глядя,
Скалит зубы, речи ладя:

Ум в приветы опускаёт,
Вечну дружбу возвещает,
Вечну службу обещает,
Как кошолку вылещает;

А как мощну лишь достанёт
Он толды и не вспомянёт.
В мире ль ты или в гробу.

Я ж в приветы не мешаюсь,
А роботать обещаюсь,
Сколько станёт сил в горбу.

3

Мирон к Аняте и Филату:

Ну, а вы покаместь здесь
С дровами убирайтёсь;
А уж меня день етот весь
К себе не дожидаетёсь.

Роботайтё, робята,
Секирой и сохой:
Здесь жизнь хош трудновата,
Да лучче городской;

Там всякому поклоны,
Кому ни попадись:
Толчки без обороны
Примай там, не ленись;

Там всем над нами воля,
И все с нас тянут сбор;

А здесь нам вся неволя —
Боярской только двор.

4

Анюта одна

Вот за какова пня хотят меня отдать!
Какой мне от него себе утечи ждать?
На что польститься в нем? Ни роста, ни
дородства,
Ни разума в нем нет, ни склада, ни
пригожства.
Возможно ль на глазах кому его терпеть?
Возможно ль, быв за ним, с тоски не
умереть!

Ах, Виктор! если б я с тобою не спозналась,
Не так бы я терзалась:

Не проводила бы в слезах я темну ночь;
Крестьянска бывши дочь,
За мужа б вышла я подобного мне рода:
И только б думала, что вышла за уroda,
И век свой с ним должна в печалях зреть
себя

И плакать; а теперь, увидевши тебя,
Я стала не своя. Мне все перед тобою
Крестьяна кажутся невежливой толпою.
Ты статен, ты умен, богат и дворянин;
Возможет ли с тобой равняться селянин?
Ты мне и во твоём прелестнее всех роде:
Мне мнится, нет тебя милей во всем народе!
Возможно ль, любя тебя, влюбиться
вновь?

И как мне позабыть к себе твою любовь!

Поэт:

Я жива скорей не буду
Все мученья претерплю,
Нежели тебя забуду
И другого люблю.

Пусть и ты меня забудешь,
Не забуду друга я:
Хоть и ты моим не будешь,
Я остануся твоя.

М. ПЕТРОВ

Василий Петрович Петров (по отцу его фамилия — Пospelов) родился в 1736 г. Сын бедного московского священника, он получил образование в Московской духовной академии, проявив большие лингвистические и ораторские способности, а также значительную независимость и самостоятельность. По окончании в 1760 г. Академии Петров был оставлен в этом учебном заведении в качестве преподавателя риторики, пиитики и греческого языка. Повидимому, в студенческие годы и на первых порах своей преподавательской деятельности Петров писал стихи — явление, обычное среди преподавателей риторики и пиитики в духовных школах XVIII в. Очевидно, этим обстоятельством и объясняется то, что в 1766 г. один из школьных товарищей Петрова предложил ему написать стихи на устроенную по мысли Екатерины „рыцарскую карусель“. Написанная Петровым „Ода на карусель“ произвела сильное, но неодинаковое впечатление в дворянских литературных и общественных кругах. Сама Екатерина, двор ее и высшая знать отнес-

лись очень благосклонно к Петрову. В нем видели достаточно крупную поэтическую фигуру, способную противостоять дворянской литературной фронде с ее вождями Сумароковым и Херасковым. Наоборот, этот круг встретил выступление, а затем и дальнейшую деятельность Петрова враждебно.

Писатели из группы Сумарокова (А. Волков, Херасков) в своих обзорах истории русской литературы, писанных в те же годы, обходят Петрова молчанием, как бы демонстративно игнорируя „нового Ломоносова“.

Несмотря на враждебное отношение к себе литературных кругов, Петров продолжает энергично действовать на поэтическом поприще, откликаясь на важнейшие внутренние и внешние политические события, например, созыв комиссии по сочинению Нового Уложения, на военные действия с турками, на открытие губерний и т. д.

Петров становится официозным истолкователем правительственных мероприятий. Его оды наполнены злободневными и историческими откликами, написаны усложненным стилем церковного оратора и преподавателя пиитики и риторики, с особенной любовью культивирующего затейливую игру мифологическими намеками. Свой взгляд на задачи поэзии, диаметрально противоположный взглядам Сумарокова, Петров выразил в такой форме:

Между стихами од нет лучше да поэм,
Затем, что род сей полн гадательных
эмблем...

[Здесь] Всё ероглифика да всё аллегория...
Пиит ни тычки вон¹ египетской мудрец:
Задачи он дает, реши, хоть лопни чтец.

Петров, в отличие от дворянских поэтов-дилетантов, — ученый разночинец, обслуживавший новую знать екатерининского царствования, поэт для придворных. Это роднило его с Ломоносовым. Но у Петрова была в большей мере развита словесная и звуковая живопись, чем у Ломоносова.

Литературная деятельность Петрова послужила отправной точкой для его служебной карьеры. Уже первая ода Петрова обратила на него внимание Екатерины, „пожаловавшей“ ему золотую табакерку с 200 червонцами и присвоившей ему право носить шпагу как дворянину. Затем в 1768 г. он был вызван из Москвы ко двору Екатерины в качестве переводчика и чтеца императрицы. Здесь он оставался до 1772 г., когда ему удалось осуществить свое давнишнее желание: отправиться в Англию для довершения образования. Двухлетнее пребывание в Лондоне наложило известный отпечаток на творчество Петрова; он не только переводит английских поэтов, в том числе три песни „Потерянного рая“ Джона Мильтона, но и сам начинает

¹ Ни тычки вон — точь в точь.

писать послания в духе английского поэта Александра Попа (ср. „Послание к доктору Арбутноту“ последнего и „К . . . из Лондона“ Петрова).

В 1774 г. Петров, по распоряжению Екатерины, покинул Лондон и, совершив путешествие по Франции, Италии и Германии, возвратился в Петербург, где был назначен библиотекарем императрицы. Прослужив в этой должности до 1780 г., Петров особенно сблизился в эти годы с всемогущим тогда князем Потемкиным, проявившим интерес к литературной деятельности поэта. Выйдя в отставку и поселившись в своей деревне, Петров фактически ушел из литературы. Умер Петров в 1799 г.

Большая часть произведений Петрова, в том числе и переведенная им „Энеида“ Виргилия (1769—1770), была напечатана отдельно. Некоторые из них вошли в изданные им в 1782 г. „Сочинения В. Петрова. Часть Первая“. В 1811 г., после смерти Петрова, вдова его выпустила трехтомное собрание сочинений поэта, неполное и не исправное. Оно, без изменений и с большим числом искажающих смысл опечаток, было перепечатано в „Русской поэзии“ С. А. Венгерова.

ОДА НА БАРУСЕЛЬ

Молчите, звучны плесков грома,
Пиндара слышные в устах;
Под прахом горды ипподромы,
От коих Тибр стонал в брегах,
До облак восходили клики,
Коль вы пред оным не велики,
Кой нам открыт в прекрасный век
Екатериной державы,
Когда питомец вечной славы
Геройства Росс на подвиг тек!

Я слышу странный шум музыки!
То слух мой нежит и живит.
Я разных зрю народов лики!
То взор мой тешит и дивит.
Во славе древняя Россия,
Рим, Индия, и Византия
Являют оку рай отрад!
Стояща одазь зависть рдится,
Смотря на зрелище чудится,
Забывшись свой воздержит яд.

Отверз Плутон сокровищ недр;
Подземный свет вдруг выник весь;

Натура что родит всещедрa,
Красот ее предстала смесь.
Сафиры, алманты блещут,
Рубин с смарагдом искры мещут
И поражают взор очей.
Низвед зеницы, Феб дивится,
Что в зеркалах несчетных зрится,
30 И умножает свет лучей.

Драгим убором покровенны
Летят быстрее стрел кони;
Бразды их пеной умовенны,
Сверкают из ноздрей огни.
Крутятся, топают бурливы,
По ветру долги веют гривы;
Копыта мещут вихрем персть.
На них подвижники избранны,
Теча в стези песком устланны,
40 Стремятся чести храм отверсть.

В присутствии самой Минервы,
Талантов зрящей их на блеск,
Все рвутся быть искусством первы,
Снискать ее, верх счастья, плеск.
Безмерной славы нудим жаждой,
Все силы напрягает каждый
Свой подвиг счастливо протечь.
Коль всадник сей удал, поспешен!
Коль оный волен и успешен!
50 Коль быстр того взор, мышца, меч!

Но кие красоты блистают
С великолепных колесниц,
Которы поле пролетают
Живей Дианиных стрелиц?
Не храбрые ль Спартакски девы,
Презрев ужасны вепрей зевы,
Сложились гнати их по мхам?
Природные Российски дщери,
В дозволенны вшел чести двери,
Пряяти тщатся лавр мужам.

- 60 В шуму, в стремительном полете,
Сверкая зрящих в очеса,
Пока приближатся ко мете,
Колики деют чудеса!
Геройству должной алча дани,
Как бурны изгибают длани
На разный опыт жарких душ!
Сколь каждая зрится благозрачна,
Столь в подвиге смела, удачна;
70 Убранством дева, духом муж.

- Шум зрелища услышав, рада,
Пентесилей горда тень
Встает, с копьем в руке, из ада;
Рок паки дал ей видеть день.
Зря пола мужество прекрасна.
Стоит недвижима, безгласна,
Во исступлении ума.
Геройством снова вся пылает,
И, если б было лъзя, желает,
80 Тещи во подвиге сама.

По сем, „Цвела б поныне Троя,—
Прервав молчание, рекла,—
Когда б, сего прекрасна строя
Я вождь, ей в помощь притекла.
От рук бы наших пали Греки,
И я б, сгустив их кровью реки,
Во лучших лаврах умерла.
Почто я дев не общна лику?
Почто смерть тень мою велику
90 Толь рано в аде заперла?“

Промолвя тако, Амазонка
Ниспала паки в ада тьму,
И речь ее, доселе звонка,
Исчезла зрелища в шуму.
Там рыцари взаим пылают,
И жар за жаром иссылают,
Крутят коней, звучат броньми;
Во рвении, в пыли и поте,
В незнающей устать охоте
300 Сверкают златом и мечьми.

Герой, Славян во блеск одеян,
Мой како дух к себе влечет!
Коль бодр и чуден вождь Индеян!
Коль славно подвиг свой течет!
Но как мя витязь изумляет,
Кой грозным видом представляет
Пустынного изгнанца плод!
Взглянув на мужество такое
Себя б самого в сем герое,
310 Затрясса чалмоносцев род.

А в оном, кой летит под шлемом,
Вожди те явны и вдали,
Которы Ромула со Ремом
Своими праотцами чли.
Его десница скородвижна,
Почти виденью непостижна,
Со взмахами ссекает вдруг!
Камилл, во злоключеньи Рима
Стена врагам необорима,
120 Таков имел и взор и дух.

Таков был Декий, кой в средину
Врагов ярящихся вскочил,
И сына ту ж вкусить судьбину
Своим примером научил.
В Маркелле таково проворство,
Когда держал единоборство,
Как Галл под ним ревел пронзен.
Так всяк спешит себя прославить,
Разить медведей, гидр безглавить,
130 И быти лавром увязен.

Во изумлении глубоком
Театр подвижничей я зрю,
Бегущих провожая оком,
Я разными страстьми горю.
То сердце бьется мне от страху,
Чтоб сей герой, теча сразмаху,
Чем не был в беге преткновен;
То вдруг, лишь он мечом заблещет,
Его успеху совосплещет.
140 Чужим я счастьем оживлен.

Но что не слышен топот боле;
Утих геройских жар сердец?
И для кого пространно поле
Осталось праздно наконец?
Еще не кончилась потеха;
Еще отведати успеха
В несмешной с прочими красе
Со Римлянином Турк исходит.
Их та же снова честь предводит.
150 Два выступили; смотрят все.

Предлоги общия беседы
К себе усердья всех влекут.
Кому из них желать победы?
Свой оба славно путь текут.
У обоих кони послушны,
Как вихри движутся воздушны,
Неся их быстро к мете хвал.
Одежда, поступь их особа,
Но жаром одинаки оба,
160 И Римлянин и Турк удал.

Орел, когда, томимый голодом,
Шумя на воздухе парит,
Узревый птиц, летящих стадом,
Разит, постигнуть их горит;
И вдруг, пусясь полетом встречным,
И крыл движеньем быстротечным,
Уже за ними гонит близ,
И алчну челюсть раздвигая
И остры кости протягая,
170 Кружит по ним и вверх и вниз.

Подобный здесь царю пернатых,
Полет в героях вижу двух,
Желанием хвалы объятых;
То мзда подвижничьих заслуг.
Сияя видом благородным,
Являют очесам народным
Соперничество и родство.
Боя коней ко бегу нудят,
Весь жар сердец, все силы будят
180 Взять друг над другом торжество.

Так быстро воины Петровы
Скакали в Марсовых полях,
Такие в них сердца орловы,
Таков был чел и дланей взмах;
И крепки мышцы, легки члены,
Рожденные пленити плены:
Когда в жару кровавых сеч
Летали молнией по строю,
И безошибочной рукою
190 Сжинали главы с вражьих плеч.

Умолкли труб воинских звуки,
И потный конь пресек свой скок;
Спокоились геройски руки,
Лишь мутный кажет след песок.
Он пылью весь покрыт густою,
Как поле в летню ночь росою,
Как налегает пар воде.
Уже течение скончали,
Уж новой славой воссияли
200 Герои храбры по труде.

Не столь сияют в небе звезды,
Не красен столь зари восход,
Ни Римлян в град преславны въезды,
Побед гремящих лестный плод,
Вовеки тако не блистали,
Коль красны Россы днесь предстали.
Вожди в уборах там своих
Везлися лавром украшенны;
Здесь девы, потом орошенны,
210 Не бесконечно ль краше их?

И се подвижнейших героев
И дев победоносный хор
В чертог вожди приемлют воев,
Судей ценителей собор.
Там муж, украшен сединою,
Той лавры раздает рукою,
Из коей в бравях гром метал.
Луна от стрел его мрачилась,
Когда на Россов ополчилась,
220 И Понт волн черных встрепетал.

О како зелен лавр прелестен,
Который лавроносцем дан!
Коль тот герой велик и честен,
Кой стал героем увенчан!
Коль славы подвига награды,
Которы при очах Паллады
Вам, красны девы, дарены!
Колькратно око ваше взглянет
На мзду, толькратно в мысль предстанет
230 И труд, чем вы отличены.

Ты мало, Рим, себя прославил,
Что мечебитцев ты полки
Перед народны очи ставил,
И кровью их багрил пески.
Чтоб честь позорища умножить,
Ты рад был целый свет встревожить.
И из-за дальнейших морей,
Из Африки дубрав дремучих,
Из внутренности бласт зыбучих
240 Влачил чудовищных зверей.

Но сколь ты быть ни мнился пышен:
В когтях у льва, нещадных стон,
Кой нам сквозь стольки веки слышен,
Гласит в тебе ума урон.
Сие увеселенье наше
Твоих колико зрелищ краше!
То вечна Невских честь берегов.
Кто в свете Россов ненавидит,
Да русских дев в оружьи видит.
250 Потеха наша, страх врагов.

К великолепию пристрастье
Царя не сильно отменить.
К пороку часто повод счастье;
В нем трудно меру сохранить.
Коль крат владетели чрез пышность
В позорну падают излишность,
Творя беспрочны чудеса!
Египт венчал ли труд наградой,
Что камней мертвою громадой
260 Подперть стремился небеса?

Сверх многих божеству приличий
Екатерина новый путь
Открыла достигать величий,
Свой дух лия подвластным в грудь.
Чрез игры, кои показывает,
Она в них души образует,
Их в новый облакая вид.
Весь мир содержится движеньем:
Геройство живо упражненьем
270 Недвижных выше пирамид.

Благополучен я стократно,
Что в сей златой мне жити век
Судило небо благодатно,
В кой всякий весел человек.
Я видел Исфм, Олимп, Пифию,
Великолепный Рим, Нимфию
Во больших красоте чудес.
Я зрел Диагоров, Феронов,
Которых шумом лирных звонов
280 Парящий Фивянин вознес.

НА ВОЙНУ С ТУРКАМИ

Султан ярится! ада дщери,
В нем Фурии раздули гнев.
Дубравные завыли звери,
И волк и пес разинул зев;
И криками ночные враны,
Предвозвещающая кровь и раны,
Все полнят ужасом места;
И над сералию комета
Беды на часть полночну света
10 Трясет со пламенна хвоста!

Война, война висит ужасна,
Россия, над твоей главой,
Секване мочь твоя опасна:
Она рог стерти хочет твой.
Ты в том винна пред ней едином,
Что ты ей зришься Исполином;
Ты кедр, а прочи царства трость.
Так ты должна болеть, сражаться,
И в силах ты должна теряться,
20 Чтоб ей твоею тратой рость.

Так часто гады ядовиты,
Залегши в лесе под кустом,
Кудрявой зеленью закрыты
И палым со древес листом,
Когда кто мимо пронесется,
И куст им тронут затрясется,
Грозя полудню их открыть,
Да мнимую напасть умалят,
Прохожего от страху жалят,
80 Чтоб им раздавленным не быть.

Чудовища всеродны ада,
Все злое, кроме лишь себя,
Она бы выставити рада,
Россия, супротив тебя.
Но Турк пошлет свои знамена,
А аду казнь ее замена.
То жаляща меж трав змея.
Да скроет зависть от Европы,
Она лишь будет весть подкопы:
40 Мошь Турков, умыслы ея.

Так тать, да путника ограбит,
Воссед на резвого коня,
Бодет его и повод слабит,
Ко бегу силой всей коня.
И буйный скот, не зная кова,
Орудие греха чужова,
Привыкший по полям ристать,
Узде послушан властелина,
Не зря, что холм или долина,
50 Течет невинного стоптать.

От юга, запада, востока,
Из Мекки и Каира врат,
Где хвально имя лжепророка,
Где Нил шумит, где Тигр, Евфрат,
Уже противники России
Стекаются ко Византии,
Как кровь из всех ко сердцу жил;
Во бешенстве, в трясеньи яром
Войну решить одним ударом
60 Султан на сердце положил.

Уже послушны грозной воле,
Серальный кою рек герой,
На Марсово со шумом поле
Износятся, за роем рой;
Чрез Гем, через верьхи Родопы
Несут стремительные стопы,
Несчетны, горды не вотще.
Теснятся предним над Дунаем,
Но задним воинства их краем
70 В Стамбуле движутся еще.

Коликне толпы! народы!
Протяглася предлинна цепь!
Как насыпь разорвавши, воды
Шумят и стелются на степь.
Свирепы, как кони взоржавши,
Ярма и удила не познавши;
Ступают борзо по земле.
Уж в мысли все стоптали, сперли,
Свой ход в нутр Севера простерли;
80 Нога их стала во Кремле.

Их мчат кони, перевозят чолны,
Путем господствуют сухим;
Покрыты их судами волны
Текущими в союзный Крим.
Чтоб их была верней победа,
Отголь поклонник Магомеда
Шлет нову в Север саранчу.
Секвана ту исчезь бессильна.
Колико жатва тут обильна,
90 О Россы! вашему мечу!

Лишь в поле выступите ратно,
Трофей вам будет каждый шаг;
Сразитесь коликократно,
Толькрат падет под вами враг.
Как грозны молнии летучи
Густые рассекают тучи,
Сверкая по простертой мгле:
Вы тако, тако потеките
И тако Турков рассеките;
100 Ваш жар вам молнийны крыле.

Да снидет на главы их кара
Во гrome, в пламени, в дыму;
Да треск им данного удара
В Стамбуле слышан и в Крыму,
Во целом свете слышан будет;
Да гордый, зря их казнь, забудет
Смушати ближнего покой,
Да кто законов не боится,
Законы нарушать страшится,
110 Удержан вашею рукой.

Поправши тако мощь зверину
И миром увенчавши брань,
Венчайте вы Екатерину:
Сия ей почестъ должна дань.
Да, зря мать вашу лавроносну,
Секвана в грудь ударит злостну;
Во нестерпиму пад тоску,
О тщетной хитрости воздохнет,
От зависти в струях усохнет,
120 И чуть влачится по песку.

Что ты изображал в струях своих, Евфрат,
Веселость гордого и пышность Вавилона;
К нам трон свой принеесла и Флора и
Помона.

Уже родитель бурь, полночный хладный край,
Драгими дышит весь приятностью как рай;
И древность бы чудес тогдашних

устыдилась,
Увидевши, как здесь натура преродилась!
Ты, лавр, что ветви толь далеко распростер,
Ты счастья у нас цветущего пример;
Россия вся, как сад Едемский, расцветает,
И день от дня свои плоды приумножает.
Богиня ей и тень, и солнце, и роса,
Что щедрые для ней послали небеса.
Где блещут светлые лучи Екатерины,
Там терн один падет, цветут прекрасны
крины.

К . . . . .

ИЗ ЛОНДОНА

Монархи меж собой нередко брань
творят,
Военным духом все писатели горят;
Коль так, пииты суть те власти
остроумны,
Что для таких же вин войны заводят
шумны;
Впоследствии, о царях дают потомки суд,
Ту ж с ними честь певцы и жеребий
несут.
Не всякой славу царь мог в вечность
распростерти,
Не всякой и пиит был славен с год по
смерти,
Хоть в жизни принимал от многих
плески рук,
10 Как царь, приветства в знак, из многих
пушек звук.
Хвал наших, в жизнь, труба, знакомых нам
ватага
Ревет, что мы уже бессмертия у прага,
Руками что уже касаемся верей,
Мы пишем; умерли; верст со сто от дверей

Честь наша после нас подвержена опале,
 Что больше дней, то мы от храма славы
 Со мрущей так хвалой сквозь время чуть
 Пока в бездонну хлябь забвенья упадем.
 Вот наше кончится чем в свете
 стихотворство.

20 Певцы! чем отвратить в потомках к нам
 презорство;
 Сатиру ли, наш меч, на них употребить,
 Или заранее их имном ухлебить:
 О просвещенные веков грядущих роды,
 Примите вы мои всемилостиво оды!
 Не баснословный бред, не обща то дрема,
 Препоручаю вам: сокровище ума.
 Я пел; струны мои казались очень звонки;
 Приятелей моих рассудки сильно тонки.
 Бывало, как стихи прочту я в их кругу,

30 Свидетель Аполлон, все хвалят, я не лгу.
 Я в жизни не с одним имел знакомство
 домом,
 Где ни обедывал, меня зывали громом;
 Я прах теперь, моя жива ль то в свете честь;
 Молю, стихи мои не дайте моли съесть.
 Но дойдет ли сия к потомкам челобитна,
 То тайна никому из смертных неиспытна.
 Коль стихотворну плоть червь в гробе мог
 поаять,
 Диковинка ль стихам от червя же пропасть?
 То правда, в разные идут они потребности,

40 Их под испод кладут, как в печь сажают
 хлеба;

Купцы, что продают различной смертным
злак,

Завертывают в них хрен, перец и табак.

Идут они в дела, идут и в забзбоны,

На мерки для портных и войску на
патроны;

Ребятам на змеи, хлопущки и пыжи,

Свечам, окорокам копченым, на брыжи;

Плод разума, стихи ко всячине пригодны,

Со жребием людей судьбой своею сходны.

Всем общ нам к жизни вход; в ней разны
тьмы смертей;

50 Стихам в свет путь один; из света сто путей.

Я признаюсь, в стихах я сам жужжу, как
муха:

Но это моего не оскорбляет уха;

Не всякой папою быть может кардинал;

Всяк ждет, чтоб на него сей жеребий упал.

Спроси писца стихов, желает ли он славы,

Смиренной даст ответ: он пишет для забавы,

Избыток в том лишь дней препроводить
хотя;

Он меж Парнасских чад невинное дитя;

Но загляни сему ты в сердце отрочати,

60 Там найдешь: „Я — пиит — стихи мои в
печати“.

Но если дело все в печати состоит,

То всякой грамотей в миг может быть пиит;

Поставь слова твои в пристойные шеренги,

Пойди в печатной дом и заплати там деньги,

Там в миг твой тиснут слог, и выйдет
мокрой лист,

Ты в ту ж минуту стал сатирищик иль лирист;

Пошел в дом с вечною в своем кармане
славой;
Дерзай, ты деньги дал, ты стихотворец
правой.

Теперь друзей своих к обеду пригласи
70 И слог твой по большим боярам разнеси;
Блаженства твоего и воссияло время,
Смотри, и канул лавр на стихотворче темя.
Вот тайна вся стихов: рука да голова,
Чернилица, перо, бумага да слова;
И диво ль, что у нас пииты столь плодятся,
Как от дождя грибы в березняке роятся?
Однако мне жалка таких пиит судьба,
Что их и слог стоит не долее гриба.

80 Когда же всё мы толь недолговечны крайне.
Другой какой-нибудь тут должно крыться
тайне;
Знать, не от рифм одних и точных стоп
числа

Зависит нашего удача ремесла.

Как те, что зрелища в театре представляют,
Людьми со стороны лиц скудость добавляют.
Я зрел, толпился в них безграмотной игрок,
Но что он значит там? какой его урок?

Пусть он в театре был; и в платье
наряжался,

Стоял с копьём в руках и раза с два
сражался,

С Дмитревским рядом шел; кто ж скажет:
он игрец?

90 Он силы действ не знал; так точно и пиесец.
Как путной, на театр он рифменный
выходит

Берет перо меж перст и по бумаге водит.
Вот это, говорит, поставил я творог,
Так должен уж стоять в другой строке

пирог;

Прибравши так слова, он мыслит—сделал
чудо,

Что пред читателя вдруг выставил он блюдо.

Со всею худобой нескладницы, бредни,

Слывет он у своей писателем родни;

Великий умница и со смеха уморец,

100 У знатоков прямых он жалкий

рифмотворец.

Меж ним и игроком в том только разность
вся;

Тот кликнут в дело был, а этот сам

вплелся.

Обоим, станется, им быть в театре любо,

Тот милой проста рад, наш писарь буй

сугубо.

Природа, видит всяк, в дарах к нему скупа;

Он мыслит: голова других людей тупа,

И, не сошлясь на свет, себя всех выше

ставит;

Другой кто стань писать, он к буйству

злость прибавит,

Вдруг вышлет на тебя сто надписей, сатир,

110 Ты смел потрясть его в умах людских

кумир.

Даст жалом знать, кто он; он колокол

завонный,

Гораций он в Морской и Пиндар в

Миллионной;

В приказах, и в рядах, где Мойка, где Нева,

Неугомонная шумит об нем молва;
Ходя из дома в дом, он сам ее сугубит;
Всем чтет свои стихи; чужих на смерть не
любит.

И то сказать: он прав; кому не мил свой
труд?

Стихи нам вместо чад; мы мозг ломаем тут.
Кто знает? может быть, при каждой он
странице

120 Пыхтел и мучился, подобно роженице;
Так пусть, когда он чад с таким трудом
родит,

Пусть матерски на них любит, глядит.
Гляди! лишь не кричи: мой другой породы;
Мои, как ангелы; у всех других уроды.
Коль ты б за ангелов мне их не навязал,
Я детушек твоих за обезьян бы взял.

В чужих они глазах толико некрасивы,
Горбаты, сплющены и хворы, и паршивы,
И живости-то нет, и в каждом три бельма.

130 И мысль-то свихнута, и рифма-то хрома.
Совсем увечные и гнусные калеки;
От совершенства миль на тысячу далеки;
Иной бы от людских в подполье крыл их
глаз,

А ты нарочно их всем суешь напоказ.
Да как же? скажешь ты, мой люди слог
читают

И хвалят; толку в нем, знать, много
обретают.

Я, чаю, хаживал ты в театральный дом,
Комедиантов в честь слышал в нем
плесков гром;

Как скоро князь иль граф ударит там в
ладони,

140 То каждой из простых подобием догони,
Без пощаженья рук сугубит общий треск,
Хотя не знает сам, чему сей платит плеск.
Спроси, зачем он бьет; ударил-де вельможа;
Толпа твоих чтецов на чернь сию похожа.
Какой-то там живет на Мойке меценат,
Что пестует твой слог, а ты тому и рад,
И думаешь, что в нем не ведь какая злоба:
Но истинных красот не знаете вы оба;
Не видит проку он, кроме тебя, ни в ком;

150 Причина вся тому, что ты ему знаком.
Так, с богом, успевай, пленяй, брат,

пресны души,

Бесхитростны сердца, где Мидасовы уши.

Как так, ты говоришь, я шлюсь на словаря,

В нем имя ты мое найдешь без фонаря;

Смотрит-ко, тамо я, как солнышко, блистаю,

На самой маковке Парнасса превитаю!

То, правда, косна желвь там сделана орлом,

Кукушка лебедем, ворона соколом;

Там монастырские запечны лежебоки

160 Пожалованы все в искусники глубоки:

Коль верить словарю, то сколько есть

дворов,

Столь много на Руси великих авторов;

Там подлый наряду с писцом стоит

алырщик,

Игумен тут с клюкой, тут с мацами

батырщик;

Здесь дьякон с ладаном, там понамарь с

кутьей;

С баклагой сбитеньщик и водолив с бадьей;
 А все то авторы, все мужи имениты,
 Да были до сих пор оплошностью забыты:
 Теперь свет умному обязан молодцу,
 170 Что полну их имен составил памяту;
 В дни древни, в старину жил, был-де царь
 Ватуто,
 Он был, да жил, да был, и сказка-то вся
 туту.
 Такой-то в эдаком писатель жил году;
 Ни строчки на своем не издал он роду;
 При всем том слог имел, поверьте,
 молодецкой;
 Знал греческой язык, китайской и турецкой.
 Тот умных столько-то наткал проповедей:
 Да их в печати нет. О! был он грамотей.
 В сем годе цвел Фома, а в эдаком Ерема:
 180 Какая же по нем осталася поема?
 Слог пылок у сего и разум так летуч,
 Как молния в эфир сверкающа из туч.
 Сей первой издал в свет шутливую пиесу,
 По точным правилам и хохота по весу.
 Сей надпись начертал, а этот патерик;
 В том разума был пуд, а в этом четверик.
 Тот истину хранил, чтил сердцем
 добродетель,
 Друзьям был верный друг и бедным
 благодетель;
 В великом теле дух великий же имел,
 190 И, видя смерть в глазах, был мужествен
 и смел.
 Словарник знает все, в ком ум глубоок,
 в ком мелок;

Рассудков и доброт он верный есть оселок.
Кто с ним ватажился, был друг ему и брат,
Во святцах тот его не меньше как
Сократ.

О други, что своим дивитесь работам,
Сию вы памятку читайте по субботам!
Когда ж возлюбленный всеросский наш
словарь,
Плох разумом судья, плох наших хвал
звонарь,
Кто ж будет ценовщик сложений
стихотворных,

200 Кто силен различить хорошие от вздорных?
Бери сто раз перо, и по бумаге мычь,
Со всех концов земли к себе идеи кличь,
Три лоб свой, пружься, рвись, в миг
скажут наши строки,
Лжевдохновенны мы иль истины пророки.
Оставь читателей судьями дум твоих,
Есть Аполлоновы наперсники и в них;
Им шепчет в уши Феб, чей лучше слог,
чей хуже,
Кто в Иппокрене пил, кто черпал в мутной
луже.

Прямой стихов творец и таинственник муз
210 Есть тот, что в жизнь блюдет с добротами
союз;

Из сердца истины, в других сердца,
преносит,
И никого, чтоб чел стихи его не просит.
Свет знает и без нас, полезно что ему,
Где сердце зиждется, где пища есть уму;
Пчела не чересчур виется круг навоза,

Любимы ей места нарцис, пион иль роза.
Купцы товар лицом, не горлом продают,
И только лишь в набат, коль нездорово,
бьют.

**ЕГО СВЕТОСТИ КНЯЗЮ
ГРИГОРЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ПОТЕМКИНУ**

Восстани, муза! петь достоин
Вожда возлюбленна тебе,
Кой тысячам блаженство строит,
Жив поздну роду, не себе.

Коль радостен, с серьпом в деснице
Исходит делатель в поля,
Потемкин радуется сице,
Другим плод нив своих дея.

Метатель на врагов Перуна
Полн ведений, как сеять мир;
Премудрости его фортуна
Послушна, низких душ кумир.

Себе единому подобен,
В добротe благородство чтит;
Всем равен, и от всех особен,
Луча снисшествием не тмит.

Паря ко вышнего престолу
На крилах веры сердцем всем,

Он храмы украшает долу,
Да соравнятся с небесем.

Его Афон, подъемля руки,
С священных осеняет мест;
Ему спутьшествуют науки
Прекрасных в образе невест.

Честїи певца Троянской брани
Был, пишут, Александров вкус:
Как сот Потемкина гортани
Твой стих, великий отче муз.

В ослабу утружденна духа
Он четет иль внемлет звон музык;
И судит тонкостию слуха,
Чем сладок отчества язык.

Но как не тщася успеваает,
Когда разбудит мысль свою;
И жарку душу проливает
Пером на снежну хартию!

Не тяжек праздных слов примесом,
Красот во слоге он пример;
Когда б он не был Ахиллесом,
Всемерно был бы он Гомер.

**ЕГО СВЕТОСТИ КНЯЗЮ
ГРИГОРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ПОТЕМКИНУ**

СТРОФА I

Сними с стены висящу лиру,
И в миг, о Клия, заиграй!
Не бойся, не ослабли ль струны,
Не изнемог ли сладкий глас.
Вождь, коего ты петь дерзаешь,
Неистоцимый хвал источник,
Довлеющий вдохнет в тя жар.

АНТИСТРОФА I

И се ты чувствуеши бога!
Избыток груди обнажи;
Води по струнам смелы персты
И глас бряцанью соглашай;
Поя в герое добродетель,
Учи других за ним парити,
Кажи орла близ дальных звезд.

ЕПОДОС I

Ему да возревнуют
Те низкие умы,
Которых кровь волнуют

Сребро и золото, чада тьмы;
Которы для корысти
Готовы ближних грызти;
И, подавая суд,
Судимого обидят
И, как пиявицы, сосут,
Не слышат стона, слез не видят:
Как будто им высокий сан
Для утеснения низших дан.

СТРОФА II

Потемкин плачущих отрада,
Сирот прибежище и вдов.
Высоко был поставлен Фарос
Давати помощь кораблям:
Он тако жребием поставлен
Высоко, во спасенье многим:
Несчастливым виден он вдали.

АНГИСТРОФА II

И даже чуждые народы,
От дальних света стран,
Надеждой полны, прибегают
К нему, гостеприимцу всех.
В отечестве своем гонимый,
В его объятьи обретает
По утомлении покой.

ЕПОДОС II

Вельможи и владыки,
В забаву их очей,
Выставляают лики

Лампад при блеске, средь ночей;
Где разные наряды
Обманывают взгляды,
Тут будто смесь племен:
В чалме, в скуфье, в шеломе
Там Грек в Турок между Славен:
Теснясь, толпятся в том же доме:
Внутри Потемкина палат
Средь дня всегдашний маскарад.

СТРОФА III

Там неги, тамо Азиятец
И Солнцем осмуглевший Афр,
Климатов разных Европеец,
Герой, пустынный, селянин,
Без маск очам твоим предстанет;
В единой храмине увидишь
Восток и запад, норд и юг.

АНТИСТРОФА III

Смешение племен и званий,
И им лицеприятя нет;
Там часто наряду с богатым
Убогий, не боясь, стоит.
Черты их лиц, одежды, нравы.
Языки их и веры разны;
Но угоститель всех один.

ЕПОДОС III

Так реки многоводны
Со славою текут,
И пользы разнородны

Повсюду за собой влекут:
Богатому и нищу
Дают питье и пищу;
Начала восприяв
Во области единой,
Другие инде проливав
Струи, довольствуют серединой,
Где в море кончат быстрость вод,
Там вновь иной поят народ.

СТРОФА IV

Напрасно на него зияя,
Льет змеиный зависть яд:
Борящаясь с нею, добродетель
Блится краше от часу:
Кремень ударен сыплет искры,
И в зеркало лучи упряся
Ярчай отскакивают прочь.

АНТИСТРОФА IV

Ему свои и иноверны
Согласно воздают хвалы;
О нем желанья восходят
От неисчетных к небу душ.
Куда свои не двигнет стопы,
Его повсюду провождает
Пылающих усердий полк.

ЕПОДОС IV

Весна одети тщится
В приятну зелень лес,
Когда он в путь стремится

На смелой быстроте колес.
Цветы благоухают,
Фавонии дышают,
Колебля тихо лист;
Звук слыша колесницы,
В честь путника веселый свист
Творят приветствующие птицы;
Гордясь везомым, конь летит,
И вихрем пыль пыша крутит.

СТРОФА V

Округ пространный облетевый,
Узря Московские струи,
Великий Днепр и многи воды,
Он вдруг стал паки при Неве.
Весна его увеселяла:
Теперь ему возвратшусь, Муза,
Твоя приветствовать чреда.

АНТИСТРОФА V

Рассыпь пред ним и крин и розу,
Великолепие даров,
Сокровище всея природы,
Усердие твоей души.
Не быстры мысли и высоки
Венки героям соплетают,
Но дружбой раскаленный дух.

ЕПОДОС V

Поют для мзды и лести
Наемники вельмож:
Их грудь не знает чести:

Из песни безобразна ложь.
Ты, Клия, что вещаешь,
То в сердце ощущаешь.
Коликая цветет
В сем муже добродетель,
Творце и мира и побед,
Сама ты лучший всех свидетель.
За утесненных роком злым
Предстательница ты пред ним.

СТРОФА VI

Коль многим пролил он щедроты
Твоим ходатайством склонен?
Коль многим облегчил их жребий,
Покрыв, утешил и воздвиг?
Твой глас поющ, его доброты,
И глас предстательства о сирых
Угоден равно перед ним.

АНТИСТРОФА VI

К великости его и сердцу
Без подлости доступна ты.
Талантов мудрый он ценитель,
И ты в нем ценишь дух, не сан,
Колико благородны узы,
Которы с ним тебя спрягают!
Невежды не поемлют их.

ЕПОДОС VI

Круг илима высока
Виется виноград,
Суля обилье сока,

Источник будущих отрад.
Там здравью полезны
Висят желтея грезны;
Простряся вверху, лоза
Вкруг ими тяготеет;
Сок чистый каплет, как слеза,
Когда от солнца перезреет:
Так ты, опряся на него,
Кажи плод смысла твоего.

К.....

Девиц избранный хор
Всегда мужей пленяет взор;
Ты, выступя в театр, даров твоих со блеском,
Всех нудишь чтить тебя сердец и дланей
плеском;

Во лике дев видна,
Как промеж звезд луна.
Суровый бог гремящей брани,
Услыша глас твоей гортани,
Пустил бы грозный меч из рук,
Забыл бы ввек оружий звук,
Три только грации во всем считались мире:
Когда родилась ты, вдруг стало их четыре.

ВЕСНА

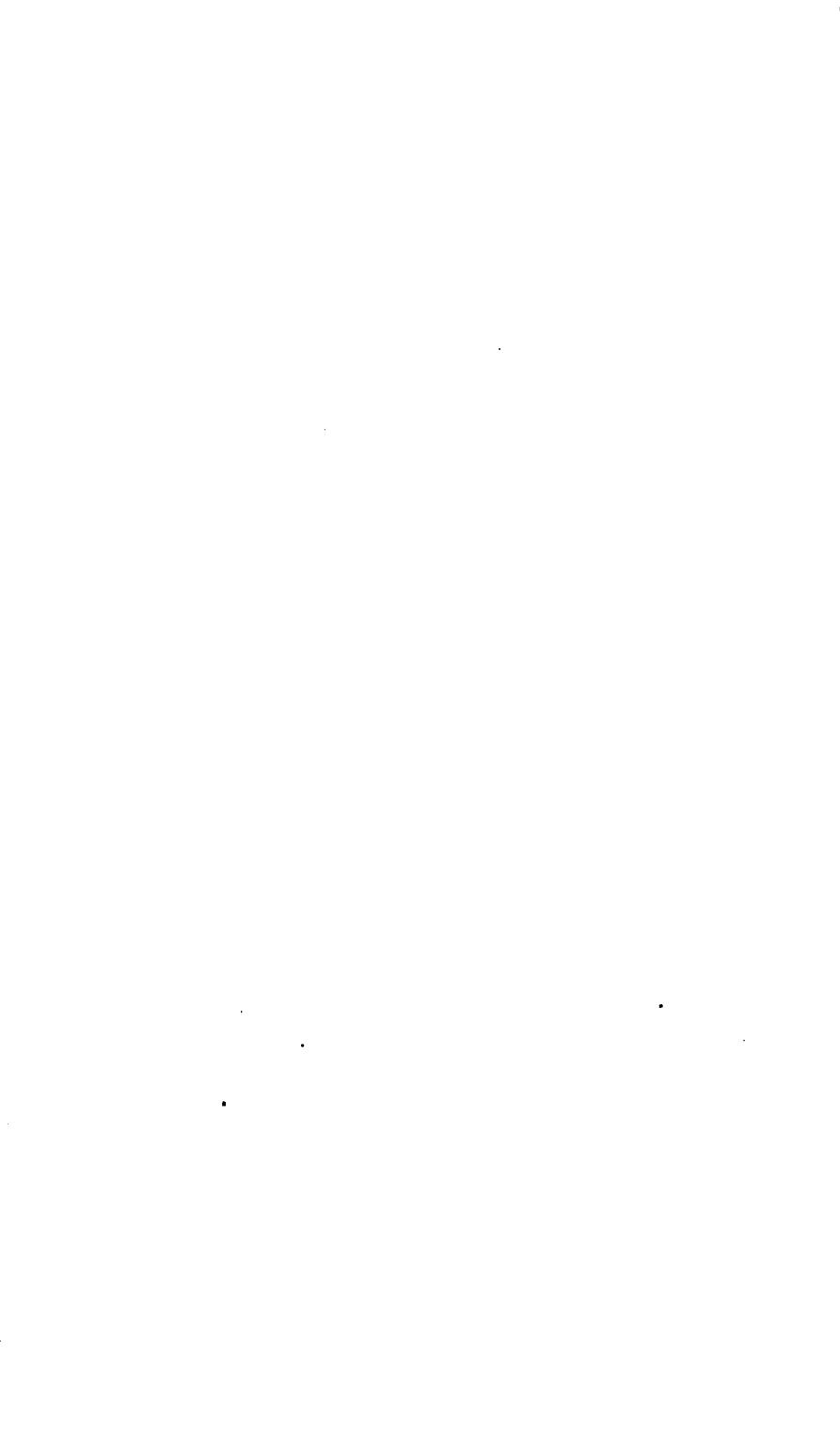
Дохла нежная весна,
И вся природа пробудилась
Как будто ото сна,
И вновь переродилась;
Растаяли снега,
Открылися луга,
Древа зазеленели,
Порхая, птички в них запели.
Рек быстрые струи,
Льдом кои тяготились,
Прозрачны покатались,
В пути журча свои.
Зефиры веют,
От плодотворной теплоты
Одушевляются цветы,
Растения свежеют.
То с длинной шеей, гость из дальних к нам
земель,
Летит курлюча журавель;
То гусь под облаком гогочет,
Большого стада вождь: в пролете удалом,
Он, правя вниз крылом,
К нам, кажется, на пруд спуститься хочет.
Напрягши жавронок гортань,
Весне прекрасной платит дань:

То радости в избытке
Взвивается, треля, он к туче как по нитке;
То, вдруг остановясь,
Там крылышками машет;
Играя и резвясь,
Поет и пляшет;
И голос вдруг запря, оттуда кувырком,
Вниз падает, как ком.
Другой певец прешибкой,
Душа велика, малый рост,
Скача на ветви гибкой,
Корючит кверху хвост;
Жарок,
Ярок,
Удал соловей,
Всех даром веселит музыкою своей.
Сперва он цвикает, чуть слышан, понемногу,
И стелет голосу из горлышка дорогу;
Как грянет, полетят и ядра вдруг и дробь;
То тоны все мешает,
И роши оглушает,
То ставит каждый стих особь;
Творенье малосонно,
Всю часто ночь насквозь кричит
безугомонно,
Один, в густой тени под солнцем иль луной
Поет, сразиться рад лир лучших со струной;
Одна, не диво ли? и крошечная глотка,
Свирель, труба, тимпан, трещетка;
То гаркнет, то прервет;
Визги,
Мызги,
Стуки,

Звуки
Издает;
Захлебывается, в клуб голос собирает,
Частит его, рядит,
Затихнет, будто сил щадит;
Вдруг длинную песню выстилает
Из горлышка, как холст;
Тут звонок
И тонок,
Там толст;
Томен,
Огромен,
Жалок, жесток,
Силен,
Умилен,
Низок, высок;
И столь искусные, не с ветру песни взяты,
Есть в каждой мысль строке;
Он страсти выпекает
И душу проливает,
Кому-то тщится он быть слышан вдалеке.
Любовь гласят его свист, шелканье, раскаты;
Невинны ласточки по воздуху кружат,
И, вьась опять вкруг дому,
Под кровлю им знакомую
Вить гнездушки спешат.
Все птички с нами,
Нет маманьки одной;
Мы вкруг обставлены красами,
Без маманьки родной;
Нам все красы постылы,
Мы томны и унылы,
Без ней нам скучен рай,

И. ХЕМНИЦЕР

В самом начале XVIII в. приехал в Петербург саксонский уроженец Иоганн-Адам Хемницер — по специальности врач и горный техник; здесь он получил должность военного штаб-лекаря, а затем стал инспектором Сухопутного госпиталя. Позднее, в 1740-х гг., Иоганн Хемницер поселился в Астраханской губернии, в Енотаевской крепости на Волге, где и родился 5 января 1745 г. его сын Иван Иванович Хемницер.

Детство Хемницера протекло в Астрахани. Отец Хемницера мечтал о медицинской карьере для сына и, переселившись с семьей в 1755 г. в Петербург, поместил сына к учителю латинского языка при врачебном училище; но случилось так, что тринадцатилетний мальчик самовольно поступил в солдаты в пехотный полк. Через двенадцать лет молодой Хемницер оставляет военную службу и переходит в горное ведомство, которым заведывал тогда М. Ф. Соймонов. Этому помог его друг Н. А. Львов, родственник Соймонова. Н. А. Львов — поэт, живописец, архитектор, музыкант, механик — в конце 1770-х гг. стал душой литературного содружества, которое составляли поэты

Державин, Капнист, Хемницер, А. Хвостов, А. Храповицкий.

В 1777 г. Хемницер вместе с Соймоновым и Львовым побывал за границей — в Германии, Голландии и Франции.

Первым поэтическим трудом Хемницера была ода 1770 г. на победу над Турцией при Журже. Эта ода — явное подражание Ломоносову.

В 1774 г. Хемницер напечатал (с посвящением Н. А. Львову) перевод сочинения Дора — „Письмо Барнвеля к Труману из темницы“.

В 1779 г. Хемницер выпустил отдельной книжкой первое собрание басен (числом 27) под заглавием „Басни и сказки NN“ (без обозначения автора и года издания), с посвящением их М. А. Дьяковой, будущей жене Н. А. Львова. ❀

В начале 1782 г. вышло второе издание „Басен и сказок“ Хемницера с добавлением второй части из 36 басен. Третьей части не суждено было увидеть свет при жизни баснописца. Назначенный генеральным консулом в Смирну (Турция), Хемницер переехал туда летом 1782 г.хлопотливая и ответственная должность мешала литературному труду. На просьбу Львова прислать новых басен Хемницер отвечает: „Кто в Туречине басни пишет?.. есть малая толика их, но ни одной еще не удалось отделать...“

За месяц до смерти Хемницер был избран в члены Российской Академии. Львов

и Капвист извлекли из рукописей умершего друга 23 неизданные басни и приложили их в качестве третьей части к новому посмертному изданию 1799 г. (СПб.) „Басен и сказок И. И. Хемницера“. 20 марта 1784 г. Хемницер скончался.

Основным изданием всех сочинений и писем Хемницера является издание Академии Наук—„Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям, с биографическою статьею и примечаниями Я. Грота“. СПб, 1873. Здесь напечатаны „Басни и сказки“ Хемницера в трех частях, изданные в 1779, 1782 и 1799 гг., а также неизданные басни, найденные Я. К. Гротом в рукописях Хемницера. В примечаниях Грота дан библиографический перечень всех изданий басен Хемницера, начиная с первого 1779 г. и кончат изданием 1855 г.

ОБОЗ

Шел некогда обоз;
А в том обозе был такой престрашный воз,
Что перед прочими казался он возами,
Какими кажутся слоны пред комарами
Не возик и не воз, возище то валит.
Но чем сей барин-воз набит? —
Пузырями.

КОНЬ ВЕРХОВЫЙ

Верховый гордый конь, увидя клячу в
поле

В работе под сохой

И в неге не такой,

И не в уборе и не в холе,

Какую гордый конь у барина имел,

С пренебрежением на клячу посмотрел,

Пред клячею крестьянскою бодрился

И хвастал, чванился и тем и сем хвалился.

„Что, — говорит он кляче той: —

Бывал ли на тебе убор когда такой,

Каков убор ты видишь мой?

И знаешь ли, меня как всякий почитает:

Всяк, кто мне встретится, дорогу уступает;

Всяк обо мне твердит и всякий похваляет.

Тебя же кто на свете знает?“

Несносна кляче спесь коня;

„Пошел, хвастун! — ему на это отвечает: —

Оставь с покоем ты меня.

Тебе ль со мной считаться

И мною насмеяться?

Не так бы хвастать ты умел,

Когда бы ты овса моих трудов не ел“.

ЗЕЛЕНЫЙ ОСЕЛ

Какой-то с умысла дурак,
Взяв одного осла, его раскрасил так,
Что стан зеленый дал, а ноги голубые.
Повел осла казать по улицам дурак;

И старики, и молодые,
И малый и большой,

Где ни взялись, кричат: „Ахти! осел какой!
Сам зелен весь как чиж, а ноги голубые!

О чем слыхом доселе не слышать.

Нет (город весь кричит), нет, чудеса такие

Достойно вечности предать,

Чтоб даже внуки наши знали,

Какие редкости в наш славный век

бывали“.

По улицам смотреть зеленого осла

Кипит народу без числа;

А по домам окошки откупают,

На кровли вылезают,

Леса, подмости подставляют.

Всем видеть хочется осла, когда пойдет;

А всем итти с ослом дороги столько нет,—

И давка круг осла сказать нельзя какая:

Друг друга всяк толкает, жмет,

С боков и спереди и сзади забегая.

Что ж? — два дни первые гонялся за ослом
Без памяти народ в каретах и пешком.
Больные про болезнь свою позабывали,
Когда зеленого осла им вспоминали;
И няньки с мамками, ребят чтоб укачать,
Кота уж полно припевать, —
Осла зеленого ребятам припевали.
На третий день осла по улицам ведут:
Смотреть осла уже и с места не встают,
И сколько все об нем сперва ни говорили,
Теперь совсем об нем забыли.

Какую глупость ни затей,
Как скоро лишь нова, чернь без ума от
ней.

Напрасно стал бы кто стараться
Глупцов на разум наводить;
Ему же будут насмехаться.
А лучше времени глупцов препоручить,
Чтобы на путь прямой попали;
Хоть сколько бы они противиться ни стали,
Оно умеет их учить.

ВОЛЧЬЕ РАССУЖДЕНИЕ

Увидя волк, что шерсть пастух с овец
стрижет,
„Мне мудрено, — сказал, — и я не понимаю,
Зачем пастух совсем с них кожу не дерет.
Я, например, так я всю кожу с них сдираю,
И то ж в иных домах господских примечаю.
Зачем бы и ему не так же поступать?“

Слон, волчье слыша рассужденье,
„Я должен, — говорит, -- тебе на то сказать:
Ты судишь так, как волк, а пастухово
мненье —

Овец своих не убивать.
С тебя, да и с господ иных примеры брать,
Не будет, наконец, с кого и шерсть снимать“.

СОЛОВЕЙ И ЧИЖ

Был дом,
Где под окном
И чиж и соловей висели
И пели.

Лишь только соловей, бывало, запоет,
Сын маленький отцу проходу не дает:
Всё птичку показать к нему он приступает,
Которая так хорошо поет.

Отец, обеих сняв, мальчишке подает.

„Ну,—говорит,—узнай, мой свет,
Которая тебя так много забавляет“.

Тотчас на чижику мальчишка указал:

„Вот, батюшка, она!—сказал,

И всячески чижа мальчишка выхваляет: —
Какие перышки! куда как он пригож!
Затем ведь у него и голос так хорош!“

Вот как мальчишка рассуждает.

Да полно, и в житействе тож

О людях многие по виду заключают:

Кто наряжен богато и пригож,

Того и умным почитают.

ЛОШАДЬ И ОСЕЛ

Добро, которое мы делаем другим,
Добром же служит нам самим,
И в нужде надобно друг другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось лошади в дороге быть с ослом,
И лошадь шла порожняком,
А на осле поклажи столько было,
Что бедного совсем под нею задавило.

„Нет мочи,—говорит,—я, право, упаду,
До места не дойду“.

И просит лошадь он, чтоб сделать
одолженье,
Хоть часть поклажи снять с него.

„Тебе не стóит ничего,
А мне б ты сделала большое облегченье“—
Он лошади сказал.

„Вот, чтоб я с ношею ослиною таскалась!“—
Сказала лошадь, отказалась.

Осел потуда шел, пока под ношей пал.
И лошадь тут узнала,
Что ношу разделить напрасно отказала,
Когда ее одна
С ослиной кожей несть была принуждена.

СТРЕКОЗА

Всё лето стрекоза в то только и жила,
Что пела;

А как зима пришла,
Так хлеба ничего в запасе не имела.
И просит муравья: „Помилуй, муравей,
Не дай пропасть мне в крайности моей.
Нет хлеба ни зерна, и как мне быть, не
знаю.

Не можешь ли меня хоть чем-нибудь
ссудить,
Чтоб уж хоть кое-как до лета мне дожить?
А лето как придет, я, право, обещаю
Тебе всё вдвое заплатить“.—

„Да как же целое ты лето
Ничем не запаслась?“—ей муравей на это.
„Так, виновата в том; да что уж, не взыщи:
Я заpastися всё хотела,
Да лето целое пропела“.—

„Пропела? Хорошо! поди ж теперь, свищи“.
Но это только в поученье
Ей муравей сказал,
А сам на прокормленье
Из жалости ей хлеба дал.

ЛЕСТНИЦА

Всё надобно стараться
С потребной стороны за дело приниматься;
А если иначе, всё будешь без пути.

Хозяин некакой стал лестницу мести;
Да начал, не умея взяться,
С ступеней нижних мечь. Хоть с нижней сор сметет,
А с верхней сор опять на нижнюю спадет.
„Не бестолков ли ты? — ему тут говорили,
Которые при этом были:—
Кто с низу лестницу метет?“
На что бы походило,
Когда б в правлении, в каком бы то ни было,
Не с вышних степеней, а с нижних начинать
Порядок наблюдать?

СТРЕЛКА ЧАСОВАЯ

Когда-то стрелка часовая
На башне городской,
Свои достоинства счисляя,
Расхвасталась собой.

И, прочим часовым частям в пренебреженье
„Не должно ль, — говорит, — иметь ко мне
почтенье?

Всему я городу служу как бы в закон;
Все, что ни делают, по мне располагают:
По мне работают, по мне и отдыхают;
По мне съезжаются в суды и выезжают;
По мне чрез колокольный звон
К молитве даже созывают;

И, словом, только час я нужный покажу,
Так точно будто прикажу.

Да я ж стою домов всех выше,
Так, что весь город подо мной,
Всем видима и всё я вижу под собой.
А вы что значите? кто видит вас? —

„Постой;

Нельзя ли как-нибудь потише,

И слово дать

И нам сказать? —

Другие части отвечали: —

Знай, если бы не мы тобою управляли,
Тебя бы, собственно, ни во что не считали.

Ты хвастаешь собой,
Как часто хвастает и человек иной,
Который за себя работать заставляет,
А сам себя других трудами величает*.

МЕТАФИЗИК

Отец один слышал,
Что за море детей учиться посылают,
И что вобще того, кто за морем бывал,
От небывалого отменно почитают,
Затем что с знанием таких людей считают;
И, смóтря на других, он сына тож послать
Учиться за море решился:

Он от людей любил не отставать,
Затем что был богат. Сын сколько-то учился,
Да сколько ни был глуп, глупее возвратился.
Попался на руки он школьным тем врялям,
Которые с ума не раз людей сводили,
Неистолкуемым давая толк вещам;

И малого не научили,
А навек дураком пустили.

Бывало, глупости он попросту болтал,
Теперь ученостью он толковать их стал.
Бывало, лишь глупцы его не понимали,
А ныне разуместь и умные не стали;
Дом, город и весь свет враньем его скучал.

В метафизическом беснуясь размышленьи
О заданном одном старинном предложеньи:

Сыскать начало всех начал,
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился.

Отец, который с ним случился,
Скорее бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;
А думный между тем детина,
В той яме сидя, рассуждал:
„Какая быть могла падения причина?
Что оступился я, — ученый заключал, —
Причиною землетрясенье;
А в яму скрое стремленье
Могло произвести воздушное давленье,
С землей и с ямою семи планет сношенье . . .“

Отец с веревкой прибежал.

„Вот, — говорит, — тебе веревка: ухватися.
Я потащу тебя; смотри, не оборвися“. —
„Нет, погоди тащить; скажи мне наперед:
Веревка вещь какая?“ —

Отец хоть был и не учен,
Да от природы был умен.
Вопрос дурацкий оставляя,

„Веревка вещь, — сказал, — такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет“. —

„На это б выдумать орудие другое,
А это слишком уж простое“. —

„Да время надобно, — отец ему на то:

А это хоть не ново,
Да, благо, уж готово“. —

„А время что?“ —

„А время вещь такая,
Которую с глупцом не стану я терять.
Сиди, — сказал отец, — пока приду опять“.

Что, если бы вралей и остальных собрать,
И в яму к этому в товарищи посвятить? ..
Да яма надобна большая!

В. КАНИСТ

Василий Васильевич Капнист родился в 1757 г. в Полтавской губернии, в селе Обуховке, которое было „пожаловано“ императрицей Елизаветой Петровной отцу поэта — бригадиру — за военную службу.

Годы учения В. В. Капниста протекли в Петербурге в школе Измайловского полка. Свободное от военных занятий время Капнист посвящал изучению иностранных языков, древних и новых классиков, а также чтению сочинений русских писателей — Ломоносова, Петрова, Сумарокова. В это время обнаруживается поэтическое дарование Капниста; он сочиняет на французском языке оду по случаю заключения мира России с Турцией в Кучук-Кайнарджи в 1774 г.; эта ода была напечатана сначала отдельно в 1775 г., а затем в „С. Петербургском Вестнике“ 1780 г. В том же году и в том же журнале Капнист опубликовал свою „Сатиру первую“, в которой обрушился на бездарных писателей-современников. За эту сатиру Капнист подвергся критике и был назван „дерзким ругателем“. Это была первая и последняя сатира Капниста.

После недолговременной службы в Главном почтовом управлении Капнист уехал

на родину, где прожил до 1797 г. В конце 1799 г. Капнист получает в заведывание русскую театральную труппу в Петербурге.

В 1785 г. Капнист был избран в члены Российской Академии.

До осени 1801 г. Капнист состоял при театральной дирекции, затем работал генеральным судьей в Полтаве, а с 1812 по 1818 г. числился по департаменту народного просвещения; в 1814 г. он был привлечен к академическим работам по составлению Словаря русского языка. Последние пять лет жизни Капнист провел на родине и умер 28 октября 1823 г. в Обуховке, воспетой им в одноименном стихотворении.

Капнист входил в державинский круг поэтов конца XVIII в. Державин, Н. Львов, И. Хемницер, А. Хвостов, А. Храповицкий, О. Козодавлев, М. Муравьев, А. Бакунин — вот литературное окружение Капниста. Ближайшими его друзьями были Н. Львов, Державин и Хемницер.

В начале XIX в. Капнист сблизился с литературным кружком А. Н. Оленина — любителя античности, знатока русских древностей и ценителя искусств. В доме Оленина Капнист подружился с писателями К. Батюшковым, Н. Гнедичем и В. Озеровым.

После „Сатиры первой“ Капнист написал в 1783 г. „Оду на рабство“, которая была напечатана лишь в 1806 г. в его „Лирических сочинениях“. С 1787 г. Капнист начал сотрудничать в „Новых ежемесячных сочинениях“,

а с 1792 г. — в „Московском журнале“ Карамзина. В 1796—1799 гг. Капнист напечатал в альманахе Карамзина „Аониды“ ряд своих анакреонтических и горацянских од и песен. В 1796 г. вышло в Петербурге первое издание лирических сочинений Капниста.

22 августа 1798 г. в первый раз была поставлена на сцене и в том же году напечатана комедия Капниста „Ябеда“. Павел I приказал снять со сцены комедию Капниста и изъять из продажи ее издание. Возвращена „Ябеда“ на сцену была лишь в 1805 г.

В 1806 г. вышли в свет „Лирические сочинения“ Капниста: оды духовные, торжественные, нравоучительные, эдегические, горацянские и анакреонтические.

Посмертное издание (А. Смирдина) в 1849 г. было первой и последней, до настоящего времени, несовершенной попыткой собрать воедино все сочинения Капниста.

В „Русской поэзии“ (т. I, под редакцией С. А. Венгерова, СПб., 1897) перепечатаны из смирдинского издания многие стихотворения Капниста.

До настоящего времени мы не имеем исследования о творчестве Капниста. Статья В. И. Саитова о Капнисте, напечатанная в примечаниях ко второму тому Сочинений К. Н. Батюшкова (СПб., 1885, стр. 492—503; перепечатана в „Русской поэзии“, т. I, СПб., 1897, стр. 725 — 729, и в „Русском биографическом словаре“), представляет опыт биографии поэта, но анализа его творчества не дает.

О литературном и бытовом содружестве Капниста, Державина и Н. А. Львова см. в примечаниях Я. К. Грота в академическом издании Сочинений Державина (особенно в т. II, СПб., 1869, стр. 70—74).

ОДА НА РАБСТВО

Приемлю лиру мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней:
Простерши руку, отягченну
Железных бременем цепей,
Для песней жалобных настрою;
И соглася с моей тоскою,
Унылый, томный, звук пролью
От струн, рекой омытых слезной.
Отчизны моя любезной
Порабощенье воспою.

А ты, который обладаешь
Един подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленных тобой царей,
Хранишь от злого их навета!
Соделай, да владыки света
Внушат мою нелестную речь;
Да гласу правды кротко внемлют
И на злодеев лишь подъявляют
Тобою им врученный меч.

В печальны мысли погруженный,
Пойду, от людства удалюсь

На холм, древами осененный;
В густую рощу уклонюсь;
Под мрачным, мшистым дубом сяду.
Там моему прискорбну взгляду
Прискорбный всё являет вид:
Ручей там с ревом гору роет;
Унывно ветр меж сосен воет;
Летя с древ томно лист шумит.

Куда ни обращаю зеницу,
Омытую потоком слез,
Везде, как скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельские утехи,
Игрива резвость, пляски, смехи;
Веселых песней глас утих;
Златые нивы сиротеют;
Поля, леса, луга пустеют;
Как туча, скорбь легла на них.

Везде, где кущи, села, грады,
Хранил от бед свободы щит,
Там тверды зиждет власть ограды,
И вольность узами теснит.
Где благо, счастье народно,
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь,
Увы! судьбе угодно было,
Одно чтоб слово превратило
Наш ясный день во мрачну ночь.

Так древле мира вседержитель
Из мрака словом свет создал. —
А вы, цари! на толь зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На толь даны вам скиптр, порфира,
Чтоб были вы бичами мира
И ваших чад могли губить?

Воззрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей;
Где нет любезныя свободы,
И раздается звук цепей:
Там к бедству смертные рожденны,
К униженью осужденны,
Несчастий полную чашу пьют;
Под игом тяжкие державы
Потоками льют пот кровавый
И злея смерти жизнь влекут.

Насилия властей страшатся;
Потупя взор, должны стенать;
Подняв главу, воззреть боятся
На жезл готовый их карать.
В веригах рабства унывают;
Низвергнуть ига не дерзают,
Обременяющего их;
От страха казни цепенеют
И мыслию на силу смеют
Роптать против оков своих.

Я вижу их, они исходят
Поспешно из жилищ своих.
Но для чего с собой выводят
Несущих розы дев младых?
Почто, в знак радости народной,
В забаве искренней, свободной,
Сей празднуют прискорбный час?
Чей образ лаврами венчают
И за кого днесь воссылают
К творцу своих молений глас?

Ты зришь, царица! се ликует
Стенящий в узах твой народ.
С восторгом днесь он торжествует
Твой громкий на престол восход,
Ярем свой носит терпеливо,
И молит небо, да счастливо
Ты царствуешь, народ любя; —
И ты ль его умножишь муки:
Обременишь цепями руки,
Благословящие тебя?

Но нет: — души твоей добрсты
Подвластные боготворят;
Твой кроткий суд, твои щедроты,
Врага, преступника щадят;
Возможно ль, чтоб сама ты ныне
Повергла в жертву злой судьбине
Тебя любящих чад твоих?
И мыслей чужда ты суровых: —
Так что же? — благ не скрыла ль новых
Под мнимым гнетом бедствий сих?

Пары из моря подымая,
Когда свой солнце кроет вид,
Гром мрачны тучи разрывая,
Небесный свод зажечь грозит,
От громкого перунов треска
И молнии горящей блеска
Мяется трепетна земля:
Но солнце страх сей отгоняет
И град сгущенный растопляет,
Дождем проливши на поля.

Так ты, возлюбленна судьбою,
Царица преданных сердец,
Взложенный вышнего рукою
Носяща с славою венец!
Сгущенну тучу бед над нами
Любви к нам твоя лучами,
Как бурным вихрем разобьешь;
И к благу бедствие устроя,
Унылых чад твоих покоя,
На жизнь их радости прольешь.

Дашь зреть нам то златое время,
Когда спасительной рукою
Вериг постыдно сложишь бремя
С отчизны моя драгой.
Тогда, о лестно упованье!
Прервется в тех краях стенанье,
Где в первый раз узрел я свет.
Там, вместо воплей и стенаний,
Раздастся шум рукоплесканий,
И с счастьем вольность процветет.

Тогда, прогнавши мрак печали
Из мысли горестной моей,
И зря, что небеса скончали,
Тобой несчастье наших дней,
От уз свободными руками
Зеленым лавром и цветами
Украшу лиру я мою;
Тогда, вослед правдивой славы,
С блаженством твоея державы,
Твое я имя воспую.

МОТЫЛЕК

Кверху жаворонок вьется;
Над горой летит сокол;
Выше облаков несется
К солнцу дерзостный орел.
Но летает над землею
С мягкой травки на цветок,
Нежной пылью золотою
Отягченный мотылек.

Так и мне судьбою вечно
Низкий положён предел. —
В урне роковой, конечно,
Жребий мой отяжелел.
Случай как ни потрясает
Урну, всё успеха нет;
Как жезлом в ней ни мешает,
Жребий мой на низ падет.

Так и быть; — пусть на вершине
Гордые дубы стоят;
Ветры бурные в долине
Низким лозам не вредят.
Если ж рок и тут озлится;
Что осталось? — терпеть? —
Боле счастливый боится,
Чем несчастный, умереть.

НА СМЕРТЬ ЮЛИИ

Уже со тьмою ночи
Простерлась тишина.
Выходит из-за рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю,
Петь скорбь объявшу дух. —
Прийди грустить со мною,
Луна, печальных друг!

У хладной сей могилы,
Под тенью древ густых,
Услышь мой вопль унылый
И вздохов стон моих.
Здесь Юлии любезной
Прах милый погребен.
Я лить над ним ток слезной
Навеки осужден.

Подобно розе нежной,
Ты, Юлия! цвела.
Ты в жизни сей мятежной
Мне друг, мне всё была.
Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать,

Иль, скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.

Но песни сей плачевной
Прервать я должен стон:
Слезами омоченной
Немее лиры звон.
Безмолвною тоскою
Сильный теснится дух: —
Прийди ж грустить со мною,
Луна, печальных друг!

ЧИЖИК

Милой чижик желтобокой!
Кверху, друг мой! не взлетай.
Не клади гнездо высоко,
Но в густой траве свивай.
Ты взгляни, как ястреб гладный
Над тобой уже парит;
Как твоей он крови жадный,
Когти на тебя острит.

Вырос илем над горою;
Но там, зной ли дышит, — жжет;
Буря ль налетит с грозой, —
Ломит ветви, листья рвет.
А в долине ива мшиста,
Бури не боясь, стоит.
Там струя катясь чиста
В жарки дни ее поит.

Так зачем и мне крушиться,
Что вельможей не рожден?
Тот пусть ищет век томиться,
Кто тщеславием вскружен.
Я же неизменной стезею
От мирских сует уйду.
Труд дея с драгой семьею,
Счастье в бедности найду.

СТАРОСТЬ И МЛАДЦЕСТЬ

Хвалят старое вино, —
Правда, веселит оно.
Выхваляют стара друга;
Правда, сердце он делит;
Но млада, мила подруга
Мне обоих заменит.

Может быть за правду эту
Свет и насмеется мне:
Да вольно ж смеяться свету.
Что приятно в старине,
Тем отнюдь я не гнушаюсь: —
Скуку и печаль стараюсь
В старом утопить вине;
С старым другом вечно буду
Душу отводить душой;
А с подругой молодой
Свет весь и себя забуду.

Хвалят старое вино, —
Правда, веселит оно.
Выхваляют стара друга, —
Правда, сердце он делит.
Но млада, мила подруга
Мне обоих заменит.

ДРУЗЬЯМ МОИМ

Тринадцать лет уже прошло,
Как чувство дружбы вас связало.
Хоть быстро время и текло,
Но счастье при вас стояло:
И легки крылышки прижав,
Любовь при вас же оставалась,
Цепями вас она сковав,
Сама к вам ими приковалась.

Останься ж тут навек любовью! —
Ты где б и сколько б ни летала,
Толь милого приюту вновь
Себе нигде бы не сыскала.
А время! ты лети быстрее:
Хоть всё ты, унося, ничтожишь,
Но счастья моих друзей
С собою унести не можешь.

КРАСАВИЦЕ

Зачем, как мотылёк,
С цветочка на цветок
Анакреон беспечно
Весь век свой пролетал? —
„Такой как ты, конечно,
Он розы не сыскал“.

НА СМЕРТЬ ДРУГА МОЕГО

Томны отголоски! песнь мою печальну
Холмам отнесите;
Вниз потока быстра, сквозь дубраву дальну,
В рощах повторите.

Ах! почто любезна друга, рок постылой!
Ты меня лишаешь?
С кем делилось сердце, хладной с тем
могилой
Вечно разделяешь.

Всё, в чем смертный, сладку полюбя отраву,
Верх утех поставил,
Всё, богатство, роскошь, знатность, громку
славу,
Я тебе оставил.

Не гонясь за теньми скользкою дорогой,
В лестной счастья службе,
Уголок берег я в хижине убогой
Лишь любви и дружбе.

Ты просторным сделал уголок сей тесной:
И любви подруга

Сослана тобою в край нам безызвестной,
Из семейна круга.

К чьей груди осталось приложить мне ныне
Грудь осиротелу? —
Среди людства буду, как в глухой пустыне,
Жизнь влачить я целу.

Томны отголоски! песнь мою печальну
Холмам отнесите;
„Нет уж друга мила!“ — сквозь дубраву
дальну —
В рощах повторите.

Ах! почто ж, друг милой! жертвой жизни
краткой
* Быть тебе сужденно? —
Дерево носяще плод надежды сладкой
С корнем исторженно!

Ежедневно новы с верными друзьями
Ты делил утехи;
Вслед тебе гонялись, резвыми толпами,
Радость, игры, смехи.

Вслед тебя отныне лишь любовь уныла
Гроб твой посещает:
Там, твой прах пожравша, хладная могила
Слезы пожирает.

Где ж ты? друг мой милой! хоть в мечте
мгновенной

К другу возвратися;
С сердцем, что с тобою было съединенно,
Ты еще простися.

Но мой вопль напрасно, повторен сторицей,
К другу в гроб стремится:
Всё в природе немо: травка над гробницей
Не пошевелится.

Томны отголоски! вы хоть отвечайте
На мой вопль унылой.
Сквозь дубраву дальну, в рощах повторяйте:
„Ах! прости, друг милой!“

ДРУГУ МОЕМУ

Взгляни, как снегом покровенны
Высоких гор верхи блестят;
Как сосны инеем нагбенны,
И реки льдом отягощенны
В берегах оцепенев стоят.

Теперь-то, сидя у камина,
Мороз забыть ты нас заставь;
По старшинству их лет и чина
Вели подать Венгерски вина;
А прочее богам оставь.

Метели, бури и морозы,
Когда они хотят смирить,
Тогда ни липы, ни берёзы,
Ни гибки однолетны лозы
Не смеют веткой шевелить.

Что завтра встретится с тобою,
Не беспокойся узнавать;
Минутной пользуйся чертою;
И день, отсроченный судьбою,
Учись подарком почитать.

Во младости не суетливой
Без пляски, игр не трать часа;
И плод вкушай любви счастливой,
Покуда старостью брюзгливой
Не посребрятся волоса.

Теперь тебя зовут гулянья,
Театр, концерты, маскарад,
И те условлены свиданья,
Где нежны вечерком шептанья
Украдкой о любви твердят;

Где смех невольный открывает
Красотку в темном уголке,
Что в фанты перстенок теряет
И слабо лишь обороняет
На сжатой с нежностью руке.

СУЕТНОСТЬ ЖИЗНИ

Растаял снег, земля открылась,
Позеленела мурава;
Струя кристальна с гор скатилась;
Оделись листьями древа.

Возобновился вид природы,
Впадают реки в берега;
И дев веселы хороводы
Уж топчут мягкие луга.

„Не льстись ничем ты вечным в свете“ —
Твердит тебе то год, и час,
И миг, что в молненном полете
Крыло времен несет от нас.

Весна морозы прогоняет;
Спешит за нею лето вслед;
С плодами осень поспешает,
И зиму строгую ведет.

Но года круг непостоянный
Стократ возобновит луна;
А ты, в подземный дом изгнанный,
Век будешь прах и тень одна.

Кто весть, угодно ли судьбине
Прибавить к нашей жизни миг?
Что дашь себе, то вырвешь ныне
Из рук наследников скупых.

Когда умрешь и поневоле
Тебя к кладбищу отнесут,
Ни знатный род, ни честь оттоле,
Ни ум тебя не изведут.

Никто не выходил из гроба,
Хоть всяк в него отсель идет.—
Бездонна, знать, земли утроба:
Повсюду вход, исхода нет.

ЖЕЛАНИЯ СТИХОТВОРЦА

Чего Пиит от неба просит,
Когда в путь новый год течет.
Или когда во храм приносит
Он в день рожденья свой обет?—
Не жатва льстит его богата,
Не мягка волна тучных стад,
Не кучи серебра и злата,
Не пышность мраморных палат.

Пусть пьет нектар кокосов сочных
Тот, кто нашел золотое дно;
Пускай из кристалей восточных
Вкушает капское вино.
Наперсник счастья он любимый,
Проснувшись, руку лишь прострет,
Земля, моря неукротимы,
И мир весь дань ему несет.

Но я, я сыт укругом хлеба,
Доволен кружкой кислых щей,
И больше не прошу от неба,
Как чтобы в малой доли сей
Хранило мне здоровье цело,
Ум свежий и душевный мир;
И век пресекло б престарелой,
Бесчувственный ко звуку лир.

ПЕВЦУ ФЕЛИЦЫ

Доколе музами любим,
Тревоги все, заботы, горе,
За ветрами пушу я в море,
Счастливый путь!—примолвя им.

Пусть Галл Европой потрясает;
Британец всех на море бьет,
От рая Пий ключи теряет,—
Да мне до них и нужды нет.

Честей я не служу кумиру,
Ползком я злата не ищу;
Доволен малым, — жизнь и лиру
Любви и дружбе посвящу.

О Муза, друг холмов тенистых,
Любящая Кастальский ток!
Певцу Фелицы свей венок
Из лавров, из цветов душистых.

Я слаб ему хвалу греметь,—
Тебе, сестрам твоим пристойно,
Возвысить звонку лиру стройно
И Фебова любимца петь.

ЗИМА

Лютая зима! доколе
Землю будешь ты томить.
Реки быстрые в неволе
Льдистым гнетом бременить?
Долго ль быть твоей нам жертвой
И сносить жестокий хлад?—
Всё уныло, пусто, мертво,
Всё, куда ни кинем взгляд.

Ах! когда ж весна природу
Оживить опять придет;
Милую ручьям свободу,
Жизнь деревьям, цветам вдохнет?
Скоро ль в рощах безмятежных
Птичек поселяя вновь,
К ним на крыльях горлиц нежных
Принесет она любовь?

Подождем, — не всё стремится
Буря из полнощных недр;
Время колесом вертится:
Скоро дует южный ветер;
Животворной теплотою
Льды распустит и снега

И роскошною рукою
Облечет в цветы луга.

Скоро ласточки на воле
Будут к облакам взлетать;
Скоро станем в чистом поле
Чистым воздухом дышать.
Подождем,—как после тени
Солнца луч ясней блеснит,
После скорбных угнетений,
Так нас радость оживит.

ОДА ЛОМОНОСОВ

Кто росску Пиндару желает
В восторгах пылких подражать,
Вослед Икара тот дерзает
На крыльях восковых летать:
Взнесется к облакам,—но вскоре,
Лишь солнца силу ощутит,
Низринется стремглав; и море
Безумца имя возвестит.

Как быстрый ток струи скопленны
Стремит с крутой вершины гор;
Кристаллы льет на брег зеленый,
Дремучий будит шумом бор;
Так звучной лирой Ломоносов
Сопровождая громкий стих,
Пленяет слух и души россов,
И усладит потомство их.

Творца глаголы повторяя,
На суд ли смертного с ним звал?—
„Он гласом грома прерывая,
Словами небо колебал.
С покрытые пучины мглою,
Хаосный, леностный туман

Разгнал всеильною рукою,
И с суши сдвинул Океан“.

Поет ли, как восход денницы,
Минервы шествие на трон?
Коль важно подвиг сей царицы,
Коль громко возглашает он!—
„Сам бог ведет; и кто противу?
Кто ход его остановит?
И Океанских вод разливу
Навстречу кто поставит щит?“

Любви ль предел изображает?
Как кисть его оживлена!
Какою прелестью пленяет
Волшебна, райская страна!—
„Там мир в полях и над водами;
Там вихрей нет, ни шумных бурь;
Меж бисерными облаками
Сияет золото и лазурь.“

Древа листьями помавают,
И нежну ощущая власть,
Друг друга ветвями обнимают;
В бездушных там любовна страсть.
Ручьи вослед ручьям крутятся,
То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся,
И, слившись меж собой, журчат.

За Марсом ли вослед дерзая,
Сражений представляет вид,—

С трофея на трофей ступая,
Российско воинство спешит.
Орлам сим воды, лес, стремнины,
Глухие степи, равен путь:
Нося перун полки орлины
Парят, где ветер лишь может дуть*.

С такою дерзостью чудесной,
Изведав неусталость крыл,
Верх облак в синеве небесной
Российский сей орел парил.
Но я, как пчелка над землею
С трудом с цветов сосуша мед,
Я тиху песнь жужжать лишь смею;
Высокий страшен мне полет.

Державин! ты на лире звонкой
Воспой великие дела
Царицы, что победой громкой
Моря и сушу потрясла.
Воспой богов сей дар бесценной,
Дороже коего они
Не могут ниспослать вселенной,
Хоть возвратят златые дни.

Воспой тот день трикрат счастливой,
Когда на жертвенник побед,
Зеленый лавр, обвит оливой,
Она в знак мира вознесет.
Тогда и я, в толпе народа
Участник общего добра,

Во время пышна к храму хода
С восторгом возглашу: ура!

С тобой мы вместе радость нашу
Явим усердным торжеством:
Бесценных ты мастиков чашу
Возжешь пред мирным божеством.
Чертог твой, яркими звездами
Украшен, ночью возблестит,
И радостными голосами
В нем гимн Астрее возгремит.

А я, помст усыпав храма
Взрощенными цветами мной,
Возжгу в нем горстку фимиама,
С белейшею лилей свечой,
Из воска, что с полянки смежной
Трудолюбивая пчела,
За мой о ней надзор прилежной,
С избытком в дар мне принесла.

СПЛУЭГ

Твой образ в сердце врезан ясно;
На что ж мне тень его даришь?
На то ль, что жар любви страстной
Ты дружбой заменить велишь? —
Но лъзя ль веленью покориться:
Из сердца рвать стрелу любви?
Лишь смертью может потушиться
Текущий с жизнью огонь в крови.

Возьми ж обратно дар напрасной, —
Ах! нет; оставь его, оставь.
В судьбине горестной, злосчастной,
Еще быть счастливым заставь:
Позволь надеждой сладкой льститься,
Смотря на милые черты;
Что, как твоя в них тень хранится,
Хоть тень любви хранишь и ты.

ПАМЯТНИК ГОРАЦИЯ

Я памятник себе воздвигнул долговечной,
Превыше пирамид и крепче меди он.

Ни едкие дожди, ни бурный Аквилон,

Ни цепь несметных лет, ни время

быстротечно,

Не сокрушат его. — Не весь умру я; нет:

Большая часть меня от строгих Парк уйдет,

В потомстве возрасту я славой

справедливой;

И в гордый Капитол с Весталкой

молчаливой,

Доколе будет жрец торжественно всходить,

Не перестанет всем молва о мне твердить,

Что тамо, где Авфид стремится ревуши воды,

И в дебрях, где простым народом Давн

владел,

Я первый, вознесясь от низкия породы,

В Латинские стихи Эольску меру ввел. —

Гордись блистательным отличием

Мельпомена!

Гордись; права тебе достоинство дало,

Из лавра Дельфского, в честь Фебу

посвященна,

Венок бессмертный свив, укрась мое чело.

БАТЮШКОВУ

Скажи мне, Батюшков любезный!
Дай дружбе искренний ответ:
Зачем нельстивый и полезный
Ты пренебрег ее совет?

Зачем великолепно Тасса
Решился вновь похоронить,
Когда средь русского Парнасса
Его ты мог бы воскресить?

На то ль он краски бесподобны
И кисть свою тебе вручил,
Чтоб в память ты его надгробный
Лишь кипарис изобразил?

Нет, нет, — признательнейшей дани
Он ждал за дар свой: он хотел,
Чтоб прелести, любовь и брани,
На лире ты его воспел.

Ты пел уж их; и восхищенный
С вершин Парнасса Тасс внимал,
Когда, самим им вдохновенный,
Его ты песни повторял;

Когда на славном невском бреге
Гремея его струнами ты
И в хладном севере на снеге
Растил сорентские цветы.

Но ты замолк; и тщетно гласа
Знакомого бессмертный ждет;
И тщетно ждем мы: лира Тасса
И звука уж не издает.

Почто ж замолк ты? — Дружбы пени
Прими без ропота, мой друг!—
Почто, предавшись томной лени,
Паривший усыпил ты дух?

Проснись; ударь по сладкогласным
Струнам; и, славных дел певец,
С Торкватовым венцом прекрасным
Прекрасный свой сплетишь венец.

ОБУХОВКА

Non ebur, neque aureum
Mea renidet in domo lacunar.
(Гораций, кн. II, ода XVIII).

В миру с соседями, с родными,
В согласьи с совестью моей,
В любви с любезною семьей
Я здесь отрадами одними
Теченье мерю тихих дней.

Приютный дом мой под соломой,
По мне, — ни низок, ни высок;
Для дружбы есть в нем уголок;
А к двери, знатным не знакомой,
Забыла лень прибить замок.

Горой от севера закрытый,
На злачном холме он стоит
И в рощи, в дальний луг глядит;
А Псёл, пред ним змеей извитый,
Стремясь на мельницы, шумит.

Вблизи, любимый сын природы,
Обширный многосенный лес,

Различных купами древес
Приятной не тесня свободы,
Со всех сторон его обнес.

Перед ним, в прогалине укромной,
Искусство, чтоб польстить очам,
Пологость дав крутым буграм,
Воздвигнуло на горке скромной
Умеренности скромный храм.

Умеренность, о друг небесный!
Будь вечно спутницей моей:
Ты к счастью ведешь людей;
Но твой алтарь, не всем известный,
Сокрыт от черни богачей.

Ты с юных дней меня учила
Честей и злата не искать;
Без крыльев — кверху не летать,
И в светлом червячке — светила
Надиво миру не казать.

С тобой, милейшим мне на свете,
Моим уделом дорожу;
С тобой, куда ни погляжу,
Везде и в каждом здесь предмете
Я нову прелесть нахожу.

Сойду ль с горы, — древес густою
Покрытый тенью теремок,
Сквозь наклоненный свод лесок,

Усталого зовет к покою.
И смотрится в кристальный ток.

Тут вечно царствует прохлада
И освежает чувства, ум;
А тихий, безумолкный шум
Стремительного водопада
Наводит сон среди сладких дум.

Там двадцать вдруг колес вертятся;
За кругом поспешает круг;
Алмазы от блестящих дуг,
Опалы, яхонты дождятся;
Под ними клубом бьет жемчуг.

Так призрак счастья движет страсти;
Кружится ими целый свет.
Догадлив, кто от них уйдет:
Они всё давят, рвут на части,
Что им под жернов попадет.

Пойдем, пока не вечереет,
На ближний остров отдохнуть;
К нему ведет покрытый путь,
Куда и солнца луч не смеет
Сквозь темны листья проскользнуть.

Там сяду я под берест мшистый,
Опершись на дебелий пень.
Увы! не долго, в жаркий день,
Здесь будет верх его ветвистый
Мне стлать гостеприимну тень.

Уж он склонил чело на воду,
Подмывши брега крутизну;
Уж смотрит в мрачну глубину,
И скоро, в бурну непогоду,
Вверх корнем ринется ко дну.

Так в мире времени струями
Всё рушится, средь вечной при;
Так пали древни алтари;
Так, с их престольными столпами,
И царства пали и цари.

Но скорбну чтоб рассеять думу,
Отлогою стезей пойдем
На окруженный лесом холм,
Где отражает тень угрюму
С зенита ярким Феб лучом.

Я вижу скромную равнину
С оградой пурпурных кустов:
Там Флора, нежна мать цветов,
Рассыпала свою корзину,
Душистых полную цветов.

Там дале, в области Помоны,
Плоды деревья тяготят;
За ними Вакхов вертоград,
Где, сока нектарного полны,
Янтарны гроздия блестят.

Но можно ль все красы картины,
Всю прелесть их изобразить?
Там дальность с небокругом слить,

Стадами тут устлав долины,
Златою жатвой олушить?

Нет, нет, оставим труд напрасный,
Уж солнце скрылось за горой;
Уж над эфирной синевой
Меж туч сверкают звезды ясны
И зыблются в реке волной.

Пора к семейству возвратиться,
Под мой беседочный намет,
Где, зря оно померкший свет,
Уж скукой начало томиться
И моего возврата ждет.

Всхожу на холм; — луна золотая
На легком облаке всплыла
И, верх текущего стекла,
По голубым зыбям мелькая,
Блестящий столп свой провела.

О! как сие мне место мило,
Когда, во всей красе своей,
Приходит спутница ночей
Сливать с мечтой души унылой
Воспомяненье светлых дней!

Вдали зрю смесь полянок чистых
И рощ, покрывших гор хребты,
Пред мною нежных роз кусты,
А под навесом древ ветвистых,
Как мрамор, белые кресты,

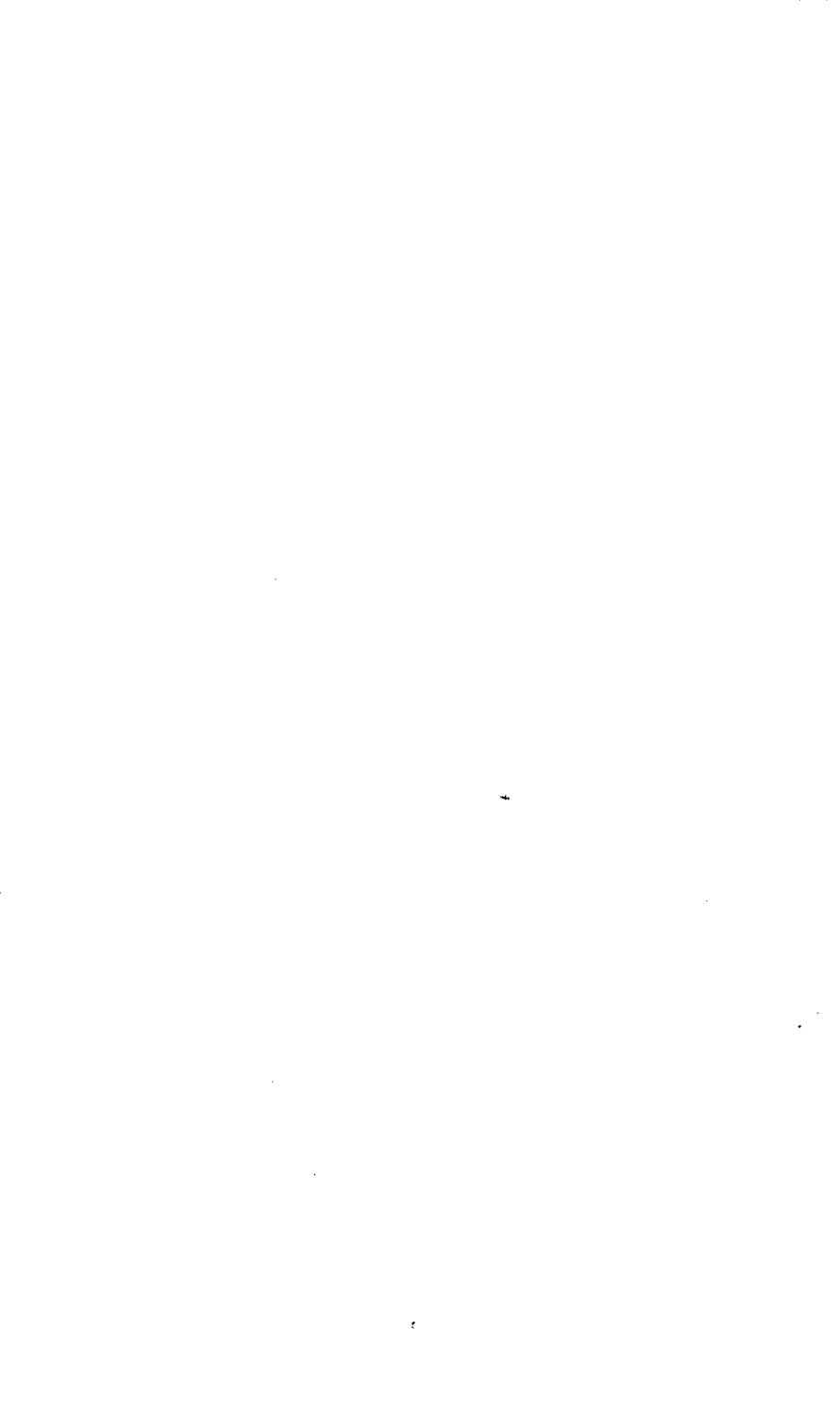
Благоговенье! — молчалива,
Витийственна предметов речь
Гласит: „Ты зришь своих предтеч;
Священна се господня нива:
Ты должен сам на ней возлечь. —

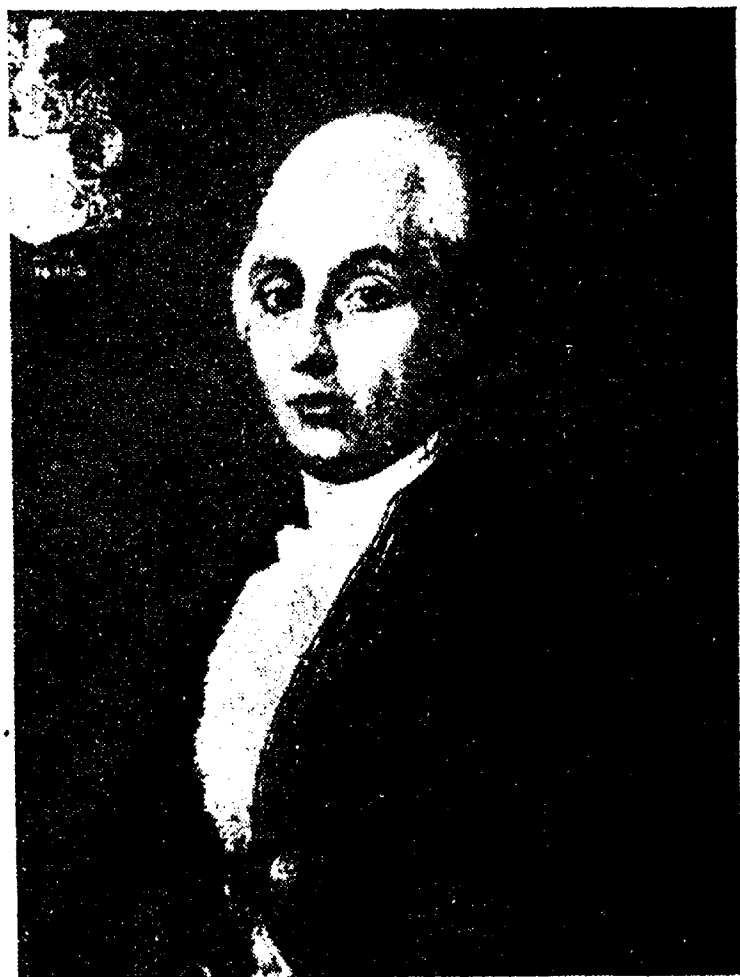
Так; здесь и прах отца почтенный,
И прах семи моих детей
Сырою я покрыл землей;
Близ них дерновый круг зеленый —
Знак вечной храмины моей.

Мир вам, друзья!—ваш друг унылый
Свиданье с вами скоро ждет;
Уж скоро!.. Кто сюда придет,
Над свежей, скромною могилой,
В чертах сих жизнь мою прочтет:

„Капнист сей глыбою покрылся;
Друг Муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что ей, как мог, служа, трудился,
И только здесь он опочил“.

А. РАДИЩЕВ

Александр Николаевич Радищев родился в Москве в 1749 г., но первые семь лет своего детства он прожил с родителями в их селе Верхнем Облязове (Преображенском) на севере Саратовской губернии.

Отец писателя имел до 1800 душ мужского пола в разных уездах.

Когда Радищеву исполнилось семь лет, родители отвезли его в Москву. Здесь у них был свой дом, однако они оставили сына в семье своего родственника М. Ф. Аргамакова, бывшего в родстве с директором Московского университета, А. М. Аргамаковым. Профессора университета бывали у М. Ф. Аргамакова в гостях и давали уроки его детям, вместе с которыми учился Радищев. Гувернером и преподавателем французского языка был у них советник руанского парламента, республиканец, покинувший Францию, где он не мог ужиться с деспотическим правительством.

Осенью 1762 г. Екатерина II и двор находились в Москве на коронации; 25 ноября этого года Радищев был „пожалован“ в пажи; по возвращении двора в Петербург в январе 1764 г. он поселился в Пажеском

корпусе вместе со своим другом, А. М. Кутузовым, в одной комнате.

Нуждаясь в хорошо подготовленных юристах, императрица в 1766 г. выбрала шесть пажей и велела отправить их в Лейпциг; среди них был и Радищев; к ним, по особым ходатайствам, разрешено было присоединить еще шесть молодых дворян, в том числе братьев Ф. и М. Ушаковых. Впоследствии туда же, до возвращения Радищева, было послано еще семеро.

В брошюре „Житие Федора Васильевича Ушакова“, изданной в 1789 г. и посвященной, как и „Путешествие из Петербурга в Москву“, А. М. Кутузову, Радищев оплакивает кончину Ф. Ушакова, с горечью вспоминает зверское обращение со студентами инспектора, майора Бокума, и кратко передает впечатления от лекций и книг.

А. Н. Радищев, А. М. Кутузов и А. К. Рубановский, окончив свои занятия, в середине октября 1771 г. отправились из Лейпцига и в конце ноября приехали в Петербург. Радищев, пока учился в корпусе и в университете, числился на службе; теперь надобно было или выйти в отставку, или поступить на место в какое-либо из учреждений; он решил вместе с Кутузовым поступить протоколистом в сенат. Тогда же он вошел в круг „Собрания, старающегося о переводе иностранных книг на российской язык“, и „Общества, старающегося о

напечатании книг". На работы Собрания Екатерина II решила 26 октября 1768 г. отпускать ежегодно пять тысяч рублей. Общество было учреждено Н. И. Новиковым в начале 1773 г., и к нему с полным сочувствием отнеслась императрица. Обществом в 1773 г. изданы в переводе А. Н. Радищева (с французского языка) „Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков, соч. аббата де-Мабли“.

По возвращении из Лейпцига Радищев был произведен в титулярные советники. В конце 1773 г. он был уже „штаба его сиятельства графа Я. А. Брюса обер-аудитором (прокурором)“. В том же 1773 г. Радищев представил „Собранию“ перевод с немецкого „Офицерские упражнения“ (вышел в свет в 1777 г.).

Уже в переводе Мабли Радищев высказывает свои революционные взгляды; в одном из примечаний он пишет: „Самодержавство есть противнейшее человеческому естеству состояние... Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками...“

Тогда же напечатан Новиковым в „Живописце“ (1772, ч. I) „Отрывок путешествия в* И* Т*, глава XIV“. Картина крестьянской нищеты в деревне Разоренной в „Отрывке“ столь сходна с такою же картиной в „Путешествии из Петербурга в Мо-

скву“, что участие Радищева в „Живописце“ следует признать несомненным.

В 1774 г. Радищев вышел в отставку с чином секунд-майора и женился на племяннице своего товарища по Лейпцигскому университету, А. В. Рубановской. 22 декабря 1777 г. он поступил вновь на службу в коммерц-коллегию на место асессора. Здесь он быстро завоевал симпатии президента коллегии, гр. А. Р. Воронцова.

В 1780 г. Радищев был определен к таможенным делам в Петербурге, а в марте 1790 г. назначен на место советника таможенных дел. В 1789 г. появилась брошюра Радищева „Житие Ф. В. Ушакова“, в начале 1790 г. — „Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске“.

В мае того же года поступило в продажу несколько экземпляров „Путешествия из Петербурга в Москву“; 30 июня Радищев был взят под стражу; 13 июля, после допросов в Тайной экспедиции, он был предан суду; 24 июля палата уголовного суда вынесла ему смертный приговор; 8 августа приговор был утвержден сенатом, 19 августа — государственным советом; 4 сентября, в виду мира со Швецией, приговор был „смягчен“, и последовал указ о ссылке Радищева на десять лет в Сибирь, в Илимский острог.

„Бунтовская“ книга Радищева была заострена против Екатерины и еще больше против Потемкина; но отсюда еще не сле-

дует, что в этом и заключалась вся ее задача. Она очень проста по своей структуре и чрезвычайно сложна по содержанию. Прежде всего это — исповедь индивидуалиста в духе Руссо. Автобиографические черты рассеяны по всей книге. Главное внимание сосредоточено на чувствах и размышлениях „путешественника“. Человек, по мнению Радищева, не может быть счастлив, когда его со всех сторон окружают несчастные. „Путешественник“, подобно Иорику Стерна („Сентиментальное путешествие“) или Вертеру Гете, проливал немало слез, но подлинный автор книги, в отличие от Стерна или Рейналя с их „чувствительными“ и „надутыми“ тирадами, был полон глубокого возмущения. В прозаической части „Путешествия“ Радищев карает крепостников, в оде „Вольность“ — царей, и приговор тем и другим он выносит беспощадный: изверг-помещик убит крестьянами, король Карл I Стюарт сложил голову на плахе, и смерть свою они оба заслужили вполне. Во всей книге постоянно противостоят друг другу „мужик“ и „барин“, как два непримиримых врага. „Что ожидает нас?“ — спрашивает Радищев свою братию, дворянство. Крестьяне, „во узах содержимые, ждут случая и часа. Колокол ударяет. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие... Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими,

Уже время, вознесши косу, ждет часа и удобства, и первый льстец или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Блудитесь“.

Литература в глазах Радищева была служением обществу. „Пускай другие,— пишет он,— раболепствуют власти, превозносят хвалами силу и могущество. Мы воспоем песнь заслуге к обществу“.

Пушкин высоко ценил поэтический талант Радищева, подражал ему в своей юношеской поэме „Бова“ (1815) и писал в первой редакции „Памятника“:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милосердие воспел.

„Радищев,—пишет он в „Путешествии из Москвы в Петербург“,—будучи нововводителем в душе, силился переменить и русское стихосложение. Его изучения Тилемахиды (поэмы Тредиаковского) замечательны. Он первый у нас писал древними лирическими размерами. Стихи его лучше прозы. Прочитайте его „Осьмнадцатое столетие“, „Сафические строфы“, басню или, вернее, элегию „Журавли“,—все это имеет достоинство“. Об оде „Вольность“ Пушкин сказал: „В ней много сильных стихов“.

Радищев включил оду в „Путешествие“ с большими купюрами. Тем не менее в за-

мечаниях Екатерины на его книгу читаем: „с 350 до 369 (страницы) содержится, по случаю будто стихотворчества, ода совершенно явно и ясно бунтовская, где царям грозитя плахою. Кромвелев пример приведен с похвалами. Сии страницы криминального намерения, совершенно бунтовские. О сей оде спросить сочинителя, в каком смысле и кем сложена“.

Судьи поняли намек императрицы и вынесли автору оды смертный приговор.

Благодаря заботам А. Р. Воронцова, Радищев не потерял работоспособности в течение годов, проведенных в Сибири. Павел I вернул его из ссылки, но запретил выезжать из своей деревни (1797). По воцарении Александра I он был восстановлен во всех правах, освобожден от надзора и снова принят на службу (1801 г.). Новый век и новый царь не внушали, однако, надежды, что исполнятся заветные мечты Радищева.

Тяжело складывалась и личная жизнь Радищева. На обратном пути из Илимска скончалась в Тобольске его вторая жена (Радищев овдовел первый раз в 1783 г.), сестра первой, Елизавета Васильевна Рубановская, и оставила его с маленькими детьми на руках, когда ссылка и преждевременная старость значительно пошатнули его здоровье. Родители были стары, больны и не могли выручить его в нужде. Долги

росли и, как выяснилось после его смерти, достигли сорока тысяч рублей.

Утром 11 сентября 1802 г. он отравился. Чтобы остановить мучения, он схватил бритву и попробовал зарезаться. В ночь на 12 сентября он скончался.

В 1807—1811 гг. сыновья Радищева выпустили „Собрание оставшихся сочинений после покойного Александра Николаевича Радищева“ в шести томиках, исключая „Путешествие“; оно оставалось под запретом до 1905 г. и распространялось в списках. В первый томик „Собрания“ вошли помещаемые здесь стихотворения, кроме „Вольности“; она печатается по списку „Путешествия“, хранящемуся в Институте русской литературы Академии наук СССР. Имеется два Собрания сочинений Радищева, 1907 года — под ред. В. В. Каллаша (2 т.) и под ред. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева (2 т.); оба издания неполны и неточны. „Путешествие из Петербурга в Москву“ и ода „Вольность“ изданы с обширными комментариями Я. Л. Барскова изд. „Academia“ в 1935 г. Из работ о Радищеве укажем книги В. А. Мякотина „На заре русской общественности“, 1902, В. П. Семенникова „Радищев“, 1923, а также статью И. К. Луппола „Трагедия русского материализма XVIII века“, „Под знаменем марксизма“, 1924 (VI—VII) и в сб. И. К. Луппол „Историко-

философские этюды" М., 1935. Библиография литературы о Радищеве, составленная Р. С. Мандельштам, под ред. Н. К. Пиксанова, напечатана в „Вестнике Коммунистической академии“, 1925.

ВОЛЬНОСТЬ

(Ода)

1

О дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти, да смятутся
От гласа твоего цари.

2

Я в свет исшел, и ты со мною;
На мышцах нет моих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несущу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мыслю я.
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой воля есть моя.

Но что ж претит моей свободе?
 Желаньям зрю везде предел;
 Возникла обща власть в народе,
 Соборной всех властей удел.
 Ей общество во всем послушно,
 Повсюду с ней единодушно;
 Для пользы общей нет препон.
 Во власти всех своей зрю долю,
 Свою творю, творя всех волю:
 Вот что есть в обществе закон.

В середине злачныя долины,
 Среди тягченных жатвой нив,
 Где нежны процветают кривы,
 Средь мирных под сеньми олив,
 Паросска мрамора белее,
 Яснейша дня лучей светлее,
 Стоит прозрачный всюду храм;
 Там жертва лжива не курится,
 Там надпись пламенная зрится:
 „Конец невинности бедам“.

Оливной ветвию венчанно
 На твердом камени седяй,
 Безжалостно и хладнонравно,
 Глухое божество, судяй,
 Белее снега во хламиде
 И в неизменном всегда виде;
 Зерцало, меч, весы пред ним.
 Тут истина стрежет десную,

Тут правосудие — ошую:
Се храм *Закона* ясно зрим.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вокруг себя,
Равно на все взирает лица,
Ни ненавилья, ни любя;
Он лести чужд, лицеприятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знает, ни приятни,
Равно делит и мзду и казни;
Он образ божий на земле.

7

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав,
Земные власти попирает,
Главою неба досязает,
„Его отчизна там“ — гласит.
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою
И всюду вея ползкий яд,
Троякою обнес стеною
Чувствительность природы чад;
Повлек в ярем порабошенья,

Облек их в броню заблужденья,
Бояться истины велел.
„Закон се божий!“ — царь вещает;
„Обман святой!“ — мудрец взывает: —
Народ давить что ты обрел“.

9

Сей был и есть, и будет вечной
Источник лют рабства оков:
От зол всех жизни скоротечной
Пребудет смерть един покров.
Всесильный боже, благ податель,
Естественных ты благ создатель,
Закон свой в сердце основал:
Возможно ль, ты чтоб изменился,
Чтоб ты, бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал?

10

Возрیم мы в области обширны,
Где тусклой трон стоит рабства,
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут:
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
„На пользу общую“, — рекут.

11

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;

Где все ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там несподручны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшалый,
Коварства сеть простерлась в дол.

12

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
„По воле, -- рек, — щажу злодея,
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно — все смятется;
Живешь тогда, велю козь жить“.

13

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаяся всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет ад.
Вокруг престола все надменна
Стоят коленопреклоненна,
Но мстителъ, трепещи, грядет.
Он молвит, вольность прорекая, —
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

Возникнет рать повсюду бранна,
 Надежда всех вооружит;
 В крови мучителя венчанна
 Омыть свой стыд уж всяк спешит.
 Меч остр, я зрю, везде сверкает,
 В различных видах смерть летает
 Над гордою главою царя.
 Ликуйте, склепанны народы!
 Се право мщенье природы
 На плаху возвело царя.

И ноши се завесу лживой
 Со треском мощно разодрав,
 Кичливой власти и строптивой
 Огромной истукан поправ,
 Сковав сторучна исполина,
 Влечет его, как гражданина,
 К престолу, где народ воссел:
 „Преступник власти, мною данной,
 Вещай, злодей, мною венчанной,
 Против меня восстать как смел?

Тебя облек я во порфиру
 Равенство в обществе блюсти,
 Вдовицу призирать и сиру,
 От бед невинность чтоб спасти,
 Отцом ей быть чадолюбивым;
 Но мстителем непримиримым
 Пороку, лже и клевете;

Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупреджати,
Хранити нравы в чистоте.

17

„Покрыл я море кораблями,
Устроил пристань в берегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах;
Златая жатва чтоб бесслезна
Была оранию полезна;
Он мог вещать бы за сохой:
Бразды своей я не наемник,
На пажитях своих не пленник,
Я благоденствую тобой.

18

„Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать;
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться;
Для пользы всех мне можно все;
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

19

„Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя,
Себе в утеху быть венчанну
Возмнил, что ты господь, не я;

Мечом мой расторг уставы,
Безгласными поверг все права,
Стыдиться истине велел,
Расчистил мерзостям дорогу.
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

20

„Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил;
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их недостало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести!
Жену, чуждающуюся чести!
Иль злато богом ты признал?

21

„В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить.
Сгруженные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившись в Афинах:
Ирой!— зевав, могли сказать.

22

„Злодей, злодеев всех лютейший!
Превзыде зло твою главу.

Преступник, изо всех первейший!
Предстань, на суд тебя зову!
Злодействы все скопил в едино,
Да ни единая преидет мимо
Тебя из казней, супостат!
В меня дерзнул острить ты жало!
Единой смерти за то мало —
Умри! умри же ты стократ!“

23

Великий муж, коварства полной,
Ханжа, и льстец, и святотать!
Един ты в свет столь благотворной
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

24

Ниспослал призрак, мглу густую,
Светильник истины попрая;
Личину, что зовут святою,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действьи распростерт своем.
Не спасшему от бед нас мнимых,
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

Внезапу вихри восшумели,
 Прервав спокойство тихих вод,
 Свободы гласы так взгремели,
 На вече весь течет народ,
 Престол чугунный разрушает,
 Самсон как древле сотрясает
 Исполненный коварств чертог;
 Законом строит твердь природы.
 Велик, велик ты, дух свободы,
 Зиждителен, как сам есть бог.

Сломив опор духовной власти,
 И твердой мщенья рукой
 Владычество расторг на части,
 Что лжей воздвигнуто святой,
 Венец трезубый затмевая
 И жезл священства преломляя,
 Проклятий молнии утушил;
 Смеясь мнимого прещенья,
 Подъял луч Лютер просвещенья,
 С землею небо помирил.

Как сый всегда в начале века
 На вся простерту мочь явил,
 Себе подобна человека
 Создати с миром положил,
 Пространства из пустыней мрачных
 Исторг — и твердых и прозрачных
 Первейши семена всех тел,

Разруша древню смесь, покоил;
Стихиями он все устроил
И солнцу жизнь давать велел.

28

И дал превыспренно стремленье
Скривленному рассудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверх земли уж зрится всей;
В неведомы страны отважно
Летит Колумб чрез поле влажно;
Но чудо Галилей творит,
Возмог, протекши пустотою,
Зиждательной своей рукою
Светило дневно утвердить.

29

Так дух свободы, разоря
Вознесшийся неволи гнет,
В градах и селах пролетая,
К величию он всех зовет,
Живит, родит и созидает,
Препоны на пути не знает,
Вожаем мужеством в стезях;
Нетрепетно с ним разум мыслит,
И слово собственностью числит,
Невежства что развеет прах.

30

Под дровом, зноем упоенный,
Господне стадо пастырь пас;
Вдруг новым светом озаренный,
Вспрянув, свободы слышит глас;

На стадо зверь, он видит, мчится,
На бой с ним ревностно стремится;
Не чуждый вождь брежет свое.
О стаде сердце не радело,
Как чуждо было, не жалело;
Но ныне, ныне ты мое.

31

Господню волю исполняя,
До востока солнца на полях,
Скупую ниву раздирая,
Волю томилась на браздах;
Как мачеха к чуждоутробным
Исходит с видом всегда злобным,
Рабам так нива мзду дает.
Но дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет:
Себе всяк сеет, себе жнет.

32

Исполнив круг дневной работы
Свободный муж домой спешит;
Невинно сердце, без заботы
В объятиях супружних спит.
Не господа рукой надменна,
Ему для казни подаренна,
Невинных жертв чтоб размножал;
Любовию вождаем нежной,
На сердце брак воздвиг надежной,
Помощницу себе избрал.

33

Он любит и любим он ею;
Труды — веселье, пот — роса,

Что жизненностию своею
Плодит луга, поля, леса;
Вершин блаженства достигают,
Горячность их плодом стягчают
Всещедра бога; в простоте
Бесплодны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцов что кормит в нагоде.

34

Возри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит;
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груда правильно стремится,
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимой,
Ты есть и был непобедимой,
Твой вождь — свобода, Вашингтон!

35

Двулична бога храм закрылся,
Свирепство всяк с себя сложил,
Се бог торжеств меж нас явился
И в рог веселья вострубил.
Стекаются тут громки лики,
Не видят грозного владыки,
Закон веселью кой дает;
Свободы зрится тут держава;
Награда тут едина слава,
Во храм бессмертья что ведет.

Сплетясь веселым хороводом,
 Различности надменность сняв,
 Се паки под лазурным сводом
 Естественный встает устав;
 Погрязла в тине властна скверность;
 Едина личная отменность
 Венец возможет восхитить;
 Но не пристрастия державну,
 Опытностью лишь старцу славну
 Его довлеет подарить.

Венец, Пиндару возложенный,
 Художества соткан рукой;
 Венец, наукой соплетенный,
 Носим Невтоновой главой;
 Таков, себе всегда мечтая,
 На крыльях разума взлетая,
 Дух бодр и тверд возможет вся;
 По всей вселенной пронесется;
 Миров до края вознесется:
 Предмет его суть — мы, не — я.

Но страсти, изошряя злобу,
 Враждебный пламенник стрясут;
 Кинжал вонзится себе в утробу
 Народы пагубно влекут;
 Отца на сына воздвигают,
 Союзы брачны раздирают,
 В сердца граждан лиют боязнь;
 Рождается несытна власти

Алчба, зиждущая напасти,
Чтоб обществу устроить казнь.

39

Крутится вихрем громоносным,
Обвившись облаком густым,
Светилом озарясь поносным,
Сияньем яд прикрыт святым.
Зовя, прельщая, угрожая,
Иль казнь, иль мзду ниспосылая —
Се меч, се золото: избирай!
И, сев на камени эхидны,
Лестей облек в взор миловидный,
Шлет молнию из края в край.

40

Так Марий, Сулла, возмутивши
Спокойство шаткое римлян,
В сердцах пороки возродивши,
В наемну рать вместил граждан,
Ругаясь всем, что есть свято,
И то, что не было отнято,
У римлян откупить возмог;
Весы золотые мзды позорной
Предательству, убийству сродной
Воздвиг нечестья средь чертог.

41

И се, скончав граждански брани
И свет коварством оболбив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугуный скиптр обвил цветами,—

Народы мнили — правят сами,—
Но Август выю их давил;
Прикрыл хоть зверство добротой,
Вождаем мягкой душою;
Но царь когда бесстрастен был?

42

Сей был и есть закон природы,
Неизменяемый никогда;
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда:
Мучительство, стряся пределы,
Отравы полны свои стрелы
В себя, не ведая, вонзит;
Равенство казнию восставит;
Едину власть, вселясь, раздавит;
Обидой право обновит.

43

Дойдешь до меты совершенство,
В стезях препоны прескочив,
В сожитии найдешь блаженство,
Нешастных жребий облегчив;
И паче солнца возблистаешь,
О вольность, вольность, да скончаешь
Со вечностью ты свой полет:
Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится,
И власти под ярмом падет.

44

Да не дивимся превращенью,
Которое мы в свете зрим;

Всеобщему вослед стремленью
Не косвенно, стремглав бежим.
Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борит,
Начало тленьем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать.

45

О вы, счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдите дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами
Усыпанная, под ногами
У вас готова вас сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лезя претворить.

46

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность поправа;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил.
Твоей я славе не причастен —
Позволь, коль дух мой не подвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл!

Но нет! где рок судил родиться,
 Да будет там и дням предел;
 Да хладный прах мой осенится
 Величеством, что днесь я пел;
 Да юноша, взалкавый славы,
 Пришед на гроб мой обветшалый,
 Дабы со чувствием вещал:
 „Под игом власти, сей, рожденный,
 Нося оковы позлащенные,
 Нам вольность первый прорицал“.

И будет, вслед гремящей славы
 Направя бодрственно полет,
 На запад, юг, восток, державы
 Своей ширить предел; но нет
 Тебе предела ниотколе,
 В счастливой, ты ликуя доле,
 Где ты явишься, там твой трон.
 Отечество мое драгое,
 На чреслах пояс сил в покое,
 В окрестность ты даешь закон.

Но дале, чем источник власти,
 Слабее членов тем союз,
 Между собой все чужды части,
 Всяк тяжесть ощущает уз.
 Лучу, истекшу от светила,
 Сопутствуют и блеск и сила;
 В пространстве — он теряет мощь;
 В ключе — хотя не угасает,

Но бег его ослабевает;
Ползущего глотает ночь.

50

В тебе, когда союз прервется,
Стончает мненья крепка власть;
Когда закона твердь шатнется,
Блюсти всяк будет свою часть;
Тогда, растерзано мгновенно,
Тогда сложенье твое бренно,
Содрогшись внутренно, падет,
Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце вновь даст свет.

51

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы темной,
Что лютый дух властей возжег,—
Возникнут малые светила;
Незыблемо свои кормила
Украсят дружба венцом,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцом.

52

Но не приспе еще година,
Не совершились судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды.
Встрещат заклепы тяжелой ночи;

Упруга власть, собрав все мочи
Вкатяся, где потщится пасть,
Да грузным махом все раздавит,
И стражу к словеси приставит,
Да будет горшая напасть.

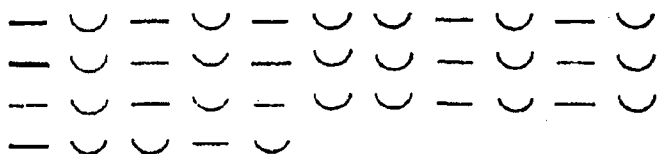
53

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет.
Приидет вожделенно время,
На небо смертность воззовет;
Направленна в стезю свободой,
Десную ополча природой,
Качнется в дол, — и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
Развеется в одно мгновенье, —
О день! избраннейший всех дней!

54

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества;
Трясутся вечна мрака своды,
Се миг рожденья вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель наедине —
Река — яркий свет пустил свой луч,
И, ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

САФИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

Ночь была прохладная, светло в небе
Звезды блещут, тихо источник льется,
Ветры нежны веют, шумят листьями
Тополи белы.

Ты клялася верною быть вовеки
Мне, богиню ноши дала порукой;
Север хладной дунул один раз крепче,
Клятва исчезла.

Ах, почто быть клятвопреступной!
Лучше
Будь всегда жестока, то легче будет
Сердцу. Ты, маня лишь взаимно страстью,
Ввергла в погибель.

Жизнь прерви, о рок, рок суровой, лютой!
Иль вдохни ей верной быть клятве данной.
Будь блаженна, если ты можешь только
Быть без любви.

ЖУРАВЛИ

(Басня)

Осень листья ощипала с дерев,
Иней седой на траву упадал,
Стадо тогда журавлей собралось,
Чтоб прелететь в теплу, дальну страну,
За море жить. Один бедной журавль,
Нем и уныл, пригорюнясь, сидел:
Ногу стрелой перешиб ему ловчий.
Радостный крик журавлей он не множит;
Бодрые братья смеялись над ним.
„Я не виновен, что я охромел,
Нашему царству, как вы, помогая.
Вам надо мной хохотать бы не должно,
Ни презирать, видя бедство мое.
Как мне лететь? Отымает возможность,
Мужество, силу претяжка болезнь.
Волны несчастному будут мне гробом!
Ах, для чего не пресек моей жизни
Ярый ловец!“ Между тем веет ветер,
Стадо взвилось и скорым полетом
За море вмиг прелететь поспешает.
Бедной большой назади остается;
Часто на листьях, плывущих в водах,
Он отдыхает, горюет и стонет;

ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

Урна временн часы изливаает каплям
подобно;

Капли в ручьи собрались; в реки
ручьи возросли,

И на дальнем берегу изливают пенистые
волны

Вечности в море; а там нет ни предел,
ни берегов;

Не возвышался там остров, ни дна там
лот не находит;

Веки в него протекли, в нем исчезает
их след...

Но знаменито вовеки своею кровавой струею
С звуками грома течет наше
столетье туда;

И сокрушен, наконец, корабль, надежды
несущий,

10 Пристани близок уже, в водоворот
поглощен.

Счастье и добродетель, и вольность пожрал
омут ярый,

Зри, всплывают еще страшны
обломки в струе.

Нет, ты не будешь забвенно, столетье
безумно и мудро!

Будешь проклято вовек, в век
удивлением всех.

Крови в твоей колыбели, припеванье
громы сраженьев.

Ах, омоченно в крови, ты ниспадаешь
во гроб!

Но зри, две возмеслися скалы во среде
струй кровавых —

Екатерина и Петр, вечности чада, и
Росс.

Мрачные тени создаи, впреди [же] их
солнце;

20 Блеск лучезарной его твердой скалой
отражен.

Там многотысячнолетны растаяли льды
заблужденья,

Но зри, стоит еще там ледяной хребет,
теремась;

Так и они — се воля господня — исчезнут
растая,

Да человечество в хлябь льдяну,
трясаясь, не падет.

О незабвенно столетие! радостным
смертным даруешь

Истину, вольность и свет, ясно
созвездье вовек!

Мудрости смертных столпы разрушив,
ты их паки создало;

Царства погуби тобой, как
раздробленной корабль;

Царства ты зиждешь: они расцветут и
низринутся паки

Смертной что зиждет, все то рушится,
 будет все прах;
 Но ты творец было мысли; они ж суть
 творения бога;
 И не погибнут они, хотя бы
 гибла земля;
 Смело счастливой рукой завесу творенья
 возвеяв
 Скрыту природу сглядев в дальном
 таилище дел,
 Из океана возникли новы народы и земли,
 Ноши глубокой из недр новы
 металлы тобой.
 Ты исчисляешь светила, как пастырь
 играющих агнцев;
 Нитью вождения вспять ты
 призываешь комет;
 Луч рассечен тобой света; ты новые
 солнца воззвало;
 Новые луны из тьмы дальней
 воззвало пред нас;
 Ты побудило упряму природу к рождению
 чад новых;
 Даже летучи пары ты заключило
 в ярем;
 Молнию небесну сманило во узы железны
 на землю
 И на воздушных крылах смертных
 на небо взнесло.
 Мужественно сокрушило железны ты
 двери призраков,
 Идолов свергло к земле, что мир на
 земле почитал,

Из недр гроба столетия глас утешенья

изыде:

Срини отчаянье! смертной, надейся!
бог жив!

Кто духу бурь повелел истязать

бунтующи волны,

Времени держит еще цепь тот

всесильной рукой;

Смертных дух бурь не развеет, зане

суть лишь твари дневные —

Солнца на восходе цветут, блекнут с

закатом они;

Вечна едина премудрость. Победа ее

увенчает,

После тревог воззовет, смертных

достойной...

Утростолетия нова кроваво еще нам явилось.

70 Но уже гонит свет дня ночи

угрюмую тьму!

Выше и выше лети к солнцу, орел ты

российской,

Свет ты на землю снеси, молнии

смертельны оставь

Мир, суд правды, истина, вольность

лиются от трона,

Екатериной, Петром воздвигнут,

чтоб счастлив был, Росс.

Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет

еще с нами.

Зрите на новой вы век, зрите

Россию свою'

Гений-хранитель всегда, Александр, будь

у нас...

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание содержит избранные произведения поэтов: М. Хераскова, В. Майкова, И. Богдановича, М. Попова, В. Петрова, И. Хемницера, В. Капниста и А. Радищева. Все тексты даны в последних авторских редакциях.

Книга подготовлена к печати бригадой участников группы по изучению литературы XVIII века Пушкинского Дома Академии наук СССР. Я. Л. Барсковым подготовлены стихотворения Радищева, П. Н. Берковым—Петрова, Г. А. Гуковским—Хераскова, В. Майкова и Богдановича, Б. И. Копланом—Попова, Хемницера и Капниста. А. М. Докусовым написана вступительная заметка к стихотворениям Майкова.

И. ХЕРАСКОВ

Элегия на человеческую жизнь. Напечатана в 1760 г. в журнале „Полезное увеселение“.

Ода. Напечатано там же. Строфа 5: *льзя*—можно.

Элегия. Напечатана там же.

Эпиграмма. Там же.

Сонет. Там же.

Два покойника (притча). Там же.
Момсик — мопсик, собачка.

Эпиграммы. Напечатано в том же журнале в 1761 г.

Стансы. („Только явятся...“). Там же.
Строфа 3: *вести* — сплетни.

Стансы („Всяк на свете сем хлопочет...“).
Напечатано в 1762 г. в том же журнале.
Строфа 2: *Плав* — условное имя. Строфа 4:
Песня о походе Петра I в Персию („под
Дербент“), видимо, была популярна в XVIII в.

Анакреонтические оды.

Помещены в сборнике „Новые оды Михайла Хераскова. Печатаны в Москве в июле месяце 1762 года...“ Впоследствии сборник перепечатан с некоторыми исправлениями в VII томе „Творений“ Хераскова (1799—1800 гг.), под названием „Анакреонтические оды“, т. е. оды в стиле сборника греческой лирики, все стихотворения которого приписывались Анакреону. В оде II („Тебе приятны боле“) в тексте „Творений“ в конце фамилия *Сумароков* заменена звездочками (в издании 1762 г. „С****“).

П а с т у ш к а. Напечатано в 1763 г. в журнале „Свободные часы“.

К Е в т е р п е. Напечатано там же. *Евтерпа* — муза лирической поэзии.

С т а н с ы. Напечатано там же. В строфе 12 дана пародия на знаменитую строфу Ломоносова:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают...
...Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

(Ода на день восшествия на престол Елизаветы Петровны, 1747 года).

Нравоучительные басни.

Напечатаны в сборнике „Нравоучительные басни Михаила Хераскова. 1764“ *Басня I. Фонтанна* — фонтан.

Оды нравоучительные.

Помещены в сборнике „Философические оды или песни Михайла Хераскова 1769 г.“ Впоследствии сборник перепечатан в исправленном виде в VII томе „Творений“ Хераскова, с названием „Оды нравоучительные“. Ода IV посвящена Алексею Андреевичу Ржевскому, поэту, приятелю Хераскова. В 1760—1763 гг. Ржевский, вместе с Хера-

сковым, работал в московских журналах, был активнейшим членом кружка молодых писателей, независимо-мыслящих, стоявших далеко от двора или даже находившихся в оппозиции к нему. Но вскоре после вступления на престол Екатерины II Ржевский стал делать официальную карьеру, сделался придворным и впоследствии достиг „высокого“ положения. Строфа 3: *Дриады* — нимфы деревьев, рощ и лесов. Строфа 8: *лики*—хоры.

Прошедшее. Напечатано в „Вестнике Европы“ в 1806 г.

Ночное размышление. Напечатано там же.

Отрывки из „Россиады“. „Россиада, ироическая поэма в 12 песнях“ была издана впервые в 1779 г. Потом она была включена в состав издания „Эпических творений Михайла Хераскова“ 1786—1787 гг. — в I том — 1786 г. (были и отдельные оттиски из этого издания) и, наконец, заняла первый том „Творений“ Хераскова, вышедший в 1796 г. Оба раза, и для издания 1786 г. и для издания 1796 г., Херасков перерабатывал текст поэмы. После смерти Хераскова „Россиада“ издавалась четырежды: в 1807 г. — в I томе второго издания „Творений“ (и отдельно то же издание без титульного листа), в 1820 г. в переиздании „Эпических творений“, в 1893 г. в 3-м выпуске сборника

С. А. Венгерова „Русская поэзия“; наконец, в 1895 г. отдельным выпуском „Русской классной библиотеки“ А. Чудинова (вып. 20). Содержание „Россиады“ — повествование о походе царя Ивана IV на Казань и о взятии этой татарской крепости (1552 г.). В настоящем издании даны отрывки из XI песни поэмы, изображающей бой под стенами Казани. Ст. 10: *раскат* — передвижная башня, на которой ставились пушки. Ст. 19: *туры* — корзины, набиваемые землей для защиты от пуль. Стихи 44 и сл.: „Три воителя...“ На помощь казанцам приходит персидская богатырша Рамида с тремя влюбленными в нее витязями — индийцем Марседом, „черкешенином“ Бразином и сарацином Гидромиром. В бою под Казанью Рамида легко ранила князя Курбского, а он ее — в голову. Ст. 182: *выжлец* — гончая собака.

В. МАЙКОВ

Нравоучительные басни.

Напечатаны в книге „Нравоучительные басни Василья Майкова, ч. I—II, 1766—1767 гг.“

Конь знатной породы. Басня заимствована у датского писателя XVIII в. Гольберга. *Буцефал* — конь Александра Македонского.

О хулителе чужих дел. Сюжет басни заимствован из народной сказки.

В о й н а. Ода. Напечатана впервые в журнале „Вечера“ в 1773 г. и в том же году в сборнике „Разные стихотворения Василья Майкова“, книга II. В это время еще не закончилась война с Турцией. Строфа I: *Алекта*—по мифологии одна из Эриний или Фурий, адских чудовищ. Строфа 3: *ратай*, *оратай* — пахарь; *храмина* — дом. Строфа 6: *железы* — оковы.

О да о с у е т е м и р а. Напечатана в журнале „Собрание новостей“ в 1775 г.

О да о в к у с е. Напечатана отдельной брошюрой (вместе с „Ответом“ Сумарокова) и в журнале „Собрание разных сочинений и новостей“—в 1776 г. Строфа I: *Ипокрена*—по мифологии источник, посвященный музам, вода которого возбуждала поэтическое вдохновение. *Полночным* (т. е. северным) *Расинном* Майков называет Сумарокова, имея в виду его трагедии. Строфа 5: *Прадон* — драматург XVII в., как и *Расин*, написавший трагедию о Федре. Прадон и Расин принадлежали к враждовавшим литературным группам. Сторонникам Прадона удалось добиться видимости победы Прадона в соревновании двух драматургов.

Е л и с е й, и л и р а з д р а ж е н н ы й В а к х был издан в 1771 г. После смерти Майкова поэма была переиздана в 1788 г. и затем в „Собрании сочинений Майкова“ в 1809 г. Стихи I и сл. представляют собой пародию на

формулу вступления к героической эпопее, написанной по правилам классицизма. Ст. 4: *ярыга* — пьяница; *чумак* — служитель в питейном доме. Ст. 19: *Скаррон* — французский поэт XVII в., автор „Перелицованной Энеиды“. Ст. 20: *Приап* — бог плодородия и любви. Ст. 25: *Ермий* — Гермес, бог торговли и воровства, посол богов. Ст. 29: *Семеновские слободы* — казармы Семеновского полка, находились близ Петербурга в Загородной слободе, недалеко от Ямской слободы, где жили ямщики. Ст. 38: *Сырная неделя* — масленица. Ст. 53: *взрачный* — видный, красивый. Ст. 58: *волжаный кнут* — сделанный из веток волжанки (кустарника). Ст. 61—62: пародия на стихи В. Петрова из его перевода „Энеиды“ Вергилия. Ст. 70: *школьным напевом* называет Майков поэзию В. Петрова, так как он учился в духовной академии Заиконоспасского монастыря в Москве и потом преподавал в этой же академии. Ст. 76: *Единого из них* — т. е. Ломоносова, умершего в 1765 г. Ст. 91: *с полиц* — с полок. Ст. 103: *гайтан* — шнурок. Ст. 104: *тропнул* — хлопнул. Ст. 110: *щунять* — журить. Ст. 152: *абие* — тотчас, немедленно (употреблено пародийно, как устаревшее слово). Ст. 270: *Мом* — бог шуток, насмешки. Ст. 174—176: *Геркулес* — герой древнегреческих легенд, так был влюблен в *Омфалу*, что в угоду ей брал прялку и пряд вместе с ее служанками.

Д е н ь г и. Напечатано впервые в 1761 г. в журнале „Полезное увеселение“; здесь текст стихотворения заключал 6 строф.

О д а д у х о в н а я. Напечатана впервые в 1761 г. там же с названием „Станс“ (здесь она заключала 9 строф). В сборнике стихотворений Богдановича „Ли́ра“ это стихотворение включено в раздел „Оды духовные из разных псалмов Давыдовых“.

С т и х и к К л и м е н е. Напечатано впервые в 1763 г. в журнале „Невинное упражнение“ с названием „Мадригал“.

С т и х и, п о д р а ж е н н ы е и т а л и а н с к и м. Напечатано в сборнике стихотворений Богдановича „Ли́ра, или собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя“. 1773. Это перевод стихотворения итальянского поэта XVIII в. П. Метастазно.

П е с н я. Напечатано там же. Цифра 2 при последнем стихе каждой строфы указывает, что этот стих должен был при пении повторяться дважды.

О т з р и т е л я к о м е д и и „Н е д о р о с л я“. Печатается с рукописи-списка в тетради: „Стихотворения Ипполита Федоровича Богдановича, найденные по смерти его

и списанные с подлинных его руки* (см. примечание к „Идиллии“). Эпиграмма на „Недоросля“ Фонвизина (поставленного впервые в 1782 г.) интересна тем, что она выражает отрицательное отношение к реалистическому изображению дикого помещичьего быта, характерному для этой комедии. Можно думать, что Богданович выражал здесь отношение к „Недорослю“ придворных кругов, недовольных политической идеей пьесы, направленной против тех именно слоев дворянства, на которых прежде всего опиралось правительство Екатерины II.

Песня. Напечатано в 1786 г. в журнале „Новые ежемесячные сочинения“.

Идиллия (а кто пожелает, песня). Напечатано в журнале „Новые ежемесячные сочинения“ в 1786 г. анонимно. Принадлежность стихотворения Богдановичу устанавливается на том основании, что оно имеется в рукописной тетради, озаглавленной „Стихотворения Ипполита Федоровича Богдановича, найденные по смерти его и списанные с подлинных его руки“; эта тетрадь, список самого начала XIX в., хранится в Институте русской литературы Академии наук СССР. Здесь данное стихотворение озаглавлено: „Песня“.

Станс. Напечатано в том же журнале в 1790 г. анонимно. Принадлежность „Станса“ Богдановичу устанавливается на том

же основании, что и в предыдущем стихотворении.

Песнь Гаральда. Напечатано впервые в собрании сочинений Богдановича, т. III, 1810 г. Это вольный перевод знаменитого древнескандинавского произведения, восходящего к XI—XIII вв.; Богданович переводил „Песнь“ не с оригинала, а с французского перевода, повидимому с перевода XVIII в. Малле (в его „Истории Дании“; ср. в „СПБ. Вестнике“ 1778 г., ч. I, перевод из Малле и прозаический перевод песни Гаральда, подписанный „Б“). Гаральд, король Норвегии с 1047 по 1066 гг., был женат на дочери русского великого князя Ярослава „Мудрого“. Он занял престол после победы над своим племянником Магнусом (ср. в строфе 2 — „Король и силы их легли...“). *Дронтгейм* — горная область в Норвегии. „*На пекете*“ (строфа 5) — видимо в пикете, в сторожевом, передовом отряде.

Песня. Напечатана там же.

Идиллия. Печатается с рукописи-списка в тетради „Стихотворения Ипполита Федоровича Богдановича, найденные по смерти его и списанные с подлинных его руки“.

Душенька. Сказочная поэма Богдановича была написана в середине 1770-х гг.

Первая песнь („Книга“) ее была издана в 1778 г. под названием „Душенькины похождения“. В 1783 г. „Душенька“ вышла полностью; затем было второе издание 1794 г. и третье—1799 г.; и во 2-м и в 3-м изданиях Богданович вносил исправления. После смерти Богдановича „Душенька“ издавалась неоднократно. Поэма написана на сюжет античного мифа о боге любви Амуре и Психее. Психе—по-гречески душа; отсюда „Душенька“ Богдановича. Легенда об Амуре и Психее была обработана в романе латинского писателя II в. Апулея „Золотой Осел“ и потом—в прозе со стихотворными вставками—французским поэтом XVII в. Лафонтеном. Краткое содержание поэмы Богдановича таково: Душенька, красавица и царская дочь, по указанию оракула должна быть оставлена одна на пустынной горе, где она найдет неведомого ей супруга. Приказ оракула исполнен. Душенька перенесена с горы в прекрасный дворец, где ночью к ней является муж. Душенька живет как богиня в волшебном дворце, но не знает, кто ее супруг. Перенесенные к ней для ее развлечения, в гости, ее сестры из зависти убеждают ее в том, что ее муж—злое чудовище и что она должна убить его. Ночью, когда муж Душеньки спит, она входит в спальню с мечом и лампадой в руках и видит, что таинственный супруг—это Амур. Любуясь его красотой, Душенька пролила часть горячего масла из лампы на бедро Амура.

Он проснулся и увидел меч в ее руках. Душенька изгнана из дворца Амура; ей приходится претерпеть много страданий и понести много трудов, пока она не заслуживает прощения.

1. Отрывок из I книги „Душеньки“ — описание путешествия Венеры „по водам“ в Цитеру, остров, ей посвященный. *Фетида* — морская богиня, жена царя Пелея.

2. Отрывок из II книги „Душеньки“ — героиня перенесена в волшебный дворец своего мужа. *Орфей и Амфион* — легендарные певцы и музыканты древнегреческих сказаний.

М. ПОПОВ

Два вора (Притча). Впервые напечатана в „Трутне“, 1769 г., лист III, 12 мая; перепечатана в „Досугах“, ч. I, 1772 г.

Любовные песни

„Под тению древесной“ — „Досуги“, ч. I.

„Ты, несчастный добрый молодец...“ — там же.

„Не голубушка в чистом поле воркует...“ — там же.

Отрывки из комической оперы „Анюта“. „Анюта“ — „комическая опера в одном действии“ — впервые напечатана в „Досугах“, ч. I; перепечатана

в „Российском Феатре“, ч. 28, 1789 г. Эта опера представлена „в первый раз в Сарском Селе придворными певчими“ 26 августа 1772 г. Содержание ее вкратце таково: крестьянин Мирон хочет выдать замуж свою приемную дочь Анюту за батрака Филата; но Анюта любит помещика-дворянина Виктора. Мирон негодует на Анюту, Филат клянет свою судьбу, Анюта упорствует. Вдруг Виктор раскрывает происхождение Анюты: она — не крестьянка, как думали Мирон и Филат, а дочь дворянина-полковника, который был вынужден временно скрываться от своих врагов и который посылает Мирону через Виктора щедрый денежный подарок. Мирон удовлетворен вполне, а Филат вынужден примириться со своей несчастной долей бедняка-батрака и утешиться денежной подачкой счастливица Виктора, который и женится на Анюте.

В. ПЕТРОВ

Ода на карусель. Написана в 1766 г. по случаю „рыцарской карусели“, устроенной Екатериной в Москве. В карусели принимали участие мужчины и женщины, образовавшие четыре костюмированные кадрили (группы из двух пар) — славянскую, римскую, индийскую и турецкую. Напечатана в „Сочинениях“ Петрова (1782 г.). Ст. 22: *выник* — вышел наружу. Ст. 25: *адаманты* — алмазы. Ст. 41: *Минерва* —

здесь Екатерина II. Ст. 54: *Диана* изображалась в сопровождении женщин-охотниц (стрелицы). Ст. 60: *прияти тщатся лавр мужам* — стремятся перенять у мужчин лавровые венки. Ст. 63: *мета* — цель. Ст. 72: *Пентесилея* — легендарная предводительница женщин-воинов, амазонок. Ст. 79: *льзя* — можно. Ст. 80: *тещи* — течь, пробегать; здесь — участвовать. Ст. 88: *не общна* — не приобщена; не вхожу в состав. Ст. 107: *пустынного изгнанца плод* — турки считались потомками Измаила, сына библейского патриарха Авраама; Измаил с матерью своей Агарью, по преданию, был изгнан в пустыню. Ст. 118: *Камилл* — римский полководец. Ст. 121: *Декий (Деций)* — римский военачальник. Ст. 125: *Маркелл (Марцелл)* — римский консул, убивший во время битвы вождя галлов. Ст. 130: *увязен* — увенчан. Ст. 132: *подвижничий* — состоящие из храбрецов, совершающих подвиги. Ст. 139: *его успеху совосплещет* — смысл: мое сердце восторгается его успехами. Ст. 147: *несмесный* — не смешивающийся. Ст. 163: *узревый* — старинная форма вместо: узревший, увидевший. Ст. 213: *воев* — воинов. Ст. 218: *луна* — эмблема Турции; здесь вместо Турция. В стихах 218 — 220 имеется в виду граф Миних, главный руководитель войны с турками в 1736—1737 гг. Ст. 232: *мечевитцы* — гладиаторы. Ст. 235: *позорище* (старинное слово) — зрелище. Ст. 252: *отменить* — отличить, сделать отменным, известным.

Ст. 257: *беспрочный* — бесполезный, в котором нет проку. Ст. 275: *Исфм* — название перешейка в древней Греции; здесь происходили общенародные игры, истмийские; *Олимп* (собственно Олимпия), местность в Греции, в которой каждые четыре года справлялись олимпийские игры; *Пифия* — игры, происходившие вблизи Дельфов, в Греции, где, по преданию, Феб убил змея Пифона. Ст. 276: *Нимия* — собственно Немейская долина, где происходили немейские игры. Ст. 278: *Диагор и Ферон* — победители на играх, воспетые Пиндаром. Ст. 280: *Фивянин* — Пиндар был уроженцем Фив, города в Греции.

На войну с турками. 1769. Написано по поводу первой турецкой войны (1769—1774). Ст. 2: *Фурии* — богини возмездия, мучившие грешников в Тартаре (аду). Ст. 8: *сераль* — дворец турецких султанов в Константинополе. Ст. 13: *Секвана* — латинское название р. Сены; в переносном смысле — Франция. Франция опасалась в XVIII в. роста политического значения России и интриговала против нее в Турции. Ст. 20: *рость* — расти. Ст. 27: *полудню* — солнцу, стоящему в зените. Ст. 33: *она* — Франция. Ст. 41: *тать* — разбойник. Ст. 45: *буйный скот* — конь; *ков* — оковы. Ст. 47: *ристать* — скакать. Ст. 65: *Гем* (Балканы) и *Родопы* — горные цепи на Балканском полуострове. Ст. 84: *Крим* — Крымское

ханство находилось тогда в вассальной зависимости от Турции. Ст. 117: *пад* — падши, пав.

На находящийся в Зимнем Дворце сад. Написано 20 марта 1769 г. Напечатано в „Сочинениях“ Петрова (1811). Ст. 5: *От мраза безуронны* — не терпящие урона от мороза. Ст. 20: *Евфрат* — река в Азии; в г. Вавилоне, расположенном на берегах Евфрата, находились, по преданию, висячие сады царицы Семирамиды, считавшиеся одним из восьми чудес древности: об этих садах и говорит Петров в стихах 19—21. Ст. 22: *Флора и Помона* — в римской мифологии богини цветов и плодов. Ст. 29: *едемский* — райский.

К..... из Лондона. Написано в 1772 г. (?). Напечатано в „Сочинениях“ Петрова (1811). Ст. 12: *праг* — порог. Ст. 13: *веря* — столб, на котором навешиваются при помощи петель ворота или двери. Ст. 20: *презорство* — пренебрежение, презрение. Ст. 22: *ухлебить* — задобрить; собственно — накормить. Ст. 46: *брыжи* — манжеты; здесь — бумажное кружево. Ст. 84: *людьми со стороны лиц скудость* добавляют, т. е. из-за недостатка актеров (лиц) берут статистов. Ст. 89: *Дмитревский*, Иван Афанасьевич (1734—1821) — крупнейший русский актер второй половины XVIII века. Ст. 104: *буй* — сокращенная форма от

„буйный“; здесь в смысле: храбрый, удалой. Ст. 122: *матерски* — матерински. Ст. 140: *догоня* — погоня; здесь в смысле: в догонку. Ст. 152: *Мидас* — легендарный царь, за свою алчность наказанный богами тем, что все, к чему он ни прикасался, обращалось в золото; позднее взамен этого ему даны были в наказание ослиные уши; смысл стиха: пленяй богатых, но глупых покровителей. Ст. 153: *словаря* — „Опыт исторического словаря о российских писателях“ Н. И. Новикова (1772), против которого обращено все послание. Ст. 157: *желвь* — черепаха. Ст. 163: *алырщик* — бездельник. Ст. 164: *мацы* — кожаные с рукоятками мешочки, при помощи которых в старину в типографиях набивали краску на набор; *батырщик* — типографский рабочий, набивавший краску мацами. Ст. 185: *патерик* — сборник житий святых. Ст. 201: *мычь* — от слова мыкать; здесь — води, тычь.

Г. А. Потемкину. Написано в 1779 г. Напечатано отдельно и в „Сочинениях“ Петрова (1782). Ст. 7: *сице* — так. Ст. 9: *Перун* — в славянской мифологии верховный бог, бог грома и войны; в данном случае — бомбы, ядра, вообще военные действия. Смысл стихов 11—12 таков: успех, кумир низких душ, послушен премудрости Потемкина. Ст. 25: *чести* — читать. Ст. 25: *певец Троянской брани* — Гомер; он же *великий отче* (отец) (стих. 28) *муз*. Ст. 26: *Александр* — Але-

ксандр Македонский. Ст. 36: *хартия* — бумага.

Ода Потемкину. Написано в 1782 г. Напечатано в „Сочинениях“ Петрова (1811). Строфа I: *Клия* — муза истории. Строфа II: *Фарос* — маяк на острове Фаросе; вообще маяк. Строфа III: *Афр* — африканец. Эподос III: *инде* — в другом месте. Эподос IV: *фавонии* — зефиры, приятные ветерки. Строфа V: *облетеvый* — облетевший; *ему возвратшусь* — после его возвращения, после того как он возвратился. Антистрофа V: *крин* — лилия. Эподос VI: *илим* — вяз; *грезны* — грозди. В Эподосе VI Петров обращается к самому себе, сравнивая себя с виноградом, а Потемкина — с вязом.

К... Напечатано впервые в „Сочинениях“ Петрова (1811). Ст. 7: *суровый бог гремящий брани* — Марс, бог войны. Стихи 11 и 12 представляют перевод из греческого сборника „Антологии“; этими стихами Петрова воспользовался впоследствии Лермонтов для своей известной эпиграммы „Три грации“.

Весна. Напечатано впервые в „Сочинениях“ Петрова (1811); обращено к находившейся в отсутствии жене поэта. *Петруша* — младший сын Петрова. *Чернова* — река в бывшей Орловской губернии; на этой реке находилась деревня, принадлежавшая Петрову.

И. ХЕМНИЦЕР

Обоз. Впервые напечатано в первом издании басен Хемницера 1779 г.

Конь верховый. Впервые напечатано там же в 1779 г. Подражание басне немецкого поэта Геллерта „Каретная лошадь“.

Зеленый осел. Впервые напечатано во 2-м издании басен Хемницера, 1782 г. Перевод одноименной немецкой басни Геллерта.

Волчье рассуждение. Впервые напечатано в 1782 г.

Соловей и Чиж. Впервые напечатана там же в 1782 г. Перевод басни Геллерта „Чижик“.

Лошадь и Осел. Впервые напечатана там же в 1782 г. Заимствована у Лафонтена.

Стрекоза. Впервые напечатана там же в 1782 г. Перевод басни Лафонтена „Стрекоза и Муравей“.

Лестница. Впервые напечатана там же в 1782 г.

Стрелка часовая. Впервые напечатана в третьем издании басен Хемницера

в 1799 г. Подражание одноименной басне французского поэта Ножана (Nogent).

Метафизик. Впервые напечатана там же в 1799 г.

Дурак и Тень. Впервые напечатана там же в 1799 г.

В. КАПНИСТ

Ода на рабство. Написана в 1783 г. Впервые напечатана в издании „Лирические сочинения“ Капниста в 1806 г. в первый, „либеральный“, период царствования Александра I. Но при последующем издании (А. Смирдина) сочинений Капниста в 1849 г. эта ода не была пропущена цензурой. Капнист написал эту оду под свежим впечатлением от указа 3 мая 1783 г., по которому крестьяне Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств объявлялись крепостными людьми тех помещиков, на чьих землях застал их новый закон. Президент Российской Академии Е. Р. Дашкова намеревалась в 1786 г. напечатать „Оду на рабство“ в „Новых ежемесячных сочинениях“, но Державин, через которого Дашкова получала стихи Капниста, из осторожности не послал Дашковой эту смелую антикрепостническую оду своего друга; при этом Державин писал Капнисту (в марте 1786 г.): „...Препровождаю тебе, мой друг,

твое сочинения, с которых копии взяла Дашковой я отдал. Она требовала оды и о рабстве; но я сказал, что ты оной не оставил, по причине, что не нашел в своих бумагах; а при том изъяснил ей, что ни для ее, ни для твоей пользы напечатать и показать напечатанную императрице тое оду не годится и с здравым рассудком не сходно, на что она весьма согласилась и осталась довольною*.

Мотылек. Впервые напечатано в альманахе Карамзина „Аонида“ в 1796 г.

На смерть Юлии. Впервые напечатано в „Карманном песеннике“, изданном И. И. Дмитриевым в 1796 г.

Чижик. Впервые напечатано в первом издании лирических сочинений Капниста в 1796 г.

Старость и младость. Впервые напечатано там же в 1796 г.

Друзьям моим. Впервые напечатано там же в 1796 г. Близкими друзьями Капниста в то время были Г. Р. Державин и Н. А. Львов.

Красавице. Впервые напечатано там же в 1796 г. под заглавием: „На перевод Анакреонта, приписанный Марие Алексеевне“

Львовой". В 1794 г. вышел поэтический перевод Н. А. Львова всего Анакреона. Мария Алексеевна Львова — жена Н. А. Львова, свояченица Капниста. К ней, надо думать, и обращено данное анакреонтическое стихотворение Капниста.

На смерть друга моего. Впервые напечатано в „Лирических сочинениях“ в 1806 г. Сочинено в начале 1804 г. по случаю смерти Н. А. Львова (умер 22 декабря 1803 г.).

Другу моему. Впервые напечатано в „Аонидах“ в 1797 г. Подражание Горацию (ода IX из книги I).

Суетность жизни. Впервые напечатано в „Лирических сочинениях“ Капниста в 1806 г. Подражание Горацию (ода XI из книги I).

Желания стихотворца. Впервые напечатано там же в 1806 г. Подражание Горацию (ода XXXI из книги I).

Певцу Фелицы. Впервые напечатано там же в 1806 г. Подражание Горацию (ода XXVI из книги I). Посвящено Державину. В строфе 2: „От рая Пий ключи теряет...“ Пий — папа Римский; ключи — символ церковной власти папы. В строфе 4: *Кастальский ток* — Кастальский источ-

ник (миф.), посвященный Аполлону и Музам, у подошвы горы Парнасса.

Зима. Впервые напечатано там же в 1806 г.

Ода Ломоносов. Впервые напечатано там же в 1806 г. Подражание Горацию (ода II из книги IV). Взятые в кавычки стихи в строфах 3—7 являются подражанием стихам Ломоносова (из его „торжественных“ и „духовных“ од). В строфе 11: *Астрея* (миф.) — богиня справедливости.

Силуэт. Впервые напечатано там же в 1806 г.

Памятник Горация. Впервые напечатано там же в 1806 г. Перевод XXX оды (из книги III) Горация. *Авфид* — быстротекущая река в Апулии (Италия). *Давн* (миф.) — дед Турна, царя рутулов, древне-италийского народа.

Батюшков у. Впервые напечатано в „Сыне отечества“ в 1817 г. С. К. Батюшковым Капнист познакомился в доме А. Оленина в начале 1800-х гг. Повидимому, Капнист обратил внимание Батюшкова на изучение итальянского поэта Торквато Тассо и советовал перевести его поэму „Освобожденный Иерусалим“.

Обуховка. Впервые напечатано в „Сы-

не отечества" в 1818 г. Обуховка, деревня Капниста, в быв. Полтавской губернии Миргородского уезда, на реке Псёя, впадающей в Днепр.

А. РАДИЩЕВ

Ода „Вольность“. Частично была введена Радищевым в текст „Путешествия из Петербурга в Москву“ (1790), в главу „Тверь“. Здесь были напечатаны целиком строфы 1, 3, 4, 6, 7, 12, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 23 и строка 1 из 2-й строфы, первые 4 строки из 5-й строфы, первые 2 и 7-я из 8-й строфы, первые 2 и последние 4 из 10-й; первые 4 из 11-й, первая из 13-й строфы, первая и последняя из 22-й, последние 5 из 25-й, первая из 38-й, четвертая и пятая из 41-й, первые 2 из 54-й. Целиком ода „Вольность“ была напечатана (неисправно) лишь в 1906 г.

Сделанные Радищевым купюры не служат попыткой устранить слишком смелые места. Строфа 1: Марк Юний *Брут* — друг Юлия Цезаря, глава заговора на его жизнь с целью предотвратить конец Римской республики, участвовал в его убийстве в 44 г. до н. э. Вильгельм *Телль* — легендарный герой-освободитель Швейцарии в 1307 г. от австрийской власти. Строфа 4: *крины* — лилии. Строфа 5: *хламида* — одежда древних греков и римлян. *Десную, ошую* — по правую и левую руку. Строфа 7: Радищев

изображает здесь церковный фанатизм. Строфа 10: *союзно* — вместе. Строфа 12: *живот* — жизнь. Строфа 18: *медные громады* — пушки. Строфа 21: *В отличность знак изобретенный* — знаки отличия, изобретенные для награды за заслуги. Строфа 23: *Оливер Кромвель* — деятель английской революции XVII в. и вождь армии английского парламента в гражданской войне с королем во время революции, которая привела Карла I Стюарта на суд и на плаху. В Англии провозглашена была республика. Кромвель получил верховную власть и титул протектора. Строфа 26: *Мартин Лютер* — поднял в 1517 г. знамя церковной реформации в Германии. Строфа 27: *сый* — сущий, т. е. бог. Строфа 28: *Галилей* — итальянский ученый XVI—XVII вв.; математик и астроном; он разделял учение Коперника о движении земли, был обвинен за это в ереси и вынужден отречься от нее по требованию папы. Строфы 30, 31 и 32: *господний* — господский. *Господа* — господин. Строфа 33: *горячность* — любовь. Строфа 34: *Георг Вашингтон* — один из вождей американской революции 1775 — 1783 гг., восстания английских колоний в Америке против метрополии, в результате которого была основана республика Северо-Американских Соединенных Штатов. Вашингтон был их первым президентом. Строфа 35: *двуличный бог* — Янус (его изображали с двумя лицами); по преданию римский

царь Нума соорудил храм Януса, дверь которого была открыта во время войны; в мирное время ее запирали. Строфа 36: *восхитить* — похитить; *довлеет* — надлежит, следует. Строфа 37: *Невтон* — Ньютон. Строфа 40: *Марий и Сулла* возглавляли борьбу партий в Римской республике (II в. до н. э.). Строфа 41: *Октавиан Август* — первый римский император (I в. до н. э. — I в. н. э.). *Бесстрастен* — свободен от страстей. Строфа 46: Радищев обращается к республике Соединенных Штатов Северной Америки. Строфа 52: *кончина* — конец. *Стража к словеси* — цензура.

Сафические строфы. Напечатано впервые в журнале „Ипокрена“ 1801 г. Античная „сафическая“ строфа по преданию была изобретена древнегреческой поэтессой Сафо.

Журавли. Напечатано в собрании сочинений Радищева в 1807 г. Ст. 37: *на он-пол* — на другую сторону.

Осьмнадцатое столетие. Напечатано там же; текст издания 1807 г. — не исправлен (стихотворение было, повидимому, не закончено и не обработано Радищевым). Мы даем по возможности исправленный текст. Стихотворение относится к началу нового века и нового царствования Александра I (1801). Ст. 10: *водоворот* — рево-

люция 1789 г. Ст. 31: *Они ж суть творение бога* — т. е. мысли. Ст. 35: поэт говорит о географических открытиях XVIII столетия. Стихи 37 и 38: речь идет об успехах астрономии и картах звездного неба; к 1784 г. относится труд Пенгрэ „Кометография“, в котором приведены предсказания ученых о возвращении комет. Ст. 39: Радищев имеет в виду учение о спектре; начало ему положено Ньютоном в 1666 г.; в XVIII в. известны работы по спектру солей Мельвиля (1752) и открытие „невидимых“ лучей Шееле (1752) и Гершелем (1800); учение Ньютона популяризовал Вольтер. Ст. 42: имеется в виду паровая машина Уатта (1769). Ст. 43: Радищев говорит о громоотводе Франклина (1752). Ст. 44: речь идет о воздушном шаре Монгольфьера (1782). Ст. 45: Радищев говорит о войнах, не прекращавшихся в течение последнего десятилетия XVIII в. между революционной Францией и ее врагами с Англией во главе. Стихи 70 и 79 не закончены.

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Поэты XVIII в. Вступительная статья <i>Г. Гуковского</i>	5
---	---

М. ХЕРАСКОВ

(Редакция текстов и примечания *Г. Гуковского*)

Вступительная заметка <i>Г. Гуков-</i> <i>ского</i>	83	
Элегия на человеческую жизнь	88	<i>397</i>
Ода	90	<i>397</i>
Элегия	92	<i>397</i>
Эпиграмма	95	<i>398</i>
Сонет	96	<i>398</i>
Два покойника (Притча)	97	<i>398</i>
Эпиграммы	98	<i>398</i>
Стансы („Только явятся...“)	99	<i>398</i>
Стансы („Всяк на свете сем хло- <i>почет...“) . . . . .</i>	102	<i>398</i>
<i>Анакреонтические оды</i>		
Истинное благополучие		
Ода I	105	<i>398</i>

---

¹ Первая цифра (прямым шрифтом) обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Ода II	107	398
Ода III	109	398
Ода IV	110	398
Пастушка	111	399
К Евтерпе	113	399
Стансы („Кто мне сыщет чело- века . . . .“)	116	399

Нравоучительные басни

Фонганна и речка	120	399
Соловей и лягушки	122	399

Оды нравоучительные

Благополучие	124	399
Богатство	126	399
Злато	128	399
К А* А* Р*	129	399
Терпение	131	399
Старость	133	399
Знатная порода	135	399
Прошедшее	137	400
Ночное размышление	140	400
Россиада (отрывки)	141	400

В. МАЙКОВ

(Редакции текстов и примечания Г. Гукковского)

Вступительная заметка А. Докусова 155

Нравоучительные басни

Конь знатной породы	158	401
Вор и подьячий	160	401

О хулителе чужих дел	162	401
Общество	165	401
Война (Ода)	167	402
Ода о суете мира	173	402
Ода о вкусе	177	402
Елисей, или раздраженный Вакх .	179	402

И. БОГДАНОВИЧ

(Редакции текстов и примечания Г. Гуковского)

Вступительная заметка Г. Гуков- ского	189	
Деньги	194	404
Ода духовная	195	404
Стихи к Климене	196	404
Стихи, подраженные италян- ским	197	404
Песня („Пятнадцать мне ми- нуло лет...“)	200	404
От зрителя комедии „Недо- росля“	202	404
Песня („Много роз красивых в лете...“)	203	405
Идиллия (а кто пожелает, песня)	204	405
Станс („Без тебя, Темира...“) . .	206	405
Песнь храброго шведского ры- царя Гаральда	207	406
Песня („У речки птичье ста- до...“)	209	406
Идиллия („Под тенью древ зе- леных...“)	211	406
Душенька (отрывки)	212	406

М. ПОПОВ

(Редакция текстов и примечания *Б. Коплана*)

Вступительная заметка <i>Б. Коплана</i>	225	
Два вора	229	408

Любовные песни

1. („Под тению древесной...“)	231	408
2. („Ты несчастный добрый молодец!...“)	233	408
3. („Не голубушка в чистом поле воркует...“)	235	408
Из комической оперы „Анюта“	237	408

В. ПЕТРОВ

(Редакция текстов и примечания *П. Беркова*)

Вступительная заметка <i>П. Беркова</i>	245	
Ода на карусель	249	409
На войну с турками	259	411
На находящийся в Зимнем Дворце ее императорского величества сад	264	412
К . . . . . из Лондона	266	412
Его светлости князю Григорию Александровичу Потемкину („Восстани, муза! петь достоинт...“)	276	413
Его светлости князю Григорию Александровичу Потемкину („Сними с стены висящу лиру...“)	278	414

К . . . . . („Девниц избранный хор . . . . . “)	285	414
Весна	286	414

II. ХЕМИЦЕР

(Редакция текстов и примечания *Б. Коплана*)

Вступительная заметка <i>Б. Коплана</i>	293	
Обоз	296	415
Конь верховый	297	415
Зеленый осел	298	415
Волчье рассуждение	300	415
Соловей и Чиж	301	415
Лошадь и Осел	302	415
Стрекоза	303	415
Лестница	304	415
Стрелка часовая	305	415
Метафизик	307	416
Дурак и Тень	310	416

III. КАНИЦТ

(Редакция текстов и примечания *Б. Коплана*)

Вступительная заметка <i>Б. Коплана</i>	313	
Ода на рабство	317	416
Мотылек	323	417
На смерть Юлнн	324	417
Чижик	326	417
Старость и младость	327	417
Друзьям моим	328	417
Красавице	329	417
На смерть друга моего	330	418
Другу моему	333	418

Суетность жизни	335	418
Желания стихотворца	337	418
Певцу Фелицы	338	418
Зима	339	419
Ода Ломоносов	341	419
Силуэт	345	419
Памятник Горация	346	419
Батюшкову	347	419
Обуховка	349	419

А. РАДНИЦЕВ

(Редакция текстов и примечания *Я. Барскова*)

Вступительная заметка <i>Я. Барскова</i>	357	
Вольность (Ода)	366	420
Сафические строфы	386	422
Журавли (Басня)	387	422
Осьмнадцатое столетие	389	422
Примечания	395	